

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 30–31

St. Petersburg
2024

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 30–31

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.4

Редакционная коллегия:

В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, М. Ю. Вахтина,
Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора),
М. В. Медведева, А. К. Очередной, И. Л. Тихонов

Editorial board:

V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov,
L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), M. V. Medvedeva, A. K. Ocherednoi, I. L. Tikhonov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

Записки Института истории материальной культуры РАН. — СПб.: ИИМК РАН, 2024. —
№ 30–31. — 156 с.

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg: IHMC RAS, 2024. —
No. 30–31. — 156 p.

ISSN 2310-6557

В № 30–31 «Записок ИИМК РАН» представлены исследования археологических материалов разных эпох (от энеолита до Средневековья), включая новейшие разработки в области цифровой археологии. В разделах «История науки», «Рецензии», «Хроника» и AD MEMORIAM публикуются архивные данные, рецензия на издание института и информация о конференции по истории археологической науки в России, воспоминания о выдающемся исследователе античной культуры И. Г. Шургая.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 30th and 31st issues of the “Transactions of IHMC RAS” present the results of archaeological works on the sites of different epochs (from the Eneolithic period through the Medieval time), including interdisciplinary studies and newest developments in the field of digital archaeology. The sections “The history of science”, “Book reviews”, “Chronicle”, and AD MEMORIAM contain archive data, information about a book and a conference devoted to the history of archaeology in Russia, as well as a memoir about I. G. Shurgaya, an outstanding researcher of classical antiquities.

The publication is addressed to archaeologists, cultural scientists, historians, museologists, and students of history departments of universities.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Л. Б. Кирчо, М. А. Кулькова</i> Новый источник поделочного камня в культуре земледельцев юга Средней Азии последней трети IV — первой половины III тыс. до н. э. (по геохимическим данным).....	7
<i>И. Л. Кызласов</i> Горные крепости Среднего Енисея. Особенности археологического источника	18
<i>В. П. Яйленко</i> Граффити ранней Березани с денежными суммами и ratio монет-стрелок	32
<i>Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко</i> Погребение всадника из могильника Старокорсунского городища № 3	46
<i>Е. К. Блохин, А. Ю. Виноградов, Д. Д. Ёлишин, Э. Э. Казаков, Н. Ф. Соловьева</i> «Камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим»: о методике создания информационной системы «Ранневизантийские церкви Сирии»	56
<i>В. Н. Кузнецова, М. С. Павлова</i> Ювелирные изделия карельского облика в материалах Старой Ладogi	72

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Р. В. Пахомов</i> Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/1.....	81
<i>Н. А. Павличенко</i> Об одном экспонате Музея древностей Петербургского университета.....	97
<i>Ю. А. Виноградов</i> Всегда ли усердие похвально? (Небольшой сюжет из истории исследований Херсонеса Таврического).....	101
<i>К. В. Конончук, Д. С. Филимонова</i> Ликвидация Склада древностей: причины, события и последствия	107
<i>М. В. Мандрик</i> Обзор фонда археолога С. С. Черникова (к 115-летию со дня рождения ученого).....	116

РЕЦЕНЗИИ

<i>Л. А. Сыченкова</i> У истоков отечественной академической археологии. Рецензия на книгу: Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 872 с.: ил. ISBN 978-5-6047952-0-0.....	130

ХРОНИКА

<i>Ю. А. Виноградов, Н. М. Милихина</i> Научная конференция «М. В. Фармаковский (1873–1946). Античник у истоков отечественной археологической технологии»	141

AD MEMORIAM

<i>В. А. Горончаровский</i> К 90-летию со дня рождения Игоря Георгиевича Шургая	148
Список сокращений	153

CONTENTS

NEW RESEARCH

<i>L. B. Kircho, M. A. Kulkova</i> New source of ornamental stone in the culture of Central Asian farmers of the last third of the IV — the first half of the III mil. BC (according to geochemical data).....	7
<i>I. L. Kyzlasov</i> Mountain fortresses of the Middle Yenisei. The particularities of this type of archaeological record	18
<i>V. P. Yailenko</i> Graffiti of early Berezan with sums of money and the ratio of coins-arrows	32
<i>N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko</i> Horseman's grave from a burial ground Starokorsunskoe settlement No. 3.....	46
<i>E. K. Blokhin, A. Yu. Vinogradov, D. D. Elshin, E. E. Kazakov, N. F. Solovyova.</i> “This stone which I have set up as a pillar will be God's house”: about the methodology of developing the information system “The Early Byzantine Churches of Syria”	56
<i>V. N. Kuznetsova, M. S. Pavlova</i> Jewelry of Karelian aspect in the materials of Staraya Ladoga	72

THE HISTORY OF SCIENCE

<i>R. V. Pakhomov</i> Stefan Krukowski's excavations at the Upper Paleolithic site Kostenki 1/I	81
<i>N. A. Pavlichenko</i> About one object from the Antiquities Museum of St. Petersburg University.....	97
<i>Yu. A. Vinogradov</i> Is eagerness always commendable? (A small subject from the history of the study of Tauric Chersonesos)	101
<i>K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova</i> Liquidation of the Repository of Antiquities: causes, events and effects	107
<i>M. V. Mandrik</i> Overview of the fond of S. S. Chernikov (on the occasion of the 115 th anniversary of the birth).....	116

BOOK REVIEWS

<i>L. A. Sychenkova</i> At the origins of Russian academic archaeology. Review of: Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред.-сост. В. А. Горонcharовский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 872 с.: ил. ISBN 978-5-6047952-0-0	130

CHRONICLE

<i>Yu. A. Vinogradov, N. M. Milikhina</i> Scientific conference “M. V. Formakovsky (1873–1946). A classical scholar at the beginnings of archaeological technology in Russia”	141

AD MEMORIAM

<i>V. A. Goroncharovsky</i> To the 90 th birth anniversary of Igor Georgievich Shurgaya	148
List of abbreviations	153

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПОДЕЛОЧНОГО КАМНЯ В КУЛЬТУРЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III ТЫС. ДО Н. Э. (ПО ГЕОХИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ)¹

Л. Б. КИРЧО, М. А. КУЛЬКОВА²

Ключевые слова: *Средняя Азия, древние земледельцы, периоды позднего энеолита — ранней бронзы, украшения, печати, источник каменного сырья, геохимический анализ.*

В статье публикуются новые данные об источнике темного красно-коричневатого непрозрачного минерала, из которого были изготовлены пронизка, биконические бусины, печати и сосуд для смешивания косметики (рис. 1, 1–9), обнаруженные на Алтын-депе (Юго-Восточный Туркменистан) в слоях периода ранней бронзы (около 2800/2700–2400 гг. до н. э.). Бусины и печати из такого же камня найдены и на других земледельческих поселениях Южного Туркменистана (Кара-депе, Илгынлы-депе), а также в Саразме (Северо-Западный Таджикистан) (рис. 1, 10–13) конца периода среднего — первой половины периода позднего энеолита (около 3300–3000 гг. до н. э.). По результатам геохимических исследований (табл. 1; 2) этот минерал представляет собой миннесотаит (железистый тальк). Источник талькового камня — крупнейшее в Средней Азии Зинельбулакское месторождение — находится на правом берегу Амударьи, в зоне, широко освоенной древними охотниками и рыболовами кельтеминарской неолитической общности (рис. 2).

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-7-17

Введение

В IV тыс. до н. э. на Древнем Востоке проходило широкое освоение аллювиальных земель Нижней Месопотамии, что знаменовало важнейший этап становления экономической основы древнейших цивилизаций. Однако эти столь удобные для ирригационного земледелия территории полностью лишены минеральных и растительных ресурсов (каменя, металлических руд, дерева), необходимых как для изготовления орудий труда и бытовых изделий, так и для возведения и отделки монументальных построек и производства престижных предметов. Фактически именно в это время формируются основы технологического прорыва в важнейших отраслях производства (металлургии, гончарстве, камнеобработке, транспорте), базирующиеся на доставлении извне необходимых природных ресурсов и становлении разнообразных дальних торгово-обменных путей. В частности, одним из таких примеров служит формирование так называемого великого лазуритового пути из афганского Бадахшана на Передний Восток и в Древний Египет (Сарианиди 1968).

---

¹ Л. Б. Кирчо работа проведена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН ««Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Л. Б. Кирчо — Институт истории материальной культуры РАН; М. А. Кулькова — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

© Кирчо Л. Б., Кулькова М. А., 2024

Древнеземледельческие культуры юга Средней Азии, находившиеся на периферии Древнего Востока, также были затронуты этими процессами активизации культурных и обменных взаимодействий. Так, открытие и изучение мастерской по изготовлению мелкой терракотовой пластики на Илгынлы-депе (Соловьёва, Блохин 2020: рис. 3, 1, 2) показало, что производственные двухкамерные обжигательные печи с разделением обжигательной и топочной камер (принципиально важный конструктивный элемент в технологии гончарства) появляются уже с конца периода раннего энеолита (времени позднего Намазга I, около 3700-х гг. до н. э.). А сравнение массовых материалов, в частности, металлических предметов и орудий металлообработки поселения Саразм и металлических изделий памятников Юго-Восточного Туркменистана второй половины периода среднего энеолита (времени среднего и позднего Намазга II), дает основания полагать, что верховья Зеравшана были источником меди (и медной руды?), а возможно, и других видов минерального сырья для юго-запада Средней Азии последних веков IV тыс. до н. э. (Кирчо 2007).

Источники и методы исследования

Раскопки Алтын-депе в Юго-Восточном Туркменистане проводились Каракумской экспедицией ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН под руководством В. М. Массона в 1965–2001 гг.³ В результате многолетних комплексных исследований это поселение стало эталонным памятником эпохи энеолита — средней бронзы на юго-западе Средней Азии (Массон 1981; Особенности производства... 2001; Хронология... 2005; Кирчо и др. 2008; Masson 1988). Изучение и подготовка к публикации огромной коллекции массовых материалов памятника продолжаются и в настоящее время.

В современных условиях большое значение имеют новые возможности применения неразрушающих естественно-научных методов, которые подчас дают неожиданные результаты. В 2019 г., в рамках подготовки к публикации материалов Алтын-депе периода ранней бронзы (времени Намазга IV, около 2800/2700–2400/2300-х гг. до н. э.), был проведен геохимический анализ четырех предметов из красно-коричневого (часто с фиолетовым оттенком) поделочного камня.

Были изучены усеченно-биконическая бусина-пряслице и половинка такого же изделия из напластований периода Алтын 7 раскопа 5 (времени раннего Намазга IV, около 2800–2650 гг. до н. э.) (рис. 1, 5, 6), а также половина бочонковидной пронизки и подквадратная «печать-пуговица» из напластований периода Алтын 6 раскопа 5 (времени среднего Намазга IV, около 2650–2500 гг. до н. э.) (рис. 1, 2, 3). Исследование выполнено доктором геолого-минералогических наук, руководителем Центра коллективного пользования «Геоэкология», профессором кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А. И. Герцена М. А. Кульковой методами микронзондового (SEM-EDX)⁴ и валового геохимического (pXRF) анализов. Изучение проводилось по нескольким (5–7) точкам для каждого образца (предмета). В таблице 1 представлены результаты микронзондового анализа состава материала вышеописанных четырех предметов (каждого — по двум точкам), в таблице 2 — данные валового геохимического анализа.

Заключение по результатам геохимических анализов

Данные SEM-EDX и валового pXRF анализов определили следующий минеральный состав образцов. Биконические бусины-пряслица, «печать-пуговица» и половинка бусины-

³ Последние полевые исследования велись Л. Б. Кирчо в 2014 г. (Кирчо 2016).

⁴ Сканирующая электронная микроскопия (SEM) с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (EDX) позволяет получить четкое изображение микроскопических структур поверхности образца и информацию о его элементном составе. Для идентификации минералов использовалась расчетная формула «SEM Petrology Atlas» (Welton J. E. SEM Petrology Atlas. Oklahoma, USA, 2003. 390 p. (Methods in Exploration Series. No. 4)).

Рис. 1. Фото и прорисовки изделий из миннесотаита (железистого талька) из древнеземледельческих поселений Средней Азии последней трети IV — первой половины III тыс. до н. э.: 1–9 — Алтын-депе; 10, 13 — Кара-депе; 11 — Саразм; 12 — Илгынлы-депе (фото Ж. Л. Бонора (G. L. Bonora), прорисовка — по: Bonora et al. 2014: fig. 8). Масштаб: а — для 12; б — для 1–11, 13

Fig. 1. Photographs and drawings of objects made of minnesotaite (ferrous talc) from the ancient farming settlements of Central Asia of the last third of the IV — first half of the III mil. BC: 1–9 — Altyn-depe; 10, 13 — Kara-depe; 11 — Sarazm; 12 — Ilgynly-depe (photo by G. L. Bonora), drawing after Bonora et al. 2014: fig. 8). Scale: a — for No. 12; b — for Nos. 1–11, 13

пронизки — миннесотаит (железистый тальк) $((\text{Fe}, \text{Mg})_3\text{Si}_4\text{O}_{10}(\text{OH})_2)$ с включениями зерен хромита. Возможно, первоначальный ожелезненный тальк был обожжен для придания более интенсивной окраски (переход в окислах двухвалентного железа в трехвалентное). Минерал этот мягкий и легко поддается обработке.

Географически наиболее близкое место для добычи талька — Зинельбулакское месторождение талькового камня.

Изделия из миннесотаита на древнеземледельческих поселениях Средней Азии

На территории Средней Азии самые ранние изделия из железистого талька появляются на многослойных древнеземледельческих поселениях Южного Туркменистана в самом конце периода среднего энеолита (позднее Намазга II, около 3200 гг. до н. э.). Это обломок

Таблица 1. Минеральный состав образцов по данным микрозондового анализа (SEM-EDX)

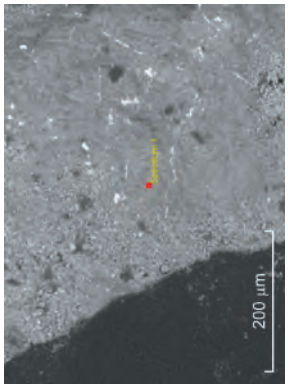
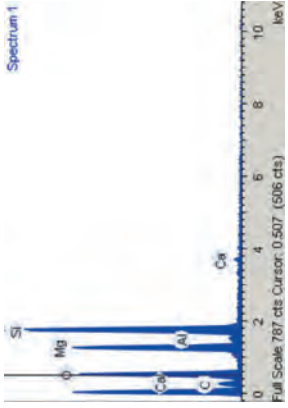
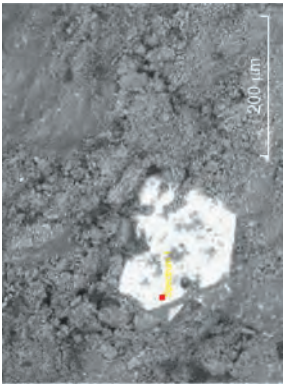
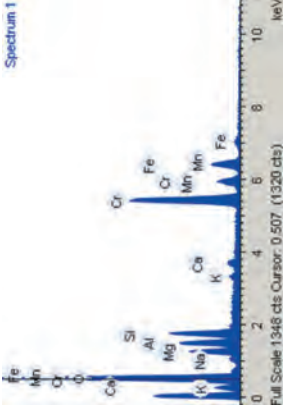
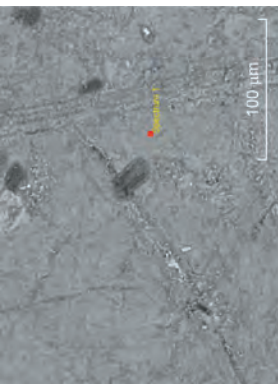
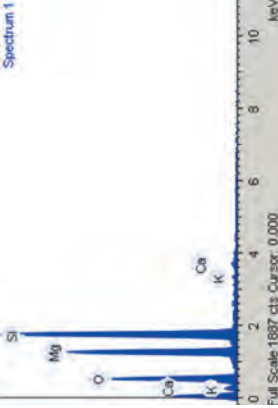
Микрофото с точкой анализа	Спектр	Элемент	Масс. доля эл-га, %	σ^* масс. доли эл-га, %	Атом. доля эл-га, %	Масс. доля соединения, %	Формула соединения
Половина боцонквидной пронизки (рис. 1, 2), спектр в точке 1 — тальк							
		Mg	18,979	0,419	15,724	31,468	MgO
		Al	0,768	0,219	0,573	1,451	Al ₂ O ₃
		Si	30,793	0,504	22,084	65,874	SiO ₂
		Ca	0,862	0,183	0,433	1,206	CaO
		O	48,598	0,558	61,185	—	—
Половина боцонквидной пронизки (рис. 1, 2), спектр в точке 5 — миннесогаит (железистый тальк) с хромитом							
		Na	0,787	0,187	0,925	1,061	Na ₂ O
		Mg	4,829	0,211	5,365	8,006	MgO
		Al ³⁺	5,016	0,196	5,022	9,478	Al ₂ O ₃
		Si	5,583	0,197	5,369	11,944	SiO ₂
		K	0,619	0,112	0,428	0,746	K ₂ O
		Ca	1,057	0,126	0,712	1,479	CaO
		Cr	32,691	0,505	16,983	47,780	Cr ₂ O ₃
		Mn	2,429	0,363	1,194	3,136	MnO
		Fe	12,725	0,449	6,155	16,371	FeO
		O	34,264	0,526	57,848	—	—
Биконическая бусина (рис. 1, 5), спектр в точке 1 — тальк							
		Mg	18,801	0,267	15,593	31,173	MgO
		Si	31,459	0,325	22,586	67,300	SiO ₂
		K	0,442	0,113	0,228	0,533	K ₂ O
		Ca	0,711	0,136	0,357	0,994	CaO
		O	48,587	0,355	61,236	—	—

Таблица 1, продолжение

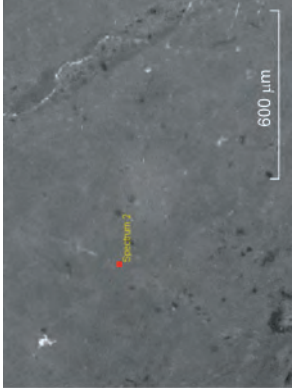
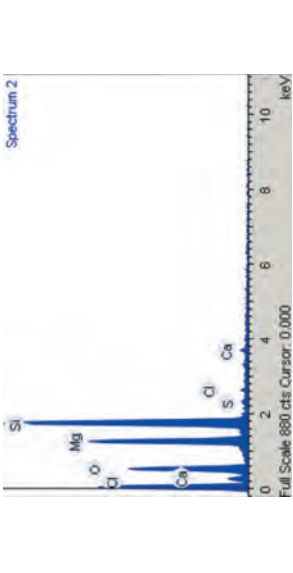
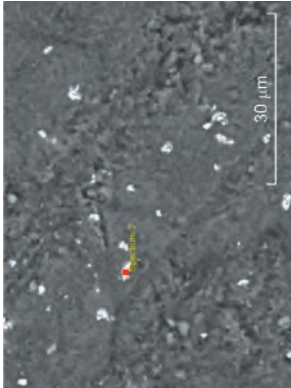
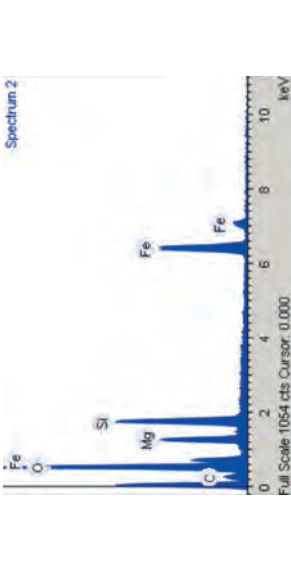
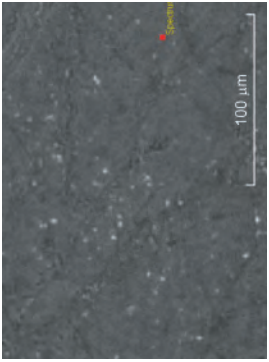

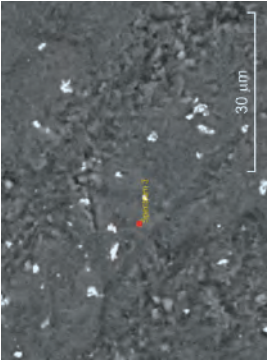

Микрофото с точкой анализа	Спектр	Элемент	Масс. доля эл-га, %	σ^* масс. доли эл-га, %	Атом. доля эл-га, %	Масс. доля соединения, %	Формула соединения
Биконическая бусина (рис. 1, 5), спектр в точке 5 — магнетитовый тальк (железистый тальк)							
		Mg	9,224	1,655	9,128	15,293	MgO
		Si	20,257	2,277	17,354	43,336	SiO ₂
		Ca	7,489	1,755	4,496	10,478	CaO
		Fe	24,013	4,809	10,346	30,892	FeO
		O	39,017	3,749	58,677	—	—
Половина биконической бусины (рис. 1, б), спектр в точке 1 — тальк							
		Mg	17,917	0,394	14,877	29,708	MgO
		Si	31,250	0,483	22,462	66,852	SiO ₂
		S	0,654	0,174	0,412	1,634	SO ₃
		Cl	0,583	0,176	0,332	0,000	—
		Ca	0,875	0,189	0,441	1,224	CaO
		O	48,722	0,536	61,477	—	—
Половина биконической бусины (рис. 1, б), спектр в точке 4 — ожелезненный тальк (FeO + вмещающий тальк)							
		Mg	9,629	0,314	10,623	15,966	MgO
		Si	12,632	0,312	12,063	27,023	SiO ₂
		Fe	44,316	0,631	21,283	57,011	FeO
		O	33,423	0,559	56,031	—	—

Таблица 1, окончание

Микрофото с точкой анализа	Спектр	Элемент	Масс. доля эл-га, %	σ^* масс. доли эл-га, %	Атом. доля эл-га, %	Масс. доля соединения, %	Формула соединения
	Подквадратная «печать-пуговица» (рис. 1, 3), спектр в точке 1 — гальк	Mg	18,985	0,316	15,671	31,479	MgO
		Si	32,030	0,383	22,886	68,521	SiO ₂
	Подквадратная «печать-пуговица» (рис. 1, 3), спектр в точке 4 — ожелезненный гальк	Mg	19,374	0,291	16,080	32,123	MgO
		Si	31,153	0,352	22,383	66,645	SiO ₂
		Fe	0,958	0,244	0,346	1,232	FeO
		O	48,516	0,390	61,191	—	—

* σ — отклонение от среднего (ошибка).

Таблица 2. Валовый химический состав изделий по данным рXRF, %

Предмет	Элемент	Mg	Al	Si	P	S	Cl	Ca	Cr	Fe	Co	Ni	O
Половина пронизки (рис. 1, 2)		6,0	0,2863	13,21	<LOD	0,2183	0,5035	0,3443	0,039	3,83	<LOD	0,0369	75,4729
Биконическая бусина (рис. 1, 5)		6,3	0,3077	11,31	<LOD	0,187	0,1555	4,5519	0,0117	2,29	0,0043	0,0341	74,6822
Половина биконической бусины (рис. 1, 6)		24,1	0,4992	35,37	<LOD	0,1318	<LOD	0,8912	0,0063	2,86	0,0047	0,0319	36,0424
«Печать-пуговица» подквадратная (рис. 1, 3)		16,5	0,3416	28,03	<LOD	0,0963	<LOD	0,0955	0,016	2,65	<LOD	0,0288	52,1957

«печати-амулета» (рис. 1, 12) с поверхности Илгынлы-депе (Bonora et al. 2014: 61–63; fig. 7; 8), а также восемь округлых уплощенных (кольцевидных) бусин (рис. 1, 13) в составе ожерелья ребенка двух лет — погр. 34 периода Кара 2 на раскопе 1 (Массон 1960а (1961а): 382, 413, 457, табл. IX, 5). На Кара-депе в помещении 15 раскопа 3 горизонта Кара 1А (второй этап периода позднего энеолита — времени Намазга III, около 3000 гг. до н. э.) обнаружена и уникальная подтреугольная «печать-амулет» (рис. 1, 10 — Там же: 458, табл. XIV, 14). Кроме того, подквадратная «печать-амулет», также, вероятно, из железистого талька (рис. 1, 11), происходит из поселения Саразм в Северо-Западном Таджикистане (Раззоков и др. 2006: рис. 134).

Материал обломка печати с поверхности Илгынлы-депе (Bonora et al. 2014: fig. 7; Кирчо 2020: рис. 1, 12а), исследованный физико-химическими методами в Университете г. Феррара, был определен как гётит (Bonora et al. 2014: 67)⁵, хотя в описании и указано, что камень мягкий и легко поддается обработке (Ibid.). Однако твердость гётита составляет 5–6 по шкале Мооса, и этот камень довольно хрупкий. Таким образом, можно полагать, что эта «печать-амулет» с поверхности Илгынлы-депе была изготовлена из железистого талька.

Все каменные «печати-амулеты» несут следы тщательной обработки: толщина использованной пластины камня в целом равномерная, задняя поверхность и боковые стороны зашлифованы. Единственное отверстие для подвешивания в верхней части изделий выполнено односторонним сверлением в направлении от лицевой стороны изделия и затем чуть расширено с той же лицевой стороны. Весьма своеобразна и техника нанесения орнамента. Рельефный узор образован либо углубленными (прочерченными) прямыми или «ступенчатыми» линиями (Кирчо 2020: рис. 1, 4а, 11а, 12а), либо путем выборки материала из подтреугольных (реже — подпрямоугольных) в плане углублений, представляющих собой как бы пирамиду вершиной вниз. Интересно, что так же выполнен орнамент не только на каменных изделиях, но и на терракотовых «печатах-амулетах» (Там же: рис. 1, 5а, 13). Такая обработка дополнительно подтверждает, что между обрабатываемым камнем и подсушенной глиной, на которую наносили орнамент, не было особой разницы в твердости.

На Алтын-депе в напластованиях периода ранней бронзы найдено сравнительно большое количество изделий из железистого талька. В инвентарь погр. 828 периода Алтын 8 (времени раннего Намазга IV) входил сосуд для приготовления (смешивания) косметики (рис. 1, 9) (Кирчо 2005: 411, 412, рис. 4, 23; 2018: 25, 26). Этот подквадратный в поперечном сечении косметический сосуд представляет собой самый крупный предмет из железистого талька и имеет форму вытянутого по вертикали параллелепипеда со скругленными углами, плавно расширяющегося кверху. После изучения под микроскопом Г. Ф. Коробкова установила, что «кружковые» (солярные?) мотивы орнамента на боковых и верхней его поверхностях прорезаны циркульным резцом, а не полым сверлением (как виделось при первичном визуальном определении) (Кирчо 2005: 412). Такие мотивы широко представлены в орнаментации расписных керамических сосудов типа Намазга III на Намазга-депе и Кара-депе (Массон 1956: табл. XXII, 1, 2, 5, 6; XXVIII, 9; 1960а (1961а): табл. VIII, 24; XXII, 1, 12, 15, 20; и др.), часто в сочетании с изображениями птиц.

Из железистого талька выполнены также круглая и подквадратные «печати-пуговицы» с двумя отверстиями для подвешивания, обнаруженные в слоях периодов Алтын 8–6 и Алтын 4 (рис. 1, 1, 3, 7, 8) (Кирчо 2014: рис. 1, 2, 5, 7, 8). Хотя для изготовления «печатей-пуговиц» использовали мягкий минерал, легко поддающийся пиленю и шлифовке, орнаменты на их лицевой поверхности выполнены неглубоким точечным сверлением.

⁵ Именно предварительная информация итальянских коллег об этом анализе послужила основанием для определения как гётита (?) материала целого ряда изделий периода ранней бронзы из Алтын-депе, изготовленных из такого же камня (Кирчо 2014: 63, сноска 3).

Лишь на «печати-пуговице» периода Алтын 4 лицевой орнамент нанесен резными линиями и пришлифовкой (рис. 1, 1).

Украшения из железистого талька на Алтын-депе редки — это плоская кольцевидная бусина периода Алтын 8 (Кирчо 2014: рис. 1, 24) и половина бочонковидной пронизки периода Алтын 6 (рис. 1, 2). Усеченно-биконические бусины-пряслица, изготовленные из камня или терракоты, предположительно представляли собой часть орудий вязания (утяжелители на спицы?) (Кирчо и др. 2008: 106). Однако наиболее миниатюрные из них с узким центральным отверстием могли служить и украшениями. Такие изделия из железистого талька встречены в материалах периодов Алтын 7 и 6 (рис. 1, 4–6) (Кирчо 2014: 72–74, рис. 5, 21, 22, 46, 47, 49, 50). Наконец, в слое периода Алтын 4 (времени позднего Намазга IV — около 2400/2300-х гг. до н. э.) единично представлено сферо-коническое навершие (Там же: рис. 5, 13). Таким образом, на Алтын-депе большая часть предметов из железистого талька обнаружена в культурных слоях времени раннего и среднего Намазга IV (около 2800/2700–2500-х гг. до н. э.). В изученных на широкой площади напластованиях периода средней бронзы Алтын-депе (времени раннего и среднего Намазга V — около 2400/2300–2100-х гг. до н. э.) изделий из этого минерала не встречено, а на поверхности поселения найдено лишь пять обломков «печатей-пуговиц».

Источник железистого талька и вопрос о взаимодействиях земледельцев

Южного Туркменистана и населения кельтеминарской культурной общности

Зинельбулакское месторождение талькового камня — крупнейшее на территории Средней Азии — находится в Берунийском районе Республики Каракалпакстан Узбекистана, в 42 км северо-западнее г. Беруни. При этом на противоположном, левом, берегу реки располагается Куныургенч (совр. Кёнеургенч), то есть в историческое время здесь была одна из переправ через Амударью. В VI — первой половине III тыс. до н. э. в этом регионе находились многочисленные стоянки кельтеминарской культурной общности, а также древние выработки бирюзы (Виноградов 1970: 31; 1981: 19, 20, рис. 4). Вопрос о южных связях кельтеминарского населения поднимался в литературе уже давно (Виноградов 1957; Массон 1960б (1961б): 30, рис. 13), при этом В. М. Массоном был показан ряд аналогий мотивам и композициям орнаментации кельтеминарской керамики и расписной посуды времени среднего и позднего Намазга II (около 3500/3400–3200/3100-х гг. до н. э.). По материалам Алтын-депе намечается еще ряд соответствий в материалах южных земледельцев и кельтеминарцев. Так, небольшие подцилиндрические пронизки и кольцевидные бусины, найденные в погребениях времени позднего Намазга III — раннего Намазга IV (Кирчо 2005: 390–392), были изготовлены из светлой зеленовато-голубоватой бирюзы, происходившей, вероятно, из месторождений Кызылкумов, где зафиксированы многочисленные древние выработки бирюзы (рис. 2). Небольшими кусочками такой же бирюзы, в том числе с остатками корки, был инкрустирован ряд центральных углублений циркульного орнамента косметического сосуда, изготовленного из железистого талька (рис. 1, 9). В инвентаре погр. 636 периода Алтын 8 находился костяной кочедык для плетения (Кирчо 2005: 383, рис. 4, 2). Аналогичные форму и размеры имело плоское костяное орудие на Стоянке Толстова в Акчадарьинской дельте (Виноградов 1981: 86, рис. 33, 4). Эти факты позволяют предполагать, что контакты земледельческого населения Южного Туркменистана и населения кельтеминарской культурной общности на позднем этапе ее развития были, видимо, регулярными, хотя и ограниченными.

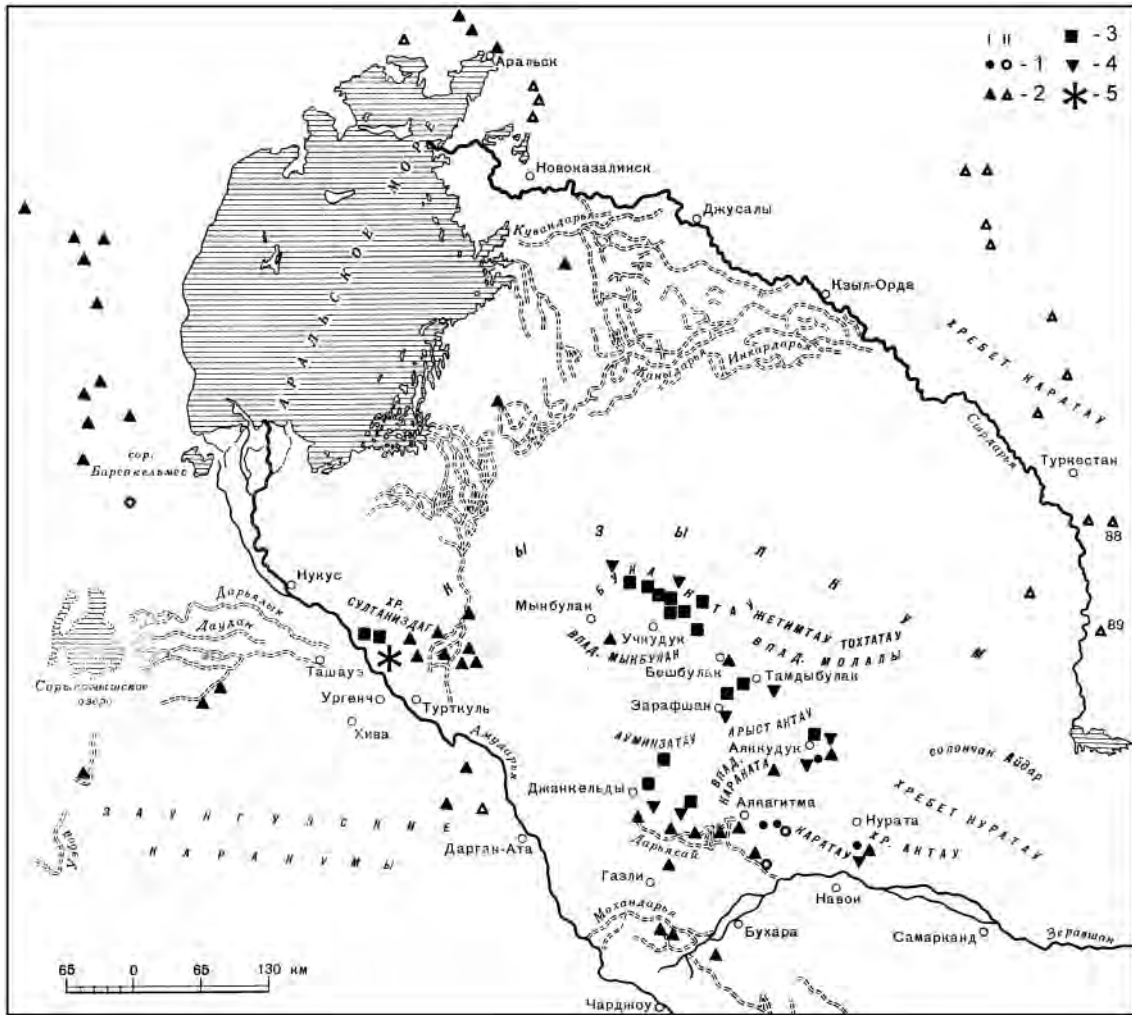

Рис. 2. Памятники каменного века равнин Среднеазиатского междуречья и некоторых сопредельных территорий. Условные обозначения: 1 — палеолит; 2 — мезолит и неолит; 3 — наскальные изображения; 4 — древние выработки на бирюзу; 5 (дополнение) — Зинельбулакское месторождение талькового камня; I — скопления памятников; II — единичные памятники (по: Виноградов 1981: рис. 4, с дополнением Л. Б. Кирчо)

Fig. 2. Stone Age sites of the Central Asian interfluvial area and some contiguous lands. Legend: 1 — Paleolithic; 2 — Mesolithic and Neolithic; 3 — rock art; 4 — ancient workings for turquoise; 5 (supplement) — Zinelbulak deposit of talc stone; I — accumulations of sites; II — single sites (after Виноградов 1981: Fig. 4, modified by L. B. Kircho)

Литература

- Виноградов 1957 — *Виноградов А. В.* К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // СЭ. 1957. № 1. С. 25–45.
- Виноградов 1970 — *Виноградов А. В.* О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 31–36.
- Виноградов 1981 — *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.
- Кирчо 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Массон В. М., Березкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. Ч. 2, гл. 3. С. 347–421 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).
- Кирчо 2007 — *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.
- Кирчо 2014 — *Кирчо Л. Б.* Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по материалам Алтын-депе, Южный Туркменистан) // Алёшкин В. А. и др. (редкол.). Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 62–85.
- Кирчо 2016 — *Кирчо Л. Б.* К датировке геоксюрского комплекса (новые данные из Алтын-депе в Южном Туркменистане) // ЗИИМК. 2016. № 17. С. 35–51.
- Кирчо 2018 — *Кирчо Л. Б.* О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 20–27.
- Кирчо 2020 — *Кирчо Л. Б.* Древнейшие печати Средней Азии (типология, материал, техника изготовления) // ЗИИМК. 2020. № 23. С. 24–36.
- Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.
- Массон 1956 — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Массон М. Е. (отв. ред.). Труды ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад, 1956. С. 291–373.
- Массон 1960а (1961а) — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (отв. ред.). Труды ЮТАКЭ. Т. 10. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (1961). С. 319–463.
- Массон 1960б (1961б) — *Массон В. М.* Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур // Там же. С. 11–36.
- Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Труды ЮТАКЭ. Т. 18).
- Особенности производства... 2001 — Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Массон В. М. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2001. 212 с. (Материалы ЮТАКЭ. Вып. 5).
- Раззоков и др. 2006 — *Раззоков А. Р., Каримова Г. Р., Курбанов Ш., Бобомуллоев С.* Саразм. Душанбе: Эчод, 2006. 96 с.
- Сарианиди 1968 — *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3–9.
- Соловьёва, Блохин 2020 — *Соловьёва Н. Ф., Блохин Е. К.* Огонь в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана // ЗИИМК. 2020. № 23. С. 9–23.
- Хронология... 2005 — Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) / Массон В. М., Березкин Ю. Е. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с. (Труды ИИМК РАН. Т. 16).
- Bonora et al. 2014 — *Bonora G. L., Vidale M., Mariottini M., Guida G.* On the use of tokens and seals along the Kopet Dagh piedmont, Turkmenistan (ca 6000–3000 BCE) // Paléorient. 2014. Vol. 40.1. P. 55–71.
- Masson 1988 — *Masson V. M.* Altyn-Depe. Philadelphia: University of Pennsylvania; Museum of Archaeology and Anthropology, 1988. 150 p. (University Museum Monograph. No. 55).

**NEW SOURCE OF ORNAMENTAL STONE
IN THE CULTURE OF CENTRAL ASIAN FARMERS
OF THE LAST THIRD OF THE IV — THE FIRST HALF OF THE III MIL. BC
(ACCORDING TO GEOCHEMICAL DATA)**

L. B. KIRCHO, M. A. KULKOVA

Keywords: *Central Asia, ancient farmers, Late Eneolithic — Early Bronze period, adornments, seals, source of ornamental stone, geochemical analysis*

The paper presents new data about the source of the dark red-brownish mineral that was used to produce a pendant, biconical beads, seals and a vessel for blending cosmetics (fig. 1, 1–9) found at Altyn-depe (Southeastern Turkmenistan) in Early Bronze Age layers (ca. 2800/2700–2400 BC). Beads and seals made of the same raw material were found at a number of other farming settlements of South Turkmenistan (Kara-depe, Ilgynly-depe) and Northwestern Tajikistan (fig. 1, 10–13) dated to the end of the Middle — first half of the Late Eneolithic (ca. 3300–3000 BC). According to the results of geochemical studies (table 1; 2), this mineral is minnesotaite (ferrous talc). The source of talc is the Zinelbulak deposit situated on the right bank of the Amu Darya, in the area which was extensively exploited by the ancient hunters and fishermen of the Keltiminar Neolithic culture (fig. 2).

ГОРНЫЕ КРЕПОСТИ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ. ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА¹

И. Л. КЫЗЛАСОВ²

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, Средневековье, горные крепости-сiвее, ошибочность их отнесения к эпохе бронзы.

Бытовавшая на Среднем Енисее стратегия защиты не поселений, а земель к середине VIII в. породила редкостный и самобытный феномен — многочисленные горные крепости. С приходом врага они служили временным убежищем местных войск. Таким образом крепости использовались до начала XVIII в. Каменные стены, сооруженные поперек горных склонов, стали искусственным препятствием на пути сползавших более ранних отложений, в том числе бывших на вершинах святилищ бронзового века. Фиксация природных процессов позволяет опровергнуть распространенное в литературе отнесение горных крепостей к местным культурам эпохи бронзы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-18-31

Памяти Николая Владимировича Леонтьева (1938–2021)

Население Хакасско-Минусинской котловины, вероятно, не жило в укрепленных поселениях. Ни для одной эпохи — камня, бронзы, железного века, Средневековья, несмотря на интенсивные полевые обследования, здесь не отмечены городища с валами и рвами. Если укрепленные поселения и существовали, то они были таковы, что от них не осталось следов на поверхности — они не выделяются в современном рельефе долин (Кызласов И. Л. 2014: 157, 158). Всякий раз обитаемые крепости на Енисее появлялись с приходом иных культур: глинобитные стены вокруг Ташебинского городка возводили гунны в I в. до н. э.; одну из своих прямоугольных глинобитных крепостей у современного Шушенского поставили в VIII в. уйгуры, переступившие Саяны (Кызласов Л. Р. 2001: 115–120; 2006: 98, 162–167, рис. 19–21); деревянные остроги возвели в Хакасии в XVII — начале XVIII в. русские. В двух последних случаях крепостные стены нередко дополнялись рвами с водой.

На средневековом Саяно-Алтае защита своей земли осуществлялась иначе. Отстаивались именно земли, а не поселения (Кызласов И. Л. 2019: 166–168). Эта стратегия породила редкостный и самобытный феномен, характерный для долин Среднего Енисея, — многочисленные горные крепости. К концу XX в. было известно около 50 таких сооружений. В 1970-х гг. в экспедиции МГУ даже сформировался принцип археологической разведки: «Нет речки без крепости».

Все известные ныне горные крепости, расположенные на скалистых вершинах, были временными убежищами, предназначенными прежде всего для защиты воинов от противника. Важно осознавать, что охрана обжитых земель, а не самих селений, происходила не потому,

---

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания Института археологии РАН, НИОКТР № 122011200266-3.

² Институт археологии РАН; Москва, Россия.

© Кызласов И. Л., 2024

Рис. 1. Хара-Таг, развал стены крепости, отсекающей площадку у обрыва. 2001 г., вид с ЮЗ. Здесь и далее фото автора

Fig. 1. Khara-Tag, ruins of the fortress wall, SW view. 2001. Hereafter photo by the author

что поселки эти состояли из переносных кошемных юрт, что позволяло населению легко и быстро уйти от врага. Переносные жилища в Южной Сибири, конечно, были, но с каких времен — неизвестно. В раннем железном веке и раннем Средневековье действительность была иной: с очень давних времен население Саяно-Алтая в основном обитало в стационарных рубленых деревянных домах, всегда наземных, прямоугольных, квадратных или многоугольных, а в подтаежных местах — в конических жилищах, опиравшихся на косо врытые жерди (Кызласов И. Л. 2005: 5–61; 2011: 32–116). Следов этих жилищ на современной поверхности не осталось.

Крепости-све (хак. *sivee*), каменными стенами перекрывающие на саянских перевалах конные тропы, а в обжитых землях отсекающие у скал спасительные вершины, следуют единым принципам стратегической и тактической обороны (Кызласов Л. Р. 1981а: 51; 1981б: 101, рис. 31, Е, 18, 20, 22, 23; Кызласов И. Л. 2014: 158, 169, 170): занимая вершины на краю долин, эти крепости имеют дальний обзор, достигающий 20–25 км. В Хакасии *sivee* обычно размещены так, что из одной твердыни видна другая. Нередко их расположение подчинено системе, сопоставимой с геодезической триангуляцией, поскольку сеть укреплений в плане образует смежные треугольники: из одной крепости видны две другие (Кызласов И. Л. 2014: рис. 3, 4; 2022: рис. 116, 117). Понятно, что такое расположение обеспечивало не только хорошее наблюдение за конкретной долиной, но и возможность получения сигналов из других мест и их дальнейшую передачу. Достоверно не установлено, но скорее всего, это были дымовые сигналы.

Горные крепости чаще всего размещены в наивысшей точке сопки, у края отвесных скал или занимают относительно плоскую площадку на вершине. Размеры их невелики и сильно разнятся между собой. Если наличествует лишь одна оборонительная стена, сложенная из камня, то она обычно выстроена поперек склона (независимо от его крутизны) и подковой отрезает доступ к части вершины у отвесного обрыва (рис. 1). В тех случаях, когда обрывы обступают вершину, план крепостей формально сопоставим с мысовыми городищами (рис. 2). Укрепления отстоят от края утеса на расстояние от 8–10

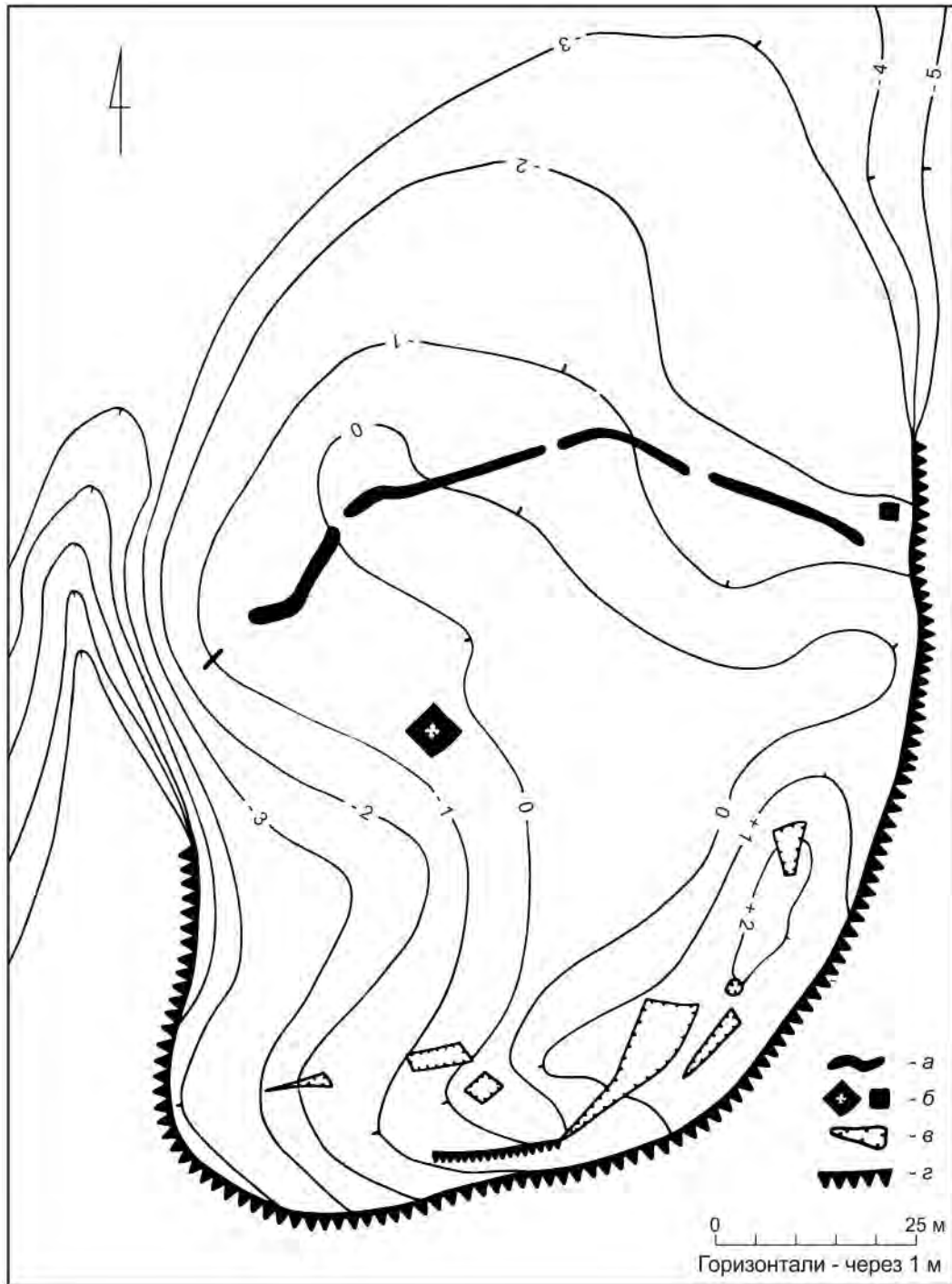

Рис. 2. Крепость Озерная II на горе Сульфатной: а — линия каменной стены; б — углубленное каменное сооружение; в — котлованы каменоломен; з — обрыв. План снят автором в 1988 г., ныне укрепление скрыто добытками строительного камня

Fig. 2. Ozernaya II fortress on Sulfatnaya Mount: a — stone wall line; б — deepened stone construction; в — pits of stone quarries; з — precipice. The plan was taken by the author in 1988, since then the fortification has been destroyed by the quarry workers

Рис. 3. Хара-Таг. Вид с ЮВ на кладку в центральной части крепости (2001 г.)

Fig. 3. Khara-Tag, SE view of the masonry in the central part of the fortress (2001)

до 100–200 и более метров, в среднем же примерно на 50 м. Столь же изменчива длина защищенной площадки: от 50 до 100 и более метров. Проходы шириной чуть больше метра оставались у торцов стен на самых краях скалы. При значительной площади крепости встречаются входы в виде столь же узких разрывов в стене. Известны крепости усложненного плана, имеющие дополнительные стены, опоясывающие склоны или примыкающие к основной оборонительной линии самостоятельными отсеками.

Обычно более одной стены возводилось в довольно крупных крепостях, где внешняя линия обороны была протяженной: на горе Подкуня (Кўн-Алты таг) близ Усть-Абакана, например, внешняя линия обороны составляет 2 км, а на горе Хызыл-Хая близ Усть-Соса — 1,7 км. В этих случаях внешняя стена, не нарушая подковообразности планировки, проходит по дальнему гребню горы или поперек ее распадков (Хара-Таг на Черном и Онло-Таг (Ондо/Онцо таг) на Белом Июсах).

Высота каменных стен первоначально достигала 2,3 м (такие и более низкие кладки сохранились на Черном Июсе на горе Хара-Таг и в других крепостях) (рис. 3). Однако кладки всегда выводились поверх пересекавших склон невысоких скальных выступов, служивших основанием оборонительной линии, в целом превышавшей 2 м. В таких случаях изначально стены были ниже (до 0,9–1,0 м), что засвидетельствовано многократно и указывает на стрельбу с колена.

Все крепостные стены выстроены в одной технике. Они сложены из плитняка (редко из рваного камня) всухую, то есть без применения скрепляющего раствора. Характерно укладывание нижних внешних слоев с наклоном внутрь (часто подкладывался рваный камень) или выведение обеих поверхностей стены при V-образном поперечном сечении, тогда внутренний объем стены заполнялся мелким камнем и щебнем. Выше наклонных слоев поверхность кладки выравнивается. Внутри нее и снаружи, близ основания, также существовали крепежные конструкции, обычно плохо заметные. Они хорошо прослежены

Рис. 4. Оглахтинская крепость: 1 — зигзаг стены и рва в Силосном логу (2001 г.), вид с ЮВ; 2 — козырьковые каменоломни в Моховском логу рядом с нетронутым скальным выходом (2014 г.), вид с ЮВ

Fig. 4. Oglakhty fortress: 1 — zigzag of the wall and ditch in the Silosny ravine, SE view (2001); 2 — quarries in the Mokhovo ravine near an intact rock outcrop, SE view (2014)

на Оглахтинской крепости, длина оборонительной линии которой достигает 25 км (Кызласов И. Л. 1997; 2022: 77–86).

Все горные крепости-*civee* соответствуют и общим архитектурным канонам, и единым мерным величинам. Показательно строительство стен зигзагом, что позволяло вести перекрестный обстрел без сооружения башен (рис. 2; 4, 1). Отличительной чертой служит также обязательное применение при строительстве одной мерной единицы — древнехакасского локтя в 40 см. Изначальная ширина стен, измеряемая при хорошей сохранности обеих поверхностей кладки, достигает 2,0–1,6 м, в самых безопасных местах — 1,2 м. Все перечисленные архитектурно-строительные особенности присутствуют независимо от общих размеров оборонительных сооружений и задач, которые они выполняли. Основанием высказываемых положений служат личные обследования 23 горных укреплений, проведенные по единой программе (Кызласов И. Л. 2008; 2014).

Ломка камня для стен всегда велась внутри линии укреплений, в непосредственной близости от них. В большинстве случаев использовались естественные выходы скалы из песчаника,

имеющие вертикальную поверхность. Они и разбирались строителями путем последовательного откалывания пластов от нижней части к верхней. Поэтому каменоломни имеют вид скальных козырьков (рис. 4, 2; 5; 6). Высота выборки иногда достигала 1,75 м, а нависание оставшихся пластов — 1,2 и даже 3,3 м. Камень высоко по горе не брали, каменоломни удалены от линии стены не более чем на 7–8, редко на 10 м. В большинстве случаев они размещены значительно ближе, примерно в 2 м от кладки. Для стен, возводимых на плоских вершинах, камень брали с поверхности, выбирая его по слоям неглубокими ямами (рис. 2).

Названные общие особенности горных крепостей Хакасии раньше специально не рассматривались исследователями. Для понимания и основательной проверки этих характеристик *сивее* Хакасской археологической экспедицией был избран и многие годы изучался самый крупный объект такого рода — Оглахтинская крепость. Произведенные работы имеют особую значимость для понимания единства всей системы крепостей средневековой Хакасии, поскольку отмеченные в огромной Оглахтинской крепости закономерности архитектуры в полной мере присущи и другим каменным укреплениям Среднего Енисея, независимо от их величины. Эти исследования отчетливо выявили единую систему оборонительной доктрины и фортификационного строительства (Кызласов И. Л. 2022: 64–92).

Разумеется, помимо прямого военно-оборонительного назначения *сивее* могли также отвечать сакральным нуждам своего времени. Однако необходимо оговорить еще одну особенность этих крепостей. Их расположение часто совпадает с размещением на вершинах гор бывших святилищ бронзового века. Все же, вопреки сложившемуся мнению, защитные стены на горах не имеют ни прямой, ни преемственной связи со значительно более многочисленными и широко распространенными на Енисее древними нагорными культовыми площадками. В Средневековье такие сакральные места нигде уже не имели внешних признаков. Они визуально не определяются, их находят только благодаря средневековым каменным стенам, привлекающим археологов к вершинам хакасских сопков. Наслоения эпохи бронзы случайно попадали на площадки значительно более поздних оборонительных сооружений.

В отличие от работающих в поле археологов, искушенных в изучении курганных древностей, исследователям бывших поселений хорошо известно, что по естественным причинам предметы в культурных слоях со временем смещаются, подвергаются механическому смешиванию и сами культурные отложения. Причины этого понятны: археологический памятник формируется как социоприродный объект и веками существует как часть окружающей среды, подвергаясь воздействию природных процессов. Эти естественные процессы носят объективный характер и неизбежно проявляются в состоянии изучаемого нами источника. В качестве примера показательно состояние разновременных стоянок в песчано-галечных отложениях (Сорокин 2004а: 113–117; 2004б; 2006: 9–26), а также характер культурного слоя в целом (Сорокин 2019).

В условиях открытых горных вершин, или совсем лишенных почвы, или покрытых незначительным слоем щебенистой почвы, главную роль в образовании культурного слоя играют не рукотворные, а природные процессы. Поставленные же поперек склонов стены горных крепостей препятствуют естественному сползанию с вершин любых предшествующих им отложений. Потому с внутренней стороны каменных стен, у их подножия, и лежат остатки всех местных культур эпохи бронзы: афанасьевской, окуневской, карасукской, даже редкой для этих мест андроновской. В отношении трех названных культур совместное залегание керамики встречено на крепости Устанах, для окуневской и позднекарасукской — на *сивее* Чебаки и Чергатинская, для окуневской, андроновской и карасукской — на Кызыл-Хая (Готлиб, Подольский 2008: 18–37, 64, 90, 101, 106–109, 115–187, 202).

Поэтому, учитывая влияние упомянутых природных процессов, вполне понятно и «показательно, что во всех рассмотренных случаях стратиграфические наблюдения не позволяют распределить фрагменты разнородной керамики по слоям» и «нигде не удалось выявить отдельные периоды обживания поселения». Ясно также, что не требует

Рис. 5. Оглахтинская крепость. Глубина каменоломни близ Волчьего лога (2019 г.), вид с З
Fig. 5. Oglakhty fortress. Depth of the quarry near the Volchy ravine. W view (2019)

Рис. 6. Каменоломня крепости на горе Шишка (2005 г.), вид с Ю
Fig. 6. Quarry of the fortress on Shishka Mount, S view (2005)

корректировки и «датировка археологических материалов Минусинской котловины, исходящая из хронологии погребальных памятников». Не приходится думать, что «типологически разнородные материалы *све* надо сближать во времени», и, руководствуясь курганным опытом, не следует «искать нетрадиционное объяснение» этому, допуская, что «остается одно»: подтягивать к андроновской и каменоложской керамике «финал окуневской культуры». Полученные при раскопках горных крепостей Хакасии находки никак не «позволяют полагать, по мнению М. Л. Подольского, что окуневцы принимали непосредственное участие в жизни Минусинской котловины вплоть до эпохи поздней бронзы», а их потомки на горных вершинах «ревностно сохраняли свои архаичные традиции» (Готлиб, Подольский 2008: 203). (Ср.: Готлиб, Подольский 2008: 216–218; Кириллова, Подольский 2006а: 144, 145.)

Для датировки стен следует учитывать естественное движение культурных отложений на горных склонах. Копать надо не у внутренней, а у внешней поверхности кладки — тогда будет ясно, на что она поставлена и что лежит на склоне ниже ее.

Разговор об этом с Марком Лазаревичем Подольским в 1999 г. привел к такой расчистке на изучавшемся им *свее* Чылангыг-Таг (хак. Чылангыг таг, гора Змеиная на Черном Июсе / хак. Хара Ёўс) (рис. 7, 1)³. В 2001 г. совместный осмотр внешней оконтуривающей траншеи выявил под стеной керамику позднего бронзового века. В дальнейшем раскоп 2006 г. показал перекрытие кладкой укрепления одного из углубленных в скалу ранних жилищ (№ 11) (рис. 7, 2; 8). В одном из них кроме черепков позднего бронзового века были найдены фрагмент донца средневекового сосуда и кусок кованого железного стержня (наблюдения автора при посещении памятника и рассказ М. Л. Подольского). (Ср.: Подольский 2001; Готлиб, Подольский 2008: 144, рис. 80, 81, 83а, 84а, 99а–б.)

При строительстве этой средневековой крепости выше линии укреплений была срыта вся бывшая там почва, оказавшаяся культурным слоем ритуального комплекса эпохи бронзы. Из перемещенного при срывании грунта фортификаторы Средневековья насыпали узкую боевую террасу с отвесным внешним краем, упиравшимся в кладку стены (рис. 8). Можно сказать, что тянувшаяся здесь вдоль стены стрелковая площадка на всю высоту была облицована каменной кладкой. Реконструируемый каменный парапет (Готлиб, Подольский 2008: 124, 125, рис. 85) возможен, но необязателен. Подобным образом на особо крутых склонах при сооружении средневековых *свее* лишь выравнивались не имевшие дополнительных стенок открытые площадки с вертикальной каменной кладкой с напольной стороны, вписанной в линию стен⁴. Они мне известны на Хара-Таге (хак. Хара таг, Арға), верхней стене Онло (Онло/Оцно таг, Сундук), в ряде мест на Оглахтах (Аглах таг) и в некоторых других крепостях. Современными исследователями они не фиксируются, но есть в старых изданиях (Appelgren-Kivalo 1931: Abb. 95, a–b). О средневековой принадлежности *свее* Чылангыг-Таг свидетельствует и северный участок ее стены, выложенный характерным зигзагом.

Единство оговоренных мной оборонительных и архитектурно-строительных канонов, присущих всем горным крепостям Хакаско-Минусинской котловины, также не позволяет

³ Ср. закладку раскопов в 2004 г. на объектах Хызыл-Хая и Хазын-Хыр (Кириллова, Подольский 2006а: рис. 3; 2006б: рис. 3; Готлиб, Подольский 2008: рис. 130; 145). Обсуждение методики раскопок *свее* неоднократно происходило и с основным их полевым исследователем — Андреем Иосифовичем Готлибом, что привело к вскрытию им участков снаружи стен на *свее* Чебаки и, в какой-то мере, на горе Устанах (ср. иную закладку шурфов в 1989–1996 гг.: Готлиб 1997: 141, рис. 4; Готлиб, Подольский 2008: рис. 8; 9; 20; 61; 71). О принадлежности сделанных находок к разным культурам эпохи бронзы уже сказано. Стратиграфических доказательств их связи с созданием крепостных стен нет (Готлиб, Подольский 2008: 40, рис. 28, 31; 97, рис. 61; 101, № 2, 68).

⁴ Скрываться не было нужды: выстрел из лука под крутой склон вдвое превосходит по дальности встречный. Стрельба на крутую гору редко превышала 160 м, а сверху вниз достигала 400 м (Медведев 1966: 30). Атакующий *свее* неизбежно сбивал дыхание, снижая возможность прицеливания. Следовательно, лук мог им применяться лишь на самой короткой дистанции, если применялся вообще.

Рис. 7. Гора Змеиная (Чыланныг-Тэг): 1 — кладка средневековой стены (2006 г.), вид с Ю;
2 — средневековая кладка (слева), перекрывающая заполнение и дно котлована помещения 11 позднего бронзового века (2006 г.), вид с В

Fig. 7. Zmeinaya Mount (Chylannyg-Tag): 1 — medieval wall masonry, S view (2006);
2 — medieval masonry (on the left) overlying the infill and bottom of the pit of room 11 dated to the Late Bronze Age, E view (2006)

относить эти сооружения к эпохе конца IV — начала I тыс. до н. э. О преемственности приенисейских культур этого времени говорить не приходится. Отпадают и возможность использования ими одной техники кладки, следование единой метрической системе и прочим общим параметрам, повсюду характеризующим многочисленные средневековые горные крепости Среднего Енисея (Кызласов И. Л. 2022: 64–92).

В июле 1984 г., еще до публикации, последовавшей в 1986 г., Н. В. Леонтьев рассказал мне в Минусинском музее об обследованной им каменной крепости на горе Шишка

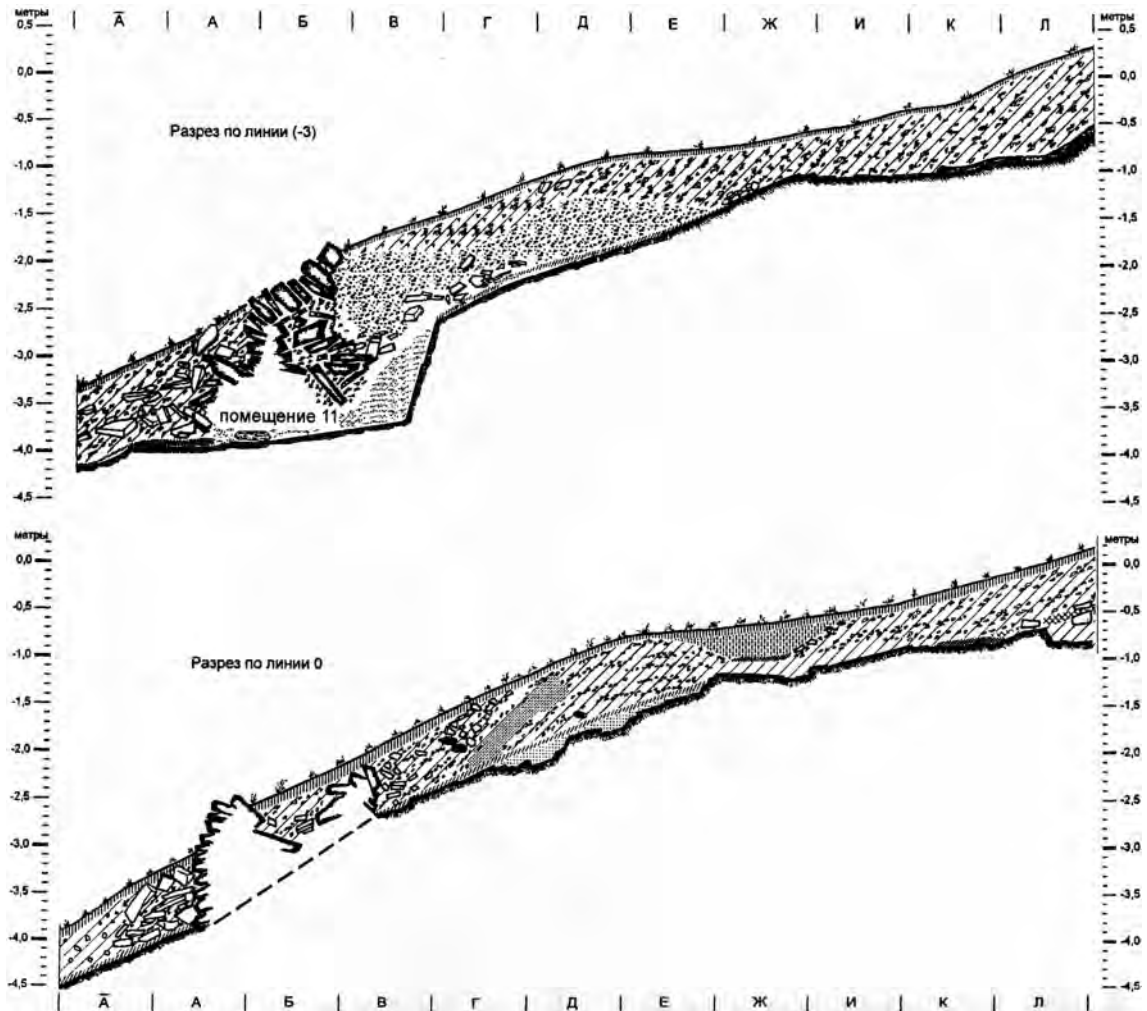

Рис. 8. Гора Змеиная (Чыланныг-Таг), разрезы оборонительного сооружения на раскопе 1 (по: Готлиб, Подольский 2008: рис. 84а)

Fig. 8. Zmeinaya Mount (Chylannyg-Tag), cross sections of a fortification in excavation area 1 (after: Готлиб, Подольский 2008: рис. 84а)

у дер. Быстрой и показал собранные на ее площади и в осыпях снаружи материалы окуневской культуры: обломки керамики, кремневые ланцетовидные наконечники стрел со спрямленным основанием, отщепы. У стены снаружи им также были найдены отщепы, стрелки с вогнутым основанием, а на скале ниже кладки — карасукские петроглифы. Николай Владимирович сравнивал *sivee* на Шишке с укреплением на горе Оспа.

Убедиться в этом сходстве и размещении окуневских находок как внутри, так и снаружи стен удалось в июле 1985 г., когда Н. В. Леонтьев смог показать мне саму крепость. Для понимания эпохи и культурной принадлежности объекта мне было важно увидеть, что, следуя крутизне склона, стена шла ярусами, примыкая к скальным выходам снизу; нижние ряды кладки, где они могли быть вкопаны в грунт, укладывались с наклоном внутрь; толщина линии укреплений составляла три локтя, уцелевшая высота — около 80 см. Все эти особенности были хорошо знакомы по стенам огромной Оглахтинской крепости, как были знакомы и большие плиты-перемычки, стоявшие поперек кладки стены на южном и западно-юго-западном склонах. С внутренней стороны вся стена оказалась затянута щебнем и задернована, то есть на большинстве участков она выглядела террасой, обрамленной каменной крепидой (см. выше аналогии, указанные по поводу стен *sivee* Чыланныг-Таг).

Особо показательны были и козырьковые разработки камня на горе Шишка (рис. 6), совершенно такие же, как на всех оглахтинских стенах (Кызласов И. Л. 2022: 67–85, 91, 92). Разумеется, на все эти детали я тогда же обратил внимание Николая Владимировича. Однако он не придавал им значения и не поверил, что бывают такие каменоломни.

Позднее я сфотографировал эти характерные особенности средневековой крепости на горе Шишка, которая была одной из первых ошибочно отнесена к окуневской культуре.

Основной посыл настоящей статьи — показать особенности крепостей как археологического источника. Вопрос стоит не об одной лишь окуневской культуре, а обо всей свите культур раннего и позднего бронзового века, чьи слои в равной мере присутствуют на этих горных памятниках. Хотелось обратить внимание археологов на существование двух сугубо источниковедческих позиций: отсутствие прямой связи слоев эпохи бронзы с самими каменными стенами и принадлежность стен к единой фортификационной школе, отраженную в их пространственной, архитектурно-строительной и даже метрической системах, а также в технологических характеристиках, включая способы и технику добычи строительного камня.

Именно отсутствие должного внимания к особенностям залегания и естественному смещению культурных отложений на скальных вершинах вкупе с присутствием всех перечисленных строительных особенностей стен на каждой из крепостей, от самых крупных до маленьких (от Оглахтинской до Шишки, например), позволяет отрицать связь крепостных стен с разновременными отложениями внутри укреплений, как и достраивание и перестраивание стен в разные эпохи — техника-то одна. Что касается ранних слоев, то напомним о неолитических отложениях у Оглахтинской стены на сопке Крепость (пункты Оглахты II и III), вскрытых в 800 м друг от друга в 1968 г. и изданных в 1986 г. (Кызласов Л. Р. 1986: 13, 14, 19–34, рис. 4–14).

Опираясь на сказанное выше, можно утверждать, что археологи открыли не горные крепости эпохи бронзы. Благодаря средневековым укреплениям наши исследователи обнаружили былое существование на вершинах святилищ бронзового века, всей свиты культур того времени, последовательно существовавших в Хакасско-Минусинской котловине с конца IV — III по начало I тыс. до н. э. Осталось отыскать подобные объекты на горах, не имеющих таких поисковых признаков, как древнехакасские каменные *sivee*. Здесь вновь вспоминается один из рассказов Н. В. Леонтьева, встретившего во время своих кизироказырских работ одиноко стоявший на вершине горы целый карасукский сосуд. Некоторое время он стоял и на подоконнике музейного кабинета Николая Владимировича.

Оборонительное назначение горных крепостей ставится под сомнение лишь по соображениям, отвлеченным от истории края. Следует учитывать, что в Средневековье эти твердыни штурмовались, но никогда не подвергались регулярно организованным осадам. Русские письменные источники свидетельствуют, что эти крепости («острожки», «городки», «каменные городки») еще в XVII в. постоянно использовались по прямому назначению — в них в лихолетье «обсекались» от превосходящих сил врага (Бахрушин 1955: 183, 199, 206; Материалы... 1974: 381, 383, 384).

Строители долинных крепостей, стены и рвы которых, закрывая лога, достигали от 4 (Барбакова крепость в междуречье Июсов (Белый город русских документов)) до 25 км (Оглахтинская крепость на Енисее), по-разному относились к предшествующим сооружениям, оказавшимся на линии фортификаций. Стена Оглахтинской крепости трижды (в устье Моховского и Силосного логов, а также на сопке Крепость) обходит хорошо заметные курганные могильники тагарской культуры раннего железного века (пункты Оглахты I, II, IV), оставляя их внутри обороняемых земель, что в целом типологически сопоставимо с размещением здесь не снаружи, а за линией средневековых укреплений курганов древнехакасской аскизской культуры. Однако в том же Моховском логу Оглахтинских гор средневековая стена перерезает, разрушая, ныне малозаметные земляные курганчики с каменными ящиками захоронений карасукской культуры позднего бронзового века

(Кызласов Л. Р. 1969: 245; 1970: 197, 199; Филиппова 1974: рис. 1; Кызласов И. Л. 2021: 186, рис. 5). Говоря в общей форме, этот случай принципиально сопоставим с ситуацией, наблюдаемой на севе Чыланнг-Таг.

Оставим проблемы изучения эпохи бронзы. Появление горных крепостей следует отнести к середине VIII в. н. э. Перекрывая тропы Западного Саяна, они отмечали южную границу Древнехакасского государства в эпоху Уйгурского каганата (Кызласов Л. Р. 1981а: 51; 1981б: 53, 101, рис. 31, Е, 18, 20, 23). После его разгрома погребения IX–X вв. были совершенны на развале стены и во рву Оглахтинской крепости (Кызласов И. Л. 1997: 336; 2022: 92). По-видимому, до рубежа XIII в. н. э. особой нужды в горных крепостях на Среднем Енисее не было. Но позднее они вновь использовались по назначению вплоть до начала XVIII в.

Специфика средневековых памятников-сеев заключалась в том, что задачей этих малых горных укреплений была не защита населения. Войны на полное истребление в ту пору не велись, при крайней опасности люди просто уходили с обжитых мест⁵. Боролись только армии, и битва была делом мужчин. Для сохранения воинов создавались горные крепости. Они служили только временным убежищем. Потеряв пограничные заставы, проиграв битву в долине или уклоняясь от преобладающего врага, войска разделялись на небольшие отряды и рассыпались по горным твердыням. Отступать из них было некуда: перед лицом была стена и враг, за спиной — отвесные обрывы. Выбор состоял в том, чтобы либо погибнуть, либо переждать неборимую беду. Падет одна крепость, другая, но большинство уцелеет.

Сжигал ли враг хлеб и жилища, угонял ли скот, уводил ли жителей — все это было видно с твердынь на вершинах. Но воины выживали. И в нужный час спускались на свою разоренную землю и возрождали ее. Девиз горных хакасских крепостей очевиден: «Со своей земли умри — не сходи». В самой идее их сооружения нет психологии кочевников.

Та же содержательная черта отмечена и для хакасского эпоса: «...при всем многообразии тем эпос имеет одну особенность. Картины народной жизни, отражая охотничий промысел и занятия скотоводством, не содержат примет кочевания. Народ имеет постоянное местожительство и покидает его лишь вынужденно — в случае пленения и угона врагами. После освобождения народ всегда возвращается на свою прежнюю землю» (Майногашева 1988: 497).

Литература

- Бахрушин 1955 — Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 176–224.
- Готлиб 1997 — Готлиб А. И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-Риф, 1997. С. 134–151.
- Готлиб, Подольский 2008 — Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све — горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: б. и., 2008. 222 с.
- Кириллова, Подольский 2006а — Кириллова Д. А., Подольский М. Л. Све Кызыл хая на севере Хакасии // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (редкол.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: б. и., 2006. С. 130–145.
- Кириллова, Подольский 2006б — Кириллова Д. А., Подольский М. Л. Све Хазынхыр горное святилище на реке Аскиз // Там же. С. 146–156.
- Кызласов И. Л. 1997 — Кызласов И. Л. Изучение Оглахтинской крепости // АО 1996 г. 1997. С. 334–336.
- Кызласов И. Л. 2005 — Кызласов И. Л. Прагюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара: б. и., 2005. 96 с.

⁵ Выразительны в описании этой вековечной тактики русские отписки XVII в. Такова, например, запись 1652 г.: «государевы яшашные люди <...> во всех улусех, которые живут по Енисею-реке, <...> розбежались в дальние розные места, в камень и в чорные леса, и сыскать де их никоими меры нельзя» (Материалы... 1974: 381).

- Кызласов И. Л. 2008 — *Кызласов И. Л.* Стены в горах // Тарунов А. М. (отв. ред.), Кызласов И. Л., Тарунов А. М. (сост.). Сокровища культуры Хакасии. М.: Научно-информационный издательский центр, 2008. С. 472–475 (Наследие народов Российской Федерации. Вып. 10).
- Кызласов И. Л. 2011 — *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
- Кызласов И. Л. 2014 — *Кызласов И. Л.* Каменные твердыни Саяно-Алтая (ландшафтно-планиграфические особенности) // Константинов Н. А. (ред.), ред. кол. Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7. С. 156–173.
- Кызласов И. Л. 2019 — *Кызласов И. Л.* Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиэвистики // Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). Генуэзская Газария и Золотая Орда. Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова: Сб. ст. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2019. Т. 2. С. 157–177.
- Кызласов И. Л. 2021 — *Кызласов И. Л.* К разгадке размещения храма в котловине Сорга́ (восприятие предшествующих памятников последующими культурами) // Коваль В. Ю. (отв. ред.). Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии: Сб. ст. М.: ИА РАН, 2021. С. 179–203.
- Кызласов И. Л. 2022 — *Кызласов И. Л.* Древности Хакасии. Исследования Института археологии. М.: ИА РАН, 2022. 107 с.
- Кызласов Л. Р. 1969 — *Кызласов Л. Р.* Древние крепости Хакасии // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 244–246.
- Кызласов Л. Р. 1970 — *Кызласов Л. Р.* Раскопки в Оглах-тах // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 197–199.
- Кызласов Л. Р. 1981а — *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Плетнева С. А. (отв. ред.). Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 46–52, 100, 136–139, рис. 28, 29, 32 (Археология СССР).
- Кызласов Л. Р. 1981б — *Кызласов Л. Р.* Культура древних уйгур (VIII–X вв.) // Там же. С. 53, 54, 100, 101, 140–142.
- Кызласов Л. Р. 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 295 с.
- Кызласов Л. Р. 2001 — *Кызласов Л. Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература, 2001. 176 с.
- Кызласов Л. Р. 2006 — *Кызласов Л. Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература, 2006. 360 с.
- Майногашева 1988 — *Майногашева В. Е.* Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. Запись и подготовка текста, статья, перевод и комментарий В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. С. 490–534.
- Материалы... 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сборник документов / Гольман М. И., Слесарчик Г. И. (сост.), Златкин И. Я., Устюгов Н. В. (отв. ред.). М.: Изд-во восточной литературы, 1974. 469 с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Подольский 2001 — *Подольский М. Л.* Све Чиланныг тах на севере Хакасии // Фроянов И. Я., Астахов С. Н. (отв. ред.). Евразия сквозь века: Сб. науч. тр. СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2001. С. 108–110.
- Сорокин 2004а — *Сорокин А. Н.* Смешение традиций или традиция смешения? (Часть первая) // РА. 2004. № 1. С. 111–119.
- Сорокин 2004б — *Сорокин А. Н.* Смешение традиций или традиция смешения? (Часть вторая) // РА. 2004. № 2. С. 71–78.
- Сорокин 2006 — *Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. М.: ИА РАН, 2006. 214 с.
- Сорокин 2019 — *Сорокин А. Н.* Еще раз о феномене культурного слоя // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 417–433.
- Филиппова 1974 — *Филиппова Е. Е.* Карасукские могилы в горах Оглахты (Хакасия) // Вестник МГУ. Серия IX: История. 1974. № 2. С. 86–93.
- Appelgren-Kivalo 1931 — *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A.-G., 1931. 119 S.

**MOUNTAIN FORTRESSES OF THE MIDDLE YENISEI.
THE PARTICULARITIES OF THIS TYPE OF ARCHAEOLOGICAL RECORD**

I. L. KYZLASOV

Keywords: *Khakassia-Minusinsk depression, Middle Ages, mountain fortresses, wrongness of their attribution to the Bronze Age*

By the middle of the VIII c. the strategy to defend not just settlements but lands, that existed in the Middle Yenisei region, gave rise to a unique and original phenomenon — numerous mountain fortresses. In case of hostile incursion, they served as temporary bases for local troops. The fortresses had been used in this way up to the beginning of the XVIII c. Their stone walls built across mountain slopes became barriers for earlier deposits sliding down from the mountains with Bronze Age shrines. The study of these natural processes allows to reject the opinion that the mountain fortresses should be attributed to the local Bronze Age cultures.

ГРАФФИТИ РАННЕЙ БЕРЕЗАНИ С ДЕНЕЖНЫМИ СУММАМИ И RATIO МОНЕТ-СТРЕЛОК

В. П. ЯЙЛЕНКО¹

Ключевые слова: *Березань, граффити VI–V вв. до н. э., денежные суммы, наконечники стрел как квазиденьги, ratio стрелы и халка 1:2.*

В архиве Одесского археологического музея хранятся полевые дневники и описи раскопок Э. Р. Штерна, Е. Г. Кагарова и других археологов, работавших в 1901–1931 гг. на острове Березань. Они содержат сведения о 141 граффити, из которых издано 23. Значение этих документальных материалов велико и потому, что почти все упомянутые в них надписи утрачены. 46 граффити содержат денежные суммы, преимущественно VI–V вв. до н. э.; до сих пор было издано всего несколько таких граффити. В основном это небольшие денежные суммы. В четырех надписях VI–V вв. до н. э. денежные суммы включают изображение стрелы. В городах Северо-Западного Причерноморья этого времени, в том числе на Березани и в Ольвии, бронзовые стрелы и дельфины найдены в большом количестве, так как использовались в качестве квазиденег. На основании этих граффити, а также других надписей и данных о весе стрел и ольвийских дихалков автор устанавливает ratio одной стрелы в два халка.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-32-45

В 1970-х гг. я разбирал коллекцию граффити Одесского археологического музея (далее ОАМ) и, увидев почти полное отсутствие граффити Березани из раскопок Э. Р. Штерна, обратился к дневникам и описям его раскопок, в которых о них оказалось много сведений. Эти данные я перенес тогда на свои карточки, лишь несколько надписей использовал для публикации 1980 г. (Яйленко 1980а), и вернулся к ним только в последние годы, работая над книгой по истории и малой эпиграфике Северного Причерноморья, где они составили главу «Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии». Денег на издание книги не нашел, потому рассыпал рукопись на статьи, электронные и журнальные. Упомянутую главу в 2022 г. любезно разместил на сайте журнала «Античный мир и археология» С. Ю. Монахов (далее — Граффити Березани...). В целом, архивные документы дают сведения о 141 граффити, четырех дипинти, пяти сигнатурах из раскопок 1901–1931 гг. на Березани (Граффити Березани..., № 1–108, многие с дополнительными литерами). Воспользовался 23 архивными документами, из них восемь написал Э. Р. Штерн, еще три — он же в соавторстве с Е. Г. Кагаровым. Из этих 150 надписей 23 издали Э. Р. Штерн, И. И. Толстой и я (Граффити Березани..., № 1, 2, 6, 10–16, 18, 19б, 22, 27, 29, 36, 38, 49, 50, 52, 55, 63, 67), итого новых 127. Значение этих документальных материалов тем более велико, что почти все упомянутые в них надписи утрачены — ныне в ОАМ, Государственном Эрмитаже, в Николаевском областном краеведческом музее

---

¹ Независимый исследователь; Москва, Россия.

© Яйленко В. П., 2024

хранятся лишь 14 из них². По одной этой причине необходимость публикации этих архивных данных бесспорна, несмотря на изъян в виде вольных прорисовок текста надписей: Э. Р. Штерн и другие авторы дневников и описей делали не прориси, а примерные наброски внешнего вида граффити, их я воспроизводил на своих карточках более или менее сходным образом. Примерно в двух десятках случаев можно сравнить эти изображения надписей с их же подлинниками или снимками из фотоотдела НА ИИМК РАН, и при сверке видно, что изображения граффити в документах более или менее близки оригиналам, во всяком случае, дают представление о тексте надписей и позволяют установить их широкую датировку (ср. рис. 5а и 5б)³. То же показывает и сличение изображений граффити в дневниках Э. Р. Штерна (Граффити Березани... С. 16, № 55; 20, № 69; 25, № 94) с оригиналами, хранящимися в ОАМ.

Типология новых граффити разнообразна, они раскрывают многие аспекты жизни березанцев. Неожиданно самой многочисленной группой надписей оказались граффити с цифровыми обозначениями, их 46 (Граффити Березани... № 1, 15, 16, 19а, 19б, 19в, 20б, 21, 23, 24, 25а, 30?, 31а, 35б, 36, 39б, 40а, 44?, 52, 56, 58ж, 58з, 60а, 60б, 63а, 63б, 65, 66а, 69б, 69в, 69г, 72а, 72б, 73а, 72в, 79г, 86а, 86б, 88б, 89, 90, 93, 95, 101, 105, 107); от общего числа граффити в архивных документах (141 экз.) — это треть. До сих пор было известно лишь несколько березанских цифровых граффити⁴. За несколькими исключениями, всё это небольшие денежные суммы; до настоящего времени мы и не подозревали, насколько активно березанцы считали деньги, ибо монетных находок на острове немного, в основном стрелки и дельфины (Лапин 1971: 42–51; Золотарев 1997: 141–144; Гилевич 2000: 112–139; Пиворович 2001: 149–152). Это само по себе свидетельствует об их экономической активности, в основном в VI–V вв. до н. э. Но суммы мелкие, это какие-то их бытовые расчеты в пределах острова. Огромные завалы родосско-ионийской керамики, раскрытые Г. Л. Скадовским и Э. Р. Штерном, свидетельствуют об эмпориальном характере Березанского поселения (Яйленко 2017: 125–128, 141–144, лит.), торговавшего со скифским хинтерландом, но большие суммы денег среди граффити единичны, это лишний раз подтверждает давнюю догадку, что со скифами велся товарообмен — греческая керамика, вино в обмен на хлеб и прочее.

Ввиду ограниченного объема этой статьи нет возможности опубликовать все 46 граффити с денежными суммами. Наиболее существенная часть рассматривается в § 1. В § 2 приведен общий обзор по всем таким граффити в «Граффити Березани...». В § 3 рассматривается важный для нумизматики Северо-Западного Причерноморья VI–V вв. до н. э. вопрос о стоимости местных монет-стрелок и монет-дельфинов, поскольку новые граффити предоставляют для этого некоторые данные⁵.

² Сотрудники ОАМ А. М. Тарадаш, Э. В. Диамант, также И. Б. Клейман дружно утверждали, что граффити Березани и Ольвии вывез из ОАМ П. Никореску, возглавлявший при немцах трофейную комиссию по перемещению музейных ценностей в Румынию. Полагаю, они и поныне покоятся тайно в каком-либо хранилище Ясс или Бухареста (подробно разбираю вопрос в: Граффити Березани... С. 26, § 24).

³ Свои датировки нижеследующих граффити не аргументирую, поскольку они широки: VI — первая четверть V, V, V–IV, IV, III вв. до н. э.

⁴ Э. Р. Штерн называл их «графффити торговцев» (Штерн 1901: 27, 28, № 27–34); на самом деле в этой его подборке всего одно цифровое граффито — № 30 (в этой статье № 1), еще три — в работе (Яйленко 1980а: 95, № 47–49) и одно — см: Яйленко 2017: 339, 340.

⁵ После порядкового номера граффито указываем номер его в «Граффити Березани...», затем указан архивный документ, откуда взяты сведения. Номера надписей граффити и рисунков идентичны. Э. Р. Штерн и другие авторы давали скудные данные о надписях — лишь указание на носитель (сосуд, килик и пр., обычно «черепок») и эскизные воспроизведения надписей. После этого приводится чтение и комментарий автора настоящей статьи.

§ 1. Граффити Березани по данным архивных документов

1. Граффити Березани... С. 6, № 15. Прорись в Альбоме Г. Л. Скадовского, табл. LI, 14⁶.

Э. Р. Штерн не совсем точно прочел «AK IIII» и отнес граффито к торговым надписям, не разъясняя, что имеет в виду (Штерн 1901: 28, № 30). Ранее (Яйленко 1980а: 95, № 48) это граффито на фрагменте стенки ионийского светлоглиняного сосуда V в. до н. э. было определено как цена сосуда: «A» = «μία» «одна», «⟨» означает пол-обола, «IIII» = четыре обولا, так что «одна» ваза стоит четыре с половиной обولا⁷. Но теперь полагаем, что это не стоимость сосуда, а просто денежная сумма: «A⟨IIII» = одна драхма, четыре с половиной обولا.

2, 3. 2. Альбом Г. Л. Скадовского, табл. LI, 6 (НА ИИМК. РО. Ф. 1. 1900 г. Д. 1416. Л. 29): на черепке показано изображение трехперой стрелы вертикально. 3. Дневник Г. Л. Скадовского, каталог, № 32/А: на ионийском арибалле это же изображение горизонтально⁸.

Это денежные суммы в три монеты-стрелки (о монетах-стрелках см. § 3). Э. Р. Штерн отнес эти изображения к числу граффити торговцев, не приведя аргументов (Штерн 1901: 28, № 31, 32). Автор этой статьи ранее ошибочно считал их «ёлочками», магическими знаками (Яйленко 1980а: 92, № 22, 23).

4–6. Граффити Березани... С. 7, № 19а, 19б, 19в⁹. Черепки с тремя граффити, приведены их рисунки.

4. Граффити Березани... С. 7, № 19а.

Текст: «AE|». По формам букв граффито VI — первой половины V в. до н. э. В «Граффити Березани...» (№ 19а) сочтено возможным перевернуть граффито на 180° и усмотреть в знаке «V» употреблявшееся на Евбее и в ее колониях «красное» хи, так что «VE|» — денежная сумма: «χ ε|» = 15 халков. Однако теперь думается, что нет надобности, да и оснований, переворачивать граффито, ибо первый знак — стрела, а именно обозначение бывшей в ходу на Березани VI–V вв. до н. э. монеты-стрелки, так что «AE|» есть денежная сумма: «стрела, 5 обол», либо «5 стрел, обол» (в § 3 делается вывод, что 1 стрела = 2 халкам). Нижеследующая сумма № 10 «ΓΠ|» структурно и содержательно такая же: стрела, акрофоническая цифра 5 (в № 4 алфавитная), знак обولا. Такая же сумма «AE|» представлена и в нижеследующем граффито № 7, стрела изображена также в денежных суммах № 10, 23.

5. Граффити Березани... С. 7, № 19б.

Граффито хранится в ОАМ (инв. № 80616) (рис. 1, 5а — из дневника Э. Р. Штерна, рис. 1, 5б — прорись автора с подлинника). По прориси видно, что чтение Э. Р. Штерном буквы «N» не оправдано — читается *эта*. В работе (Яйленко 1980а: 99, № 55) граффито занесено в *Incerta*, теперь очевидно, что это запись денежной суммы в две строки. Обозначения обол писались в виде вертикальных и горизонтальных черточек-линий, их можно нанизывать на вертикальную, наклонную или горизонтальную ось (Граффити Березани... С. 20, № 72а; 23, № 93; 26, № 107). В стк. 2 данного граффито читается «N≠», где «η» = «ἡ(μισυ)» «половина» (как в № 21), а знак «≠» обозначает два обولا (как в: Граффити Березани... С. 26, № 107); в целом два с половиной обولا¹⁰. Понять стк. 1 несколько сложнее: здесь

⁶ Это «Альбом Г. Л. Скадовского к дневнику его раскопок на Березани. Часть III» (НА ИИМК. РО. Ф. 1. 1900 г. Д. 1416. Л. 29).

⁷ Об «A» как «μία» «одна» (ср. «δραχμή») см.: Reinach 1885: 223, 224.

⁸ Дневник Г. Л. Скадовского — это машинописная копия дневника Г. Л. Скадовского «Раскопки некрополя на о-ве Березань в 1900–1901 гг.», существующая в двух экземплярах — в архивах Эрмитажа (АГЭ. Ф. 1. Оп. V. 1900. Д. 37) и ОАМ (Д. 59187/2), в ОАМ хранится и рукописный подлинник этого дневника.

⁹ Штерн Э. Р. Дневник раскопок на о. Березань в 1904 г. (Архив ОАМ. Д. 59188. Л. 4).

¹⁰ Как цифра η´ = 8, но сумма «8, 2 обولا» нескладная (додумывать восемь драхм оснований нет), поэтому логичней усматривать в η сокращение слова «ἡ(μισυ)» «половина», что обычно, см., например: Lang 1976: 60, № На 18.

Обычно греческие цифровые записи алфавитные (цифровое значение по месту в алфавитном ряду) или акрофонические (по первой букве слова). Здесь, как и в № 9, сочетание обоих способов.

9. Граффити Березани... С. 9, № 24. Архив ОАМ. Д. 59188. Л. 8. Черепок с граффито.

Текст: «ТНЕГ», причем «N» — обратное. Денежная сумма: «Т» = τ(εταρτημόριον) «четверть обولا» (Larfeld 1907: 418), «NE» = 55, «Г» — драхма; в целом, «ТНЕГ» = 55 драхм с четвертью обولا. Эта сумма и в № 13. По письму — V–IV вв. до н. э.

10. Граффити Березани... С. 11, № 31а. Архив ОАМ. Д. 59188. Л. 18об.

Текст: «Π», ниже буква «Н». На первый взгляд, первая буква — архаическая лямбда, мачта ее слегка наклонена вправо, она свойственна древнейшему алфавиту Ионии (Jeffery 1969: 325), в Аттике употреблялась до конца V в. до н. э. По письму — V в. до н. э. Надпись вроде бы простая, и в ней можно усматривать смешанную акрофоническую и алфавитную цифровую запись: λ' π(έντε) «λ» = 35 обол, «Н» = восемь обол. Однако наличие стрелы, при том что на острове употреблялись монеты-стрелки, заставляет понимать ее при учете этой березанской монеты: «Π» = 5 стрел («Π»), 1 обол либо 1 стрела («λ») и 5 обол («Π»). Как сказано (см. № 4), есть и другие денежные суммы со стрелой (стрелами), вопрос подробно рассмотрен в § 3. «Π» как π(έντε) присутствует в надписях № 8 и 17, также в Граффити Березани... С. 19, № 69; 24, № 86.

11. Граффити Березани... С. 11, № 35б¹². Два черепка с граффито.

Так как граффито одно, упоминание двух черепков надо понимать в том смысле, что черепок состоит из двух фрагментов. Текст: «ΛΕ ΕΑМ». По письму — V в. до н. э. Прочерк у правой ножки «Λ» означает, что это цифры = 35 обол; то же в Граффити Березани... С. 25, № 95. Тут и в граффито № 7 при «ΕΑМ» денежная сумма, но они существенно разные: здесь 35 обол, там — 1 стрела, 5 обол. (См. № 14, в котором при сумме обол с четвертью присутствуют буквы «Γ ΑΕ», тоже неясного содержания.)

12. Граффити Березани... С. 12, № 36¹³. Архив ОАМ. Д. 59230. Л. 14: чернолаковый черепок с граффито.

Двухстрочное граффито V в. до н. э. Его фото есть в ФО НА ИИМК (Нег. III 9406) (воспроизведен в: Яйленко 1980а: 95, № 47, здесь приводится прорись с фото (рис. 1, 12). Стенка чернолаковой чаши, аккуратно обколота, следовательно, вторичного употребления. Стк. 1, слева направо: «ΑΒΓ» и кружок с хвостиком — знак обولا («ο» = «ὀ(βολός)», как в № 14). Это начало алфавитного ряда, то есть ученическое упражнение на написание денежных сумм: «αβγ' ο» «один, два, три обولا». Стк. 2 перевернута на 180°, текст: «ο ⊂ ι ΔΕ», это денежная сумма — «обол, пол-обولا, драхма» и продолжение цифр: «δε'» «четыре, пять».

13. Граффити Березани... С. 12, № 39¹⁴. Черепок с граффити на обеих сторонах (рис. 1, 13б, 13а).

На одной стороне «ΟΛΒΙ» — женское имя «Ολβι(α)» или мужское «Ολβι(ος)», как в работе: Яйленко 1980а: 95, № 43 (ср. и «ΟΛ» в Граффити Березани... С. 14, № 47; 46, № 137), они соотносятся с названием города — «Ολβία». На другой стороне читается обозначение драхмы, влево, и цифры «NE», в целом «†NE» = 55 драхм, ср. № 9 — эта же сумма, но с добавлением четверти обولا: «ТНЕГ» = 55 драхм с четвертью обولا («Т» = τ(εταρτημόριον)», так и в граффито № 14). Цифра «E» немного опущена сравнительно с предыдущими «†N», и ее язычок продлен влево, подчеркивая их, как бы подводя итог сумме. По письму — V–IV вв. до н. э.

¹² Штерн Э. Р. О-в Березань. Опись находок 1904 г., поступивших в Археологическую комиссию (Архив ОАМ. Д. 59230. Л. 6).

¹³ Это граффито фигурирует и в «Дневнике раскопок на о-ве Березань в 1904 г.» Э. Р. Штерна (Архив ОАМ. Д. 59188. Л. 21).

¹⁴ Штерн Э. Р., Кагаров Е. Г. Дневник раскопок на Березани 1905 г. Раскоп А (Архив ОАМ. Д. 59190. Л. 41).

14, 14а. Граффити Березани... С. 12, № 40а, 40б. Архив ОАМ. Д. 59190. Л. 47. Черепок с граффити внутри и снаружи (рис. 1, 14а, 14б). По письму — IV в. до н. э.

Основу граффито внутри составляет солярный знак в виде креста, в сердцевине которого кружок, при этом горизонталь и кружок прочерчены дважды. Над горизонталью в левом верхнем сегменте буква «Г», в правом — буквы «АЕ»; снизу в левом сегменте «Т̄» и уплощенное «О»; в правом нижнем сегменте прочерк. Сочетание солярного креста с цифрами: в левом нижнем сегменте «Т̄ О» = четверть обола, обол. Тут «Т̄» = «τ(εταρτημόριον)» «четверть обола»¹⁵, как в № 9 и 13; «о» = «ὀ(βολός)» «обол», как в № 12. «К АЕ» (или «ГАЕ») (ср. № 7, 11 — «ЕАМ», тоже неизвестного значения). Сочетание солярного креста с денежной суммой оправдывается упоминанием в надписи на наружной стороне богини Афины.

Текст граффито на внешней стороне черепка: «ΑΘΗΝΑΑΦΙΛΗ», то есть «Ἀθηνᾶ φίλη» «Афине милой / дружественной» (или «Ἀθηνᾶ φίλη» «Афина милая / дружественная»). Форма «Ἀθηνᾶ» редкая, аттическая, произведена из «Ἀθηναία» по сокращению дифтонга «αι», о чем писали сами древние — Геродиан (Rhet. III, 1, p. 133, 6; III, 2, p. 314, 18), Евстафий (Comm. ad Iliadem, 1, p. 133, 6). Пишет об этом и Платон в диалоге «Кратил» (407с), причем сам чуть далее (417е) употребляет сокращенную форму «Ἀθηνᾶ», и это единственный образец ее узуса в греческой литературе. Обращает на себя внимание обратное написание «N» и последней альфы ножками вверх, такие приемы свойственны магическим надписям, так что магическими приемами отмечены оба граффити. Мы выделили среди херсонесских и прочих граффити несколько образцов, содержащих имя божества и денежную сумму, — это приношения частных лиц в святилища поименованных божеств (Яйленко 2022: 228), суммы мелкие, как и здесь. Неясно, оба граффити сделаны на черепке или на целом сосуде; в первом случае — это магия, во втором — приношение богине. По письму данное граффито относится к IV в. до н. э., так что употребление на Березани аттической формы теонима естественно ввиду торговых связей Ольвии с Афинами в этом столетии (Яйленко 2017: 364–369); об аттицизмах в надписях Ольвии V–IV вв. до н. э. см.: Там же: 37, 40, 42–44. Ионийская форма с сокращением дифтонга «αι» в α — Ἀθηνᾶ (Thumb, Scherer 1959: 253), она представлена в березанском посвящении Афине конца VI — начала V в. до н. э.: gen. «[Α]θηνᾶς» (Яйленко 1980а: 90, № 18 = Граффити Березани... С. 11, № 29).

15. Граффити Березани... С. 15, № 52¹⁶. Чернолаковый черепок.

Текст: «^НТΔ». IV в. до н. э. Чтение Э. Р. Штерна: «ΛНТΔ» (Штерн 1910а: 68). Однако изображение на л. 29 содержит важную для понимания граффито особенность — внутри «Δ» вписана косая черта, идущая от середины правой боковины в левый угол, скорее всего это дифферент «Δ» как драхмы (не «δέκα» = 10), поскольку перед нею использованы все знакомые нам приемы счета обол: «Т» = «τ(εταρτημόριον)» «четверть обола», первые цифры «ΛН» могут быть поняты как «λη´» = 38 или «λ´ ἥ(μισυ)» «30, половина» (как в суммах № 5, 21). Последовательность счета обол, драхма представлена в суммах № 9, 12, 21¹⁷. Здесь сумма в целом «ΛНТΔ» = «38 обол (или 30 обол с половиной), драхма». С Березани происходит граффито последней четверти VI в. до н. э. с долговой записью булочника, в которой фигурируют τέταρτον и ἥμισυ — мелкие фракции ольвийской медной монеты в четверть и половину обола (ОХБ: 339, 340), как и в данном граффито.

¹⁵ Крышка над «Т» — детерминатив, указатель цифрового значения «Т».

¹⁶ Штерн Э. Р., Кагаров Е. Г. Дневник раскопок на о. Березань 1906 г. (Архив ОАМ. Д. 59191. Л. 29).

¹⁷ Ряд березанских сумм начинается с драхм и продолжен оболлами (см. № 1, 8. Граффити Березани... С. 25, № 101). С халков суммы не начинаются. В «Граффити Березани...» (С. 15, № 52) ошибочно считается, что косая черта в «Δ» образует букву «А», в целом, лигатура «ΔА» = 10 драхм, чего не может быть.

16. Граффити Березани... С. 16, № 54в. Архив ОАМ. Д. 59191. Л. 33. По краю сосуда граффито.

Текст Штерна — Кагарова: «НП», «ΡΩΤρΣ». Но на л. 52 под № 8 этот текст показан более точно: за «П» следует «|», за «Т» ипсилон с крышкой: «Υ». Прочитано слово «ἡλειρώτις» или «ἡλειρώτης».

Вычитывание Э. Р. Штерном и Е. Г. Кагаровым слова со значением «материковый, сухопутный» и само по себе странно, и не соответствует показанному ими тексту: «ΕΠΡΩΤΥΣ». По письму — V–IV вв. до н. э. Вычитываем предлог «ἐπ'» и слово на «ίρωτ-», за ним «ΥΣ», где полочка над ипсилоном скорее указывает на его цифровое значение, подобно полочке над цифрами «X» и «T» в № 6, 14 «Граффити Березани...» (С. 20, № 72б)¹⁸. Тут «ίρωτ-» — ионийская форма аттических слов на «ίερατ-», именно «ίερατεία» «священство, жречество» (в смысле «корпорация жрецов», вроде русского слова «духовенство»), «ίερατεύω» «служить жрецом / жрицей» (LSJ¹⁹, s.v.). Примеры в LSJ — эллинистического времени (Syll.²⁰ 1009, 1010, Калхедон), но ионийские формы на «ίρω-» вместо «ίερω-» известны с V в. до н. э.: «ίρωστί» у Анакреонта, «ίρωσύνη» — v. l. наряду с «ίερωσύνη» у Геродота (IV, 161). Вероятный текст надписи: «ἐπ' ίρωτ(εἶα) υ' σ(τατήρων)» «на жречество 400 статеров» (ср.: № 19 — приношение березанцем в святилище Ахилла 19 драхм, и № 14а — приношение Афине обола с четвертью). По сравнению со столь незначительными суммами относительно большая сумма в 400 драхм скорее выделена властями полиса на функционирование святилищ(а). Вероятно, это памятная запись на черепке. Граффито рубежа VI–V вв. до н. э. «[εἰκ]οστὴν Ἄπ[όλλωνι]» «двадцатина Аполлону» указывает на регулярное приношение богу березанцами 1/20 дохода (Яйленко 1982: 289, № 99).

17, 17а. Граффити Березани... С. 17, № 56. Архив ОАМ. Д. 59191. Л. 47. Перед рисунком надписи в тексте дневника одно неразборчивое слово (рис. 1, 17а, 17б).

Надпись в три строки, верхняя и нижняя — это два граффити, написанные ретроградно, средняя же — дипинто, его текст не показан²¹. Ретроградное написание граффити стк. 1 и 3 указывает на VI в. до н. э. Текст стк. 1: «← T|| η», стк. 3: «← ΑΙΟΥΠΠΣ□☞»²². Это денежные суммы.

17. В стк. 1 справа налево следуют цифра 6 («η», «вау», она и в № 21²³), две вертикали = два обола, «Т» = «τ(εταρτημόριον)», в целом «F||τ» «6 (драхм?), два обола, четверть обола. 17а. В стк. 3, тоже идущей ретроградно, сначала процарапана трехпалая рука, далее «□» — хета, древняя буква (она нередка в ранних граффити Ольвии, см.: Русяева 2010: 226, табл. 10, 3, 4, 8, 10) и цифра «эта» у малоазийских ионийцев (ее цифровое значение 8; употреблена как цифра и в № 21). За ней следует «ΣΠΠΟ», затем «Г»-оборотная («|»), «А». Это можно понять так, что автор записи изобразил руку, «ἡς» «от которой» («χεῖρ» «рука» женского рода) следующая сумма денег: «ΠΠΟ» = «π(έντε), π(έντε)» = 5 и 5 оболов (см.: «Π» и «πε» как «π(έντε)», «πέ(ντε)» в № 10 и «Граффити Березани...» (С. 19, № 69; 24, № 86)). В этот контекст из акрофонических цифр не вписываются завершающие «ΓΑ» (ретроградно «Α|»)

¹⁸ В «Граффити Березани...» (С. 14, № 45в; 46, № 139) некий Питес писал свое имя с «Υ» («ΠΥΘΗΣ»), но здесь это ничего не означает — просто его личная манера письма. Это частный случай, тогда как в цифрах полочка сверху — обычный детерминант.

¹⁹ LSJ — Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2042 p.

²⁰ Syll.³ — Dittenberger G. et alii. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae: Typis Bretkopfii et Haertelii, 1920. Vol. 3.

²¹ В прямоугольнике написано «красный», далее неразборчиво, возможно, имеется в виду красная полоса декорации сосуда, см. рис. 1, 17.

²² Стрелкой показываем направление текста; сигму надо развернуть влево.

²³ Подробней о букве и цифре «вау» см.: Яйленко 1980б: 95, № 105.

как алфавитные цифры 3 и 1. Вряд ли это и сокращение имени «Га», ибо с таким началом нет выразительных греческих имен²⁴. Полагаем наиболее вероятным предположение, что это хорошо знакомое нам «Т» = «τ(εταρτημόριον)» «четверть оболы», крышка которого или сохранилась наполовину, или была столь же коротка справа, как и в стк. 1. Текст надписи № 17а в целом: рука, «ἤς ΠΠΟ» = «π(έντε)», «π(έντε)», «τ(εταρτημόριον), Α», то есть «рука, от которой получено 5 и 5 оболы, четверть оболы, драхма» (Α = «μία»). Таким образом, это запись о получении указанной денежной суммы.

18, 19. Граффити Березани... С. 18, № 60а, 60б²⁵. Найдены два граффити.

18. Граффити Березани... С. 18, № 60а.

Граффито с буквой Φ и «лесенкой», каждая горизонталь которой обозначает обол, в целом четыре оболы. Ср.: Граффити Березани... С. 20, № 72, где дипинто «≡» — та же «лесенка», но с одной стойкой, = четыре оболы; Граффити Березани... С. 7, № 19б, где знак «≠» — это два оболы. Что означает «Φ» — неясно, вряд ли это цифра 500, ибо запись о 508 оболы маловероятна, такая сумма ожидалась бы в виде 83 с половиной драхм. Видимо «Φ» — инициал имени, при нем сумма четыре оболы; о группе херсонесских граффити такого рода см. (Яйленко 2022: 228, № 72–79). Ср. и следующую надпись № 19.

19. Граффити Березани... С. 18, № 60б.

Двухстрочное граффито, стк. 1: «|ΘΔ», стк. 2: «Αχι». По письму — IV–III вв. до н. э. («тета» с точкой внутри встречается от архаического времени до раннеэллинистического). В стк. 2 «Αχι» вряд ли стоит понимать иначе, нежели обычное для эпиграфики Березани сокращение имени Ахилла (Яйленко 1982: 284, № 23, 24 и др.). Если в «|ΘΔ» стк. 1 первый знак «йота», то это цифра 10, в целом 19 драхм; если первый знак — обозначение оболы, то это сумма в девять драхм с оболы (см.: Граффити Березани... С. 20, № 73а с той же вариантно-стью значений: «Δ» = 10 драхм, либо обол, драхма). Это запись о приношении автором граффито святилищу Ахилла 19 драхм или девяти драхм с оболы. Ср.: № 14 — приношение Афине мелкой меди; № 16 о 400 статерах для жречества; приношение навкратийской женщины по имени Каллитό 15 драхм Гераклу: «Νρακλεῖ Καλλιτῶ Γ-ΠΔ» (Petrie 1886: 63, № 32). Конечно, нельзя исключить, что «Αχι» — теофорное личное имя (ср.: херсонесские граффити с денежной суммой и сокращением личного имени (Яйленко 2022: 228, № 72–79)).

20, 21. Граффити Березани... С. 19, № 63а, 63б²⁶. Два чернолаковых черепка с граффито. Обе надписи упомянул Э. Р. Штерн, без интерпретации, с указанием, что находятся они в ОАМ (Штерн 1910б: 40).

20. Граффити Березани... С. 19, № 63а. Граффито «/Α» представляет собой цифровую запись: акрофонически это обол, драхма, если читать алфавитное «ια'» — это цифра 11.

21. Граффити Березани... С. 19, № 63б.

Текст: «≡NH|Λ°Γ-Ε». В упомянутой заметке 1910 г. Штерн показал в этом граффито две вертикали (в дневнике одна): «≡NH|Λ°Γ-Ε». Буква или цифра «хета» («эта») «≡» присутствует в граффито № 17а, но в данной надписи есть и позднейшая ее форма «Н», так что здесь «хета» употреблена как цифра 8 (ср.: граффито «≡Λ» с прочерком (Johnston 1979: Fig. 14b) = 38 оболы). Попутно цифра «хета» служит датирующим признаком нашей надписи — не позже V в. до н. э. В целом читаем тут две денежные суммы: «≡NH||» и «Λ°Γ-Ε». Цифра «≡NH||» включает «≡N» = 58 и «ἥ(μισυ)» «половина», а две вертикали «||», как обычно, два оболы; в целом, 60 с половиной оболы. Вторая цифра «Λ°Γ-Ε» = 30 оболы, 5 драхм.

²⁴ В словаре В. Папе и Г. Бензелера много имен на «Га», но почти все негреческие и малоупотребительные (Pape, Benseler 1884: 234–242).

²⁵ Кагаров Е. Г. Журнал раскопок на о. Березани в 1906 г. (Архив ОАМ. Д. 59192. Л. 6).

²⁶ Штерн Э. Р., Кагаров Е. Г. Дневник раскопок на о. Березань 1908 г. (Архив ОАМ. Д. 59193. Л. 12).

22. Граффити Березани... С. 46, № 142. В архиве ОАМ хранится рукописный каталог ольвийской столовой керамики музея, его до 1911 г. вел Э. Р. Штерн, затем другие сотрудники. Извлекаем оттуда весьма важное для нашей темы граффито под № 3860. Оно написано на дне чернолаковой солонки, найденной в Ольвии в 1901 г. и подаренной музею А. Л. Бертье-Делагардом.

См. рис. 1, 22 — примерную зарисовку граффито автором. Это превосходная иллюстрация к денежной роли стрел вкупе с мелкой монетой. На рисунке показаны: стрела вертикально, посередине ее пересекает горизонталь, слева вверху обозначение обولا «O», в правом нижнем сегменте знак халка «X». Сумма в целом: обол, стрелка, халк. Это означает, что стрелка в денежном выражении меньше обولا и больше халка; в § 3 будет показано, что она равна 2 или 2,5 халка. Там же отмечаем, что березанские суммы в халках относятся к VI — раннему V в. до н. э., так что и эта ольвийская сумма того же времени.

§ 2. Общий обзор денежных сумм Березани

Как сказано, цифровые обозначения — это самая многочисленная группа граффити из Архива ОАМ (их 46, треть от общего числа граффити (141 экз.))²⁷. За некоторыми исключениями, это небольшие денежные суммы, в основном VI–V вв. до н. э. Напомним, к примеру, несколько записей²⁸: «A< ||||» = драхма и четыре с половиной обولا (№ 15); «AE|» = стрела, пять обол, либо пять стрел, обол (№ 19а, 20б); «≠ #, H≠» = шесть с половиной обол (№ 19б); «X» = «χ(αλκός)» «халк» (№ 19в); «A|NΠΣN» = драхма, 50 обол (?), пять статов и (отдельно?) «N» = 50 (№ 21); «|M» = 40 обол; «x» = 1 халк (№ 23); «TNEI» = 55 драхм с четвертью (№ 24); «ιδ´» = 14 (№ 25а) и др. Ср. эти данные с денежными суммами на столовой посуде Пантикапея и округи эллинистического времени (Яйленко 2010: 101–105), Нимфея (Намойлик 2009: 303–309), которые текстуально и количественно разнообразней. Распределим эти записи по времени, оговорившись, что датировке поддаются около 35 надписей этого типа, даты остальных неопределены.

VI–V вв. — 11 граффити (Граффити Березани..., № 1, 16, 19а, 20б, 23, 24, 31а, 54в, 56, 61б, 69г).

V в. — 9 граффити (Там же, № 15, 21, 35б, 36, 63б, 69в, 72а, б, 101).

V–IV вв. — 11 граффити (Там же, № 19б, 24, 33, 34а, 39б, 40а, б, 50а, в, 52, 70).

IV в. — 6 граффити (Там же, № 35а, 39б, 50в, 52, 86б, 91).

IV–III вв. — 1 граффито (Там же, № 60б).

Как видно, бо́льшая часть денежных сумм относится к ранней эпохе существования березанского поселения, а именно к VI–V вв.: их 20, причем, если добавить половину из рубрики V–IV вв., их 25, то есть более половины от общего числа. Это вполне соответствует периодизации березанского поселения, которое наиболее активно функционировало в VI–V вв., с небольшим всплеском в римское время, в IV–I вв. жизнь там теплилась слабо (по этой причине граффити, датированные по письму V–IV вв., следует относить преимущественно к V в.). Рассмотрим поэтому вопрос о деньгах VI–V вв. Сначала ознакомимся со всеми денежными суммами этого времени.

²⁷ Поскольку в § 2, 3 делается общий обзор всех березанских денежных граффити, извлеченных из архивных документов ОАМ, а в § 1 данной статьи приводится только половина из них, ссылки даются на номера в «Граффити Березани...». Для удобства читателя прилагаем comparatio numerorum (первая цифра — номер надписи в «Граффити Березани...», вторая — ее же номер в настоящей работе): 15–1, 16–2, 1–3, 19а–4, 19б–5, 19в–6, 20б–7, 21–8, 24–9, 31а–10, 35б–11, 36–12, 39–13, 14–40а, 14а–40б, 52–15, 54в–16, 56–17, 17а, 60а–18, 60б–19, 63а–20, 63б–21, 142–22.

²⁸ В пяти надписях данной статьи мы пересчитали сумму, это № 19а — 4, 20б — 7, 31а — 10, 52 — 15, 56 — 17 (первая цифра — номер надписи в «Граффити Березани...», вторая — ее же номер в настоящей работе), также нескольким уточнили дату.

VI–V вв. «AEI» = стрела, пять обол, либо пять стрел, обол (№ 206). «IMX» = 40 обол, один халк (№ 23). «TNEP» = 55 драхм с четвертью обол (№ 24). «IΠI» = пять стрел (IΠ) и один обол, либо одна стрела (I) и пять обол (II) (№ 31a). «EΠIPΩTΥΣ» = «ἐπ' ἰρωτ(εἶα) ὕ σ(τατήρων)» «на жречество 400 статов» (№ 54в). Две ретроградные надписи: 1) «← T,IIη» = шесть (драхм?), два обол, четверть обол, 2) «← ATOΠΠΣΞ☞», тут рука, «ἦς ΠΠΟ» = «π(έντε)», «π(έντε) ὀ(βολών)», «τ(εταρτημόριον)», «A» = «μία», то есть «рука, от которой получено 5 и 5 обол, четверть обол, драхма» (№ 56). Цифра «N» с вертикальным штришком = 50 обол (№ 616). Шесть обол, драхма (№ 69г). Мы зачисляем в эту группу также № 1, 16 с изображением трехперой стрелы, ибо в следующем § 3 покажем, что это денежная сумма «3 стрелы».

V в. «A(IIII)», где «A» = «μία» «одна» (ср. «δραχμή»), в целом одна драхма, четыре с половиной обол (№ 15). «AINΠΣN», где «AIN» = драхма, 50 обол, «ΠΣ» = пять статов + 50 (№ 21). «AE» с детерминативом = 35 обол и неясное «EAM» (№ 356); «ABΓ°» = 1, 2, 3 обол; «°< I» = обол, пол-обол, драхма (№ 36). «ΞNHIIA°E», тут две денежные суммы: «ΞNHII» = 60 с половиной обол, и «A°E» = 30 обол, пять драхм (№ 636). «Π» и «N» с детерминативом = 55 обол (№ 69в); «Ξ» = четыре обол (№ 72a); «T» = четверть обол (№ 72 б); «°I» = драхма, обол (№ 101).

Как видно, в датированных надписях суммы мелкие, исчисление обычно идет в обол и его фракциях (полуобол, тетартеморион); это же и в недатированных суммах, всего тех и других 28 (№ 15, 196, 23, 25a?, 30?, 31a, 36, 44?, 56, 58ж, з, 60a, 616, 63a?, 636, 66a, 69г, 72a, б, 73a, 73в?, 79г, 886, 90, 93, 95, 101, 107). Существенно реже исчисление в драхмах, обычно 1–2–3 драхмы, есть 5, 6, дважды упомянута самая большая сумма в 55 драхм (№ 24, 396), всего сумм в драхмах 15 (№ 15, 21, 24, 25a?, 30?, 36, 396, 44?, 56, 60 б, 63a?, 636, 69г, 73a, 101), лишь один раз упомянуты пять статов (№ 21). Уж вовсе уникальны 400 драхм, выделенных жречеству скорее всего полисом (№ 54в). В халках исчислены только суммы древнего периода, VI–V вв. (№ 19a, 206, 56); по этой причине зачисляем сюда и № 23, 107, не имеющие показаний для датирования по письму. В целом исчисление в обол и халках засвидетельствовано 31 раз, исчисление в драхмах 15 раз. Контраст составляют, к примеру, денежные суммы в граффити с афинской Агоры от V в. по эллинистическое время, исчисление которых ведется главным образом в драхмах, при этом суммы существенно больше: например, «ΔΠI-I-I» = 18 драхм, «--HΔI-III» = сто драхм, три обол, халк и т. д., а записи вроде «oIII» = четыре обол являются редкостью (Lang 1956: 21, 22). Но это уже другая эпоха и экономически более развитый регион, с полюдно широким накоплением существенных в той или иной мере капиталов. Мелочность березанских сумм непреложно свидетельствует, что это внутренний денежный оборот, что березанцы всех эпох массово бедны, и это соответствует общей бедности архаической эпохи (см.: Яйленко 1990: 101–105); на наш взгляд, архаика длилась в Северном Причерноморье до середины V в.

§ 3. Ratio березанских монет-стрелок

Подтверждает малость березанских сумм и единственное текстуальное граффито второй половины VI в. с Березани: «-- тетартон -- гекту -- булку -- тетартон -- полутекта -- не предлагать цену (?) -- булки (род. падеж) -- полутекта --», это памятная запись булочника с указанием должных ему сумм (Яйленко 2017: 339, 340). Раньше мне казалось приемлемым мнение наших нумизматов, что расчет в это время производился мелкими фракциями серебряного милетского статера — гектами, полутектами, тетартемориями, их находят в Нижнем Побужье, в том числе на Березани; с V в. расчет производился тут мелкими фракциями электрового кизикина (Карышковский 1988: 28, 29). Однако находки этих монет редкие, поэтому теперь следует думать, что упоминавшиеся в березанских граффити халки и оболы в действительности были стрелками и дельфинами (рыбками) — самой ходовой в Северо-Западном Причерноморье VI–V вв. вид «денег». Надпись на чернолаковом

киликке середины или третьей четверти V в. из Ольвии — «ὄς ἐθέλει βενῆν, δέκ' ἄρδις καταβαλῶμ | πρυζέτω» «кто желает *coige*, заплатив десять монет-стрелок, пусть имеет в зад», показывает, что в это время мелкий денежный расчет шел на стрелки²⁹. Об этом непреложно свидетельствуют и три березанских граффити с денежными суммами, включающими изображение стрелы (№ 19а, 20б, 31а), также одно ольвийское (№ 142).

Напомним их: «AEI» «стрела (A), 5 оболов», либо «5 стрел (AE), обол» (№ 19а, 20б), «ΓΠ» = «5 стрел («ΓΠ») и один обол», либо «1 стрела («Γ») и 5 оболов («Π»)» (№ 31а). Наиболее показательно ольвийское граффито: «οΓх», то есть «обол, стрела, халк» (№ 142). Эти граффити, как и упомянутая обценная ольвийская надпись, непреложно указывают, что в наших березанских суммах VI–V вв. фигурируют именно стрелки³⁰.

По этой причине остаются в силе давние суждения нумизматов, что стрелка и дельфин как-то соотносились с оболлами милетской и кизикской денежно-весовой систем — но как именно, неизвестно (Карышковский 1988: 34, 37). Мы видим способ вычисления примерного соотношения стоимости березанских стрелок и оболлов (*ratio*) — как ни странно, по данным обценных надписей, а также с помощью ольвийского граффито № 142. В приведенной только что ольвийской надписи цена за мальчика в борделе «10 стрел». А в подарочной надписи конца VI — V в. из Южной Италии («δῖς πεπυιδῶς τοῖφ ἐννύει, πάμια τῶξει ἔν»), по существу, стоимость услуг мальчика приравнена к стоимости чернофигурного лекифа с этим граффито. В Аттике лекифы шли по половине оболла, согласно Аристофану (Ranae, 1236), «весьма красивый и превосходный лекиф» стоил обол; на Сицилии лекифы идут по трети оболла — они явно менее прециозны (см. обо всем этом: Яйленко 2018: 269³¹). В подаренном мальчику чернофигурном лекифе из Южной Италии следует усматривать наибольшую стоимость в один обол, поскольку расписная керамика дорога относительно нерасписной³². Отсюда можно бы заключить, что 10 стрел приравниваются к одному оболлу, однако из надписи № 142 следует, что стрелка в денежном выражении меньше оболла и больше халка («οΓх»). В оболле восемь халков, поэтому одна стрелка может приравниваться к двум–семи халкам³³. Но 10 стрел за ольвийского мальчика должны примерно соответствовать одному оболлу за итальянского мальчика и даже большей цене³⁴, так что более вероятно соответствие одной стрелки двум–трем халкам. При соответствии одной стрелки двум халкам получаем, что 10 стрел = 20 халкам = 2,5 оболлам. Стало быть, один обол = четырем стрелам; в драхме шесть оболлов = 24 стрелы.

²⁹ Подробней см. об этой надписи (Яйленко 2020: 488, 489, № 18).

³⁰ Примечательно, что в арголидском Трезене IV в. до н. э. стрелкой «Γ» обозначалась цифра 10 (Larfeld 1907: 417), что тоже могло быть обусловлено древним употреблением стрел или оболлов в качестве квазиденег.

³¹ Граффито написано на ахейском диалекте, не имевшем в алфавите знаков для долгих гласных, поэтому в аутентичном тексте много диакритик; во избежание неминуемых типографских опечаток даем тут текст в обычном аттическом алфавите; если кого-то интересуют детали — они в нашей статье.

³² Тем более что при цене в треть или половину оболла получается невозможно большое число стрел, см. расчеты в «Граффити Березани...», примеч. 35.

³³ Здесь и далее придерживаемся аттического счета — восемь халков в оболле, шесть оболлов или 48 халков в драхме. Поскольку Березанское поселение основано в середине VII в. Милетом (Яйленко 2017: 127, 128), в денежных суммах VI в. ожидалась бы милетская весовая система: статер (драхма), его половина, четверть, треть, далее шестая, двенадцатая и т. д. части; после разгрома Милета в 494 г. его денежно-весовая система исчезает (Зограф 1951: 40, 41). Но так как между березанскими суммами VI и V вв. системной разницы нет, принимаем эвбейско-аттическую денежно-весовую систему, широко распространившуюся со второй половины VI в.

³⁴ Лекиф ценой в один обол, подаренный южноиталийскому мальчику за усердие, был бонусом к обычной плате деньгами (Яйленко 2018: 269), так что вычисленная нами плата ольвийскому мальчику в 10 стрел = 2,5 оболлам может быть тождественной плате южноиталийскому мальчику.

Соответствие одной стрелки двум халкам находит подтверждение в соответствии веса стрел и дихалков Ольвии. По В. А. Анохину (1989: 7), средний вес стрелок — 5,3 г, рыбок 3,18 г (Анохин 1989: 7)³⁵. Судя по его каталогу, вес медных монет Ольвии V в. большой, но их номинал неизвестен. Зато от 380–360 гг. дошло много интересующих нас дихалков (напомним, одна стрелка = одному дихалку), известен их вес (Там же: 105). Сведя веса 21 дихалка, получим в среднем 4 г³⁶. Это вполне сопоставимое соотношение со средним весом стрелок 5,3 г. Важно отметить, что средний вес стрелки несколько больше среднего веса дихалка, что и требуется по перечислению номиналов в надписи № 142 от большего к меньшему: обол, стрелка, халк. Исчислим в стрелках березанские суммы VI–V вв. из расчета 10 стрел за 2,5 обولا, четыре стрелы за один обол, одна стрела за два халка, 24 стрелы за одну драхму.

VI–V вв. «AEI» = одна стрела, пять оболов, либо скорее пять стрел, один обол; это смешанный счет на стрелы и оболочки (№ 19а, 20б). «IM x» = 40 оболов, один халк = 160 стрел с половиной (23). «TNEI» = 55 драхм с четвертью обولا (24). «IP» = скорее пять стрел («IP») и один обол, нежели одна стрела («I») и пять оболов («PI») (31а). Две ретроградные надписи: 1) «← TII η» = шесть (драхм?), два обولا, четверть обولا = 144 (?) + 8 + 1 стрела; 2) «ΠΠΟΑΤ», где «ΠΠ» = пять и пять оболов (итого 10), одна драхма («Α»), четверть обولا («Τ») = 40 + 24 + 1 стрела, в целом 65 стрел (№ 56). «N» со штришком = 50 оболов = 200 стрел (№ 61б). Лежащая (supinum) цифра «βαυ» (= 6), слева над нею штрих, обозначающий обол, и наклонный знак драхмы, так что в целом 6 оболов, драхма = 48 стрел (№ 69г). Надписи № 1, 1б с изображением трехперой стрелы означают денежную сумму «3 стрелы».

Еще раз обратим внимание на граффити № 19а, 20б с суммой «AEI» = одна стрела, пять оболов, либо скорее пять стрел, один обол: тут смешанный счет на стрелы и оболочки, потому примечательно, что обол не пересчитан на стрелы в добавление к «AE» «5 стрелам», — видимо, потому не пересчитан, что в оболе меньше стрел — четыре. Эта же сумма и в № 31а, если принять, что «IP» = скорее пять стрел («IP») и один обол, нежели одна стрела («I») и пять оболов («PI»). Это может подтверждать наше мнение о ratio стрелы и халка 1:2.

V в. «A(III)» = драхма, четыре с половиной обولا = 42 стрелы (№ 15). «AIN» = драхма, 50 оболов = 224 стрелы; при этой сумме значится также сумма «ΠΣ» = пять статов = 240 стрел; обратим внимание на гомогенность обеих сумм — 224 и 240 (№ 21). «AE» (с детерминантом) = 35 стрел (№ 35б). «< I» = обол, пол-обола, драхма = 4 + 2 + 24 стрелы, в целом 30 (№ 36). «INE» = 55 драхм; видимо, расчет в монетах (№ 39б). «□NHIIΛ°E», две денежные суммы: 1) «□NHII» = 60 с половиной оболов = 242 стрелы, 2) «Λ°E» = 30 оболов, пять драхм = 120 и 120 стрел, в целом 240; снова обратим внимание на гомогенность обеих сумм — 242 и 240 (№ 63б). «Π» и «N» с детерминантом = 55 оболов = 220 стрел (№ 69в). «≡» = четыре обولا = 16 стрел (№ 72а). «T» = четверть обولا = одна стрела (№ 72б). «°I» = драхма, обол = 28 стрел (№ 101).

³⁵ Отсюда В. А. Анохин вывел, что десяток дельфинов приравнивался к шести стрелкам. Приемлема и его реконструкция денежно-весовых систем Северо-Западного Причерноморья ок. 660–440 гг. (Анохин 1989: 6, 7, табл.). Согласно ей, $\frac{1}{96}$ электрового милетского статера соответствуют 24 стрелки и 40 дельфинов. Произведем перерасчет этого на номиналы: $\frac{1}{96}$ статера = одному халку = у нас двум стрелкам, ок. четырех дельфинов; в оболе восемь халков, так что ему соответствуют 16 стрел, ок. 30 дельфинов; драхме соответствуют 24 стрелки, ок. 44 дельфинов. При таком ratio пересчитаем, к примеру, денежные суммы в рядовой надписи № 15 от V в.: «A(III)», где «A» = «μία» «одна» (с. драхма), «I» = пол-обола, в целом драхма и четыре с половиной обولا, — им соответствуют 42 стрелки или ок. 75 дельфинов. Эти цифры походят на реальные: к примеру, в четырех известных намкладах в среднем по 214 стрел на клад, то есть примерно по пяти драхмам.

³⁶ 3,90; 2,58; 4,13; 4,98; 4,58; 3,58; 4,79; 4,40; 4,88; 3,05; 4,74; 3,08; 4,49; 4,27; 3,91; 2,73; 2,80; 4,23; 3,43; 4,25; 4,08 г; в целом 82,88 г, делим на 21, получаем 3,95 г.

Как видно, в граффити V в. представлены три способа счета: на стрелы (№ 19а, 35б, 56/1, 61б, 72а); на стрелы и оболы, драхмы (№ 21, 31а, 36/1, 101); на драхмы, оболы (№ 15, 19а, 20б, 36/2, 39б, 56/2, 63б, 69в, г, 72б). Сумма в 400 статов надписи № 54в, также суммы в 55 драхм № 24 и 39б на стрелы не переводятся ввиду огромного их количества. Эти три способа счета соответствуют действительному хождению стрелок и реальной монеты на Березани и в Ольвии VI–V вв.

Возможен и вариант со значением знака | в рассмотренных березанских суммах как «i(χθύς)» «рыба», то есть дельфин, тогда «А» в суммах — это «ἄ(ρδῖς)» «наконечник стрелы», это же значение может быть и у знака «Γ». Например, № 19б: «≠ #» = четыре стрелы или рыбки, «Н≠» = две с половиной стрелы/рыбки. № 31а: «ΓΠ|» = пять стрел («ΓΠ»), одна рыбка («|») или одна стрела («Γ») и пять рыбок («Π|»). Особенно примечательно граффито 35б — «ΛΕ» (с детерминантом) «ΕΑΜ» = 35 стрел или рыбок: при таком счете получает объяснение иначе непонятное «ΕΑΜ» = пять стрел и 40 рыбок. При варианте со значением знака «|» «рыбка, дельфин» остаются те же три способа счета — на стрелки и рыбки, на драхмы, оболы, также смешанный счет того и другого. Будем надеяться, что нумизматы предпримут в дальнейшем перерасчеты соответствия стрел и рыбок халкам и оболам, основываясь не только на данных надписи № 142, соотношении веса стрел да ольвийских дихалков и примерной цене 1⁺ — 2,5 оболы = 10 стрел в упомянутых обценных надписях, но также на каких-либо других показаниях.

Со второй половины V в. Ольвия стала чеканить собственную медную монету — так называемые ассы, по номиналу это оболы и фракции оболы: $\frac{1}{3}$ (трита = чуть меньше трех халков), $\frac{1}{4}$ (тетартеморий = два халка), $\frac{1}{8}$, то есть халк (Карышковский 1988: 47). С этого времени расчет в стрелках и дельфинах стал замещаться исчислением в монете — в драхмах, статорах и их фракциях по аттической денежно-весовой системе. Это было результатом вхождения Ольвии в первый Афинский морской союз в 440–430-х гг. Но и после распада этого союза в 412 г. аттическое влияние в ней сохранялось (Яйленко 2017: 341, 342, 364–369, 382).

Литература

- Анохин 1989 — Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
- Гилевич 2000 — Гилевич А. М. Монеты из раскопок на острове Березань (1961–1991) // Соловьев С. Л. (ред.). Античное Причерноморье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 112–139.
- Граффити Березани... — Яйленко В. П. Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии // URL: <https://www.sgu.ru/structure/archiology/biblioteka/yaylenko-valeriy-retrovich> (дата обращения 12.09.2023).
- Зограф 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 263 с.
- Золотарев 1997 — Золотарев М. И. Новый скарб ольвийських дельфіноподібних монет з розкопок на о. Березань // Археологія. 1997. № 4. С. 141–144.
- Карышковский 1988 — Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев: Наукова думка, 1988. 167 с.
- Лалин 1971 — Лалин В. В. Групповая находка ольвийских «дельфинов» на Березани // МАСП. 1971. Т. 7. С. 42–51.
- Намойлик 2009 — Намойлик А. С. Граффити — цифровые обозначения на столовой керамике из Нимфея // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь: БФ «Деметра», 2009. С. 303–309.
- Пиворович 2001 — Пиворович В. Б. Новые находки древнейших денежных знаков на острове Березань // Летопись Причерноморья. Херсон. 2001. Вып. 5. С. 149–152.
- Русяева 2010 — Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: БФ «Деметра», 2010. 216 с.
- Штерн 1901 — Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 1901. Вып. 23. С. 1–32.
- Штерн 1910а — Штерн Э. Р. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1907 года // ЗООИД. 1910. Вып. 28, Протоколы. С. 137–144.

- Штерн 19106 — Штерн Э. Р. Краткий отчет о раскопках на Березани в 1908 году // ЗООИД. 1910. Вып. 28. Протоколы. С. 39–48.
- Яйленко 1980а — Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–99.
- Яйленко 1980б — Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.
- Яйленко 1982 — Яйленко В. П. Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М.: Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко 1990 — Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1990. 271 с.
- Яйленко 2010 — Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф, 2010. 739 с.
- Яйленко 2017 — Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.
- Яйленко 2018 — Яйленко В. П. Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея // Древности Боспора. 2018. Вып. 22. С. 243–274.
- Яйленко 2020 — Яйленко В. П. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани // Древности Боспора. 2020. Вып. 25. С. 441–510.
- Яйленко 2022 — Яйленко В. П. Ревизия изданных граффити Херсонеса // Херсонесский сборник. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2022. Вып. 23. С. 223–245.
- Jeffery 1969 — Jeffery L. H. The Local scripts of archaic Greece. Oxford: Clarendon Press, 1969. 416 p.
- Johnston 1979 — Johnston A. W. Trademarks on Greek Vases. Warminster: Aris & Phillips Ltd., 1979. 271 p.
- Lang 1956 — Lang M. Numerical Notations on Greek Vases // Hesperia. 1956. Vol. 25. P. 1–28.
- Lang 1976 — Lang M. Graffiti and Dipinti. Princeton: University press, 1976. 116 p. (The Athenian Agora. Vol. 21).
- Larfeld 1907 — Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik. Leipzig: O. R. Reisland, 1907. 628 S.
- Pape, Benseler 1884 — Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Reinach 1885 — Reinach S. Traité d' épigraphie grecque. Paris: E. Leroux, 1885. 560 p.
- Petrie 1886 — Petrie F. Naukratis. London: Trübner, 1886. Pt. 1. 92 p.
- Thumb, Scherer 1959 — Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg: Universitätsverlag, 1959. Bd. 2. 436 S.

GRAFFITI OF EARLY BEREZAN WITH SUMS OF MONEY AND THE RATIO OF COINS-ARROWS

V. P. YAILENKO

Keywords: *Berezan, graffiti of the VI–V cen. BC, sums of money, arrowheads as quasi-money, arrow-chalkos ratio 1:2*

The archive of the Odessa Archaeological Museum preserves field notebooks and inventory lists from the excavations by E. R. Shtern, E. G. Kagarov and other archaeologists who worked on Berezan island in 1901–1931. These documents contain information about 141 graffiti, 23 of which were published. These materials are all the more important that nearly all inscriptions mentioned in them have been lost. 46 graffiti, dated predominantly to the VI–V cen. BC mention sums of money. However, only few of them have been published up to now. The sums are mostly small. In four inscriptions of the VI–V cc. BC the sums include depictions of arrows. Bronze arrowheads proliferate among the archaeological finds from the towns of the Northwestern Black Sea region, including Berezan and Olbia, because they were used as quasi-money. Basing himself on these graffiti, as well as some other inscriptions and data about the weight of arrowheads and Olbian dichalkos, the author establishes the value ratio of one arrowhead as equal to 2 chalkos.

ПОГРЕБЕНИЕ ВСАДНИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 3¹

Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО²

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовый могильник, погребение всадника, конская сбруя, оружие, керамика, украшения, хронология.

В погребении меотского всадника из могильника Старокорсунского городища № 3 был обнаружен разнообразный инвентарь. Лошадь, лежавшая на ступеньке справа от человека, сопровождалась набором бронзовых деталей узды: зооморфным налобником/наносником с крючком в виде головы птицы, зооморфной бляхой в виде головы верблюда-бактриана, бляхами с коническим и полусферическим щитком. В захоронении человека присутствовал комплект железного оружия (меч синдо-меотского типа, наконечники копий и стрел), фрагменты железного панциря, два лепных чернолощенных и два кружальных сероглиняных сосуда, а также украшения (бусы из стекла и гагата, бронзовые височные кольца).

Предметы инвентаря имеют как узкие, так и широкие датировки. Наиболее ранними являются конусовидные и зооморфная бляхи, которые датируются не позднее середины V в. до н. э. Полусферическая бляха относится ко второй половине этого столетия. Широкая хронология налобника/наносника определяется V в. до н. э. Типы вооружения в целом характерны для V–IV вв. до н. э. Чернолощенные корчага и миска типичны для раннемеотского периода, хотя продолжают бытовать какое-то время и в IV в. до н. э. Формы сероглиняных кружки и кувшина, появившиеся у меотов примерно во второй четверти — середине V в. до н. э., существуют как минимум до конца этого столетия и, возможно, несколько дольше. Принимая во внимание время начала производства меотами сероглиняной керамики и вероятного появления мечей с имитацией перекрестия, нижняя дата комплекса может быть ограничена серединой V в. до н. э., а верхняя — рубежом V–IV вв.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-46-55

Меотский могильник Старокорсунского городища № 3 был исследован экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством А. С. Кондрашёва в 1986–1990 гг. Могильник находился на юго-восточной окраине ст. Старокорсунской (по ул. Дубинской). На участке, раскопанном под карьер кирпичного завода, было изучено 515 погребений, хронология которых охватывает период с раннемеотского до римского времени. Настоящая работа посвящена всадническому погр. 326 (Кондрашёв 1989: 96–99, ил. 538–561)³.

Погребальное сооружение в отчете предположительно определено как подбой. Однако, скорее всего, оно представляло собой квадратную яму с широким уступом высотой 10–14 см

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. — III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

² Кубанский государственный университет; г. Краснодар, Россия.

³ Приносим благодарность А. С. Кондрашёву за возможность использовать неопубликованный материал.

© Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2024

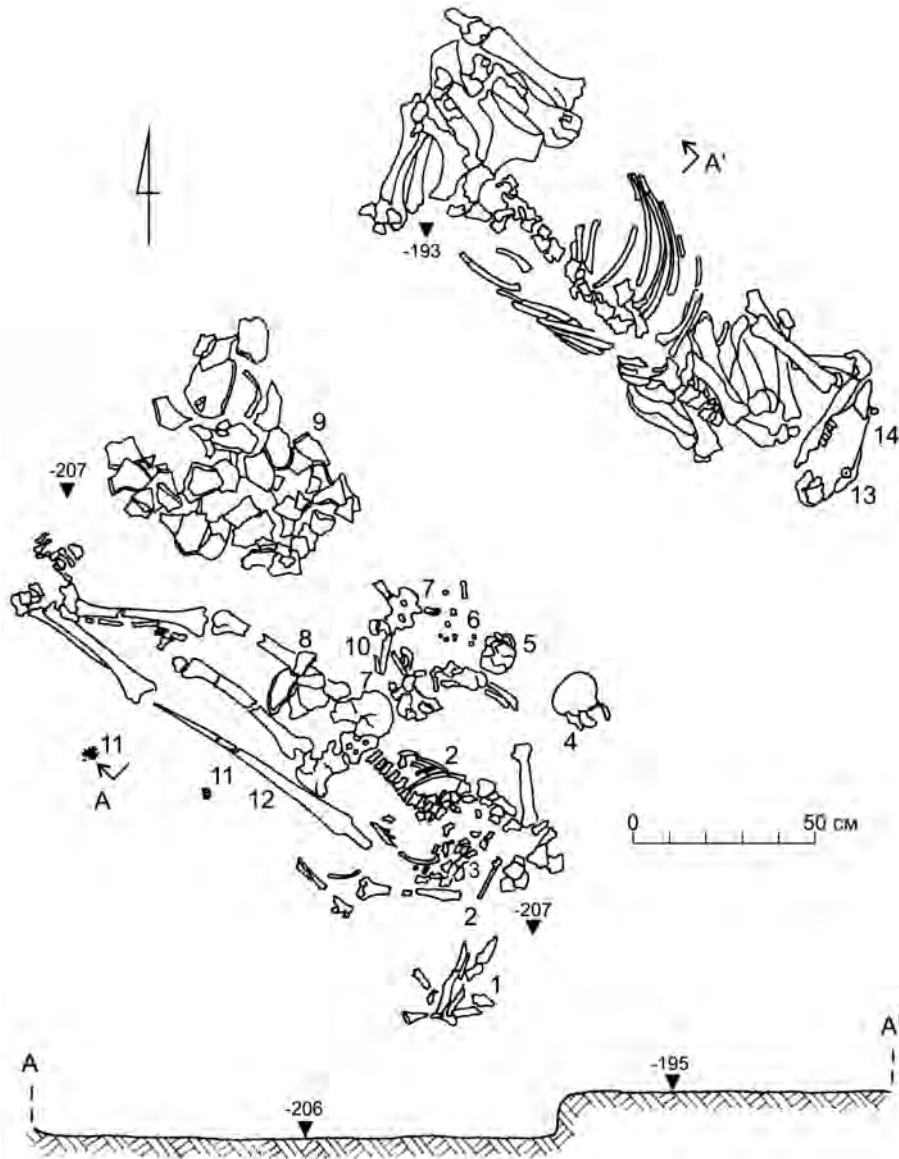

Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 3, погр. 326: план (1 — наконечники копий; 2 — подвески стеклянные; 3 — фрагменты панциря; 4 и 5 — кувшинчик и кружка сероглиняные; 6 — бусины глазчатые; 7 — подвески височные; 8 и 9 — миска и сосуд лепные; 10 — нож; 11 — наконечники стрел; 12 — меч; 13 — бляхи бронзовые; 14 — налобник бронзовый) и разрез
 Fig. 1. Plan of grave No. 326 from the burial ground of Starokorsunskoe settlement No. 3, plan (1 — spearheads; 2 — glass pendants; 3 — armour fragments; 4 — gray-clay jug; 5 — gray-clay mug; 6 — eye beads; 7 — ear rings; 8 — moulded bowl; 9 — moulded vessel; 10 — knife; 11 — arrowheads; 12 — sword; 13 — bronze plaques; 14 — bronze headpiece) and section

вдоль ССВ стороны. На эту площадку была уложена лошадь, а захоронение человека совершено в ЮЮЗ части ямы (рис. 1).

Полный скелет лошади лежал на брюхе, с подогнутыми передними и задними конечностями, черепом на ЮВ. Череп находился на правой стороне. На черепе обнаружены бронзовые детали конской сбруи: бляхи бронзовые умбовидные (№ 13⁴); бляха бронзовая зооморфная (№ 13); налобник бронзовый зооморфный (№ 14).

⁴ Здесь и далее — номер предмета на плане погребения.

Погребение человека (мужчина, *adultus*⁵) совершено на спине (по отчету — вытянуто), головой на ЮВ. От черепа зафиксированы лишь отдельные фрагменты. Руки согнуты в локтях под тупым углом и разведены в стороны. Ноги, судя по положению берцовых костей, были слегка приподняты в коленях, стопы сведены. В захоронении находился следующий инвентарь:

- слева у черепа — железные наконечники копий, 5 экз. (№ 1);
- в области шейных позвонков — бусы и подвески из стекла и гагата (№ 2);
- в верхней части грудной клетки — фрагменты железного панциря (№ 3);
- у правого локтя — сероглиняный кувшинчик (№ 4);
- у правого предплечья — сероглиняная кружка (№ 5), скопление стеклянных глазчатых бус (№ 6) и две бронзовые височные подвески (№ 7);
- на правой бедренной кости — фрагменты чернолощеной миски (№ 8);
- у правой голени — раздавленная лепная корчага (№ 9);
- справа от таза — несколько костей животного и железный нож (№ 10) с выгнутой спинкой и следами деревянной обкладки на рукояти;
- слева вдоль погребенного лежал рукоятью вверх железный меч (№ 12);
- слева от клинка меча — два небольших скопления железных наконечников стрел (№ 11).

В комплекте конской сбруи из этого погребения почему-то не было удила с псалиями, но присутствовали бронзовые украшения: литой налобник (наносник) с крючком, плоская бляха в форме головы верблюда и 5 экз. уздечных блях.

Налобник с крючком и веерообразным щитком в виде стилизованного тулова птицы с длинным перистым хвостом (длина 9 см). Крючок в виде головки хищной птицы с закрученным клювом, а на обратной стороне — петля для крепления на ремне (рис. 2, 13).

Близкой аналогией старокорсунскому налобнику, у которого петля и крючок расположены в разных плоскостях, является экземпляр из Хошеутово, правда, он отличается меньшими размерами (длина 6,5 см); щиток имитирует тело птицы с оперением крыльев, а крючок выполнен в виде стилизованной головы хищной птицы. М. А. Очир-Горяева датировала этот комплекс первой половиной V в. до н. э., допуская и более узкую дату в пределах второй четверти этого столетия (Očir-Gorjaeva 2005: 125, 130, 160, Nr. 33). А. Р. Канторович считает, что Хошеутовский налобник датируется не позже второй половины V в. до н. э. (Канторович 2022: 381). Датировка хошеутовского налобника является для нас примерным хронологическим репером, так как эта не прямая аналогия старокорсунскому экземпляру. Из меотских памятников можно привести лишь наносник длиной 7,8 см такой же конструкции с гладким щитком, но близкий по стилю изображению головы птицы, найденный в кург. 1 Тенгинского некрополя (скопление 1, погр. 3). Хронология Тенгинских святилищ по привозным изделиям ограничивается второй половиной IV — началом III в. до н. э. В самом же скоплении присутствовали фрагменты атических сосудов середины — второй половины IV в. до н. э. и мендейской амфоры (Эрлих 2011: 50, 60, рис. 23, 3). Со второй четверти этого столетия у меотов появляются плоские декоративные налобники совершенно другого типа, что наглядно демонстрирует материал из Прикубанского могильника, где погребения с налобниками и другими предметами узды, выполненными в меото-скифском зверином стиле, надежно датируются по амфорам различных центров производства (Лимберис, Марченко 2018: 100–102, рис. 1–9).

Уздечные бляхи представлены разными типами: две небольшие с гладким конусовидным щитком, диаметром 2,3 см (рис. 2, 11), одна крупная конусовидная с маленьким умбоном, диаметром 3,5 см (рис. 2, 10) и две маленькие полусферические, диаметром 1,7 см (рис. 2, 12). Маленькие конусовидные и полусферические бляхи имели выступающие петли, у более крупной петля спрятана внутри щитка.

⁵ Определение антрополога Г. П. Романовой.

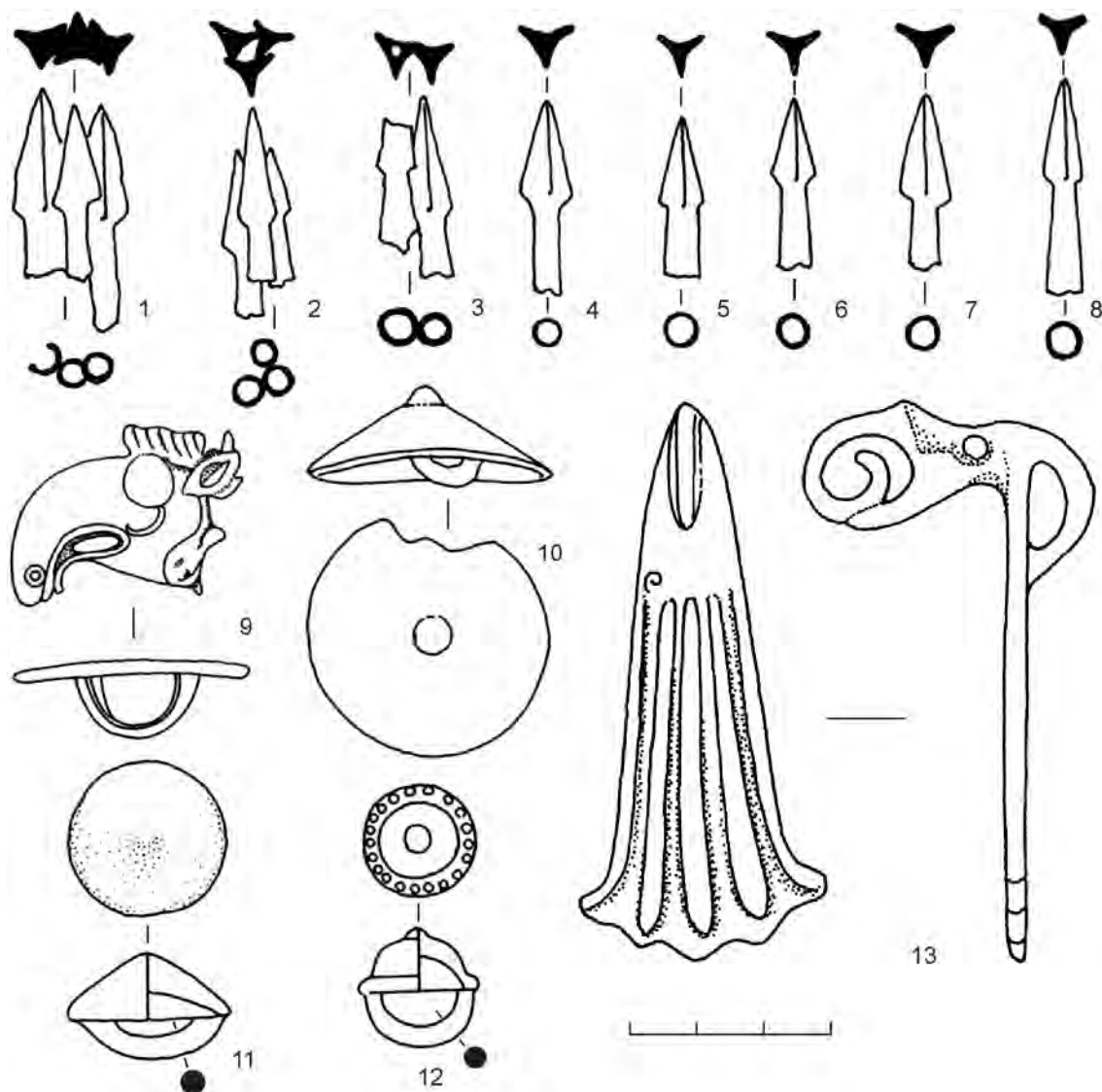

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 3, погр. 326, инвентарь: 1–8 — наконечники стрел; 9–12 — бляхи от конской сбруи; 13 — налобник/наносник. 1–8 — железо; 9–13 — бронза

Fig. 2. Burial ground of Starokorsunskoe settlement No. 3, inventory of grave 326: 1–8 — arrowheads; 9–12 — horse harness plaques; 13 — headpiece/nasal. 1–8 — iron; 9–13 — bronze

Бляхи с конусовидным щитком среди предметов конской сбруи встречаются очень редко. Две бляхи этой формы (большая и маленькая), но без выступа наверху, были найдены в могильнике Уллу в Кабардино-Балкарии. По закавказским импортам, изделиям звериного стиля и набору бронзовых наконечников стрел хронология этого памятника определена в пределах первой половины (не позднее середины) V в. до н. э. Исследователи пишут, что бляхи с коническим щитком не имеют аналогий в скифских и савроматских памятниках, а ближайшие им параллели находятся среди северокавказских материалов предскифского времени — в гробнице 1 кобанского могильника Терезе, и считают, что «это местный вклад в комплекты узды» (Белинский и др. 2021: 101, 106, рис. 2, 8, 13; Козенкова 2004: 107, табл. 22, 7–9). Нечто подобное мы находим и в скифское время: к примеру, бляха с коническим выступом в центре щитка из кург. 1 у с. Волковцы. Эта и другие (более мелкие) подобные бляхи с выступом датируются второй половиной V — IV в. до н. э. (Могилов 2008: 42, рис. 90, 1).

Бляхам с высоким полусферическим щитком, маленьким выступом-умбоном, выпуклыми «жемчужинами» по краю и массивной дуговидной петлей прямых аналогий пока не нашлось. Однако бляхи подобной конструкции (типа II с «полушаровидным» щитком, по Е. И. Савченко) из бронзы, железа и серебра являются довольно распространенным типом уздечных украшений в скифскую эпоху. В основном это многочисленные гладкие бляшки первого варианта; намного реже встречаются бляшки второго варианта с реберчатым щитком, характерные для комплексов Среднего Поднепровья и Среднего Дона середины — конца V в. до н. э. (Савченко 2009: 279, рис. 15, 24–29).

В этом же наборе присутствует плоская зооморфная бляха с массивной петлей, размер щитка — 3,1 × 2,3 см (рис. 2, 9). Бляхи этого типа ранее многие авторы трактовали как изображение головы грифона или лося (Ильинская 1957: 238; Галанина 1977: 53; Мошинский, Переводчикова 2004: 10). На старокорсунском экземпляре прослеживается хорошо выраженная сегментовидная верхняя челюсть и хохолок на голове. Изображение дополнено большим круглым глазом, овальным ухом с углублением и маленькой круглой ноздрей. Рот обозначен узкой овальной впадиной. А. Р. Канторович в своем фундаментальном исследовании близкие изображения на бляхах связал с образом верблюда-бактриана, выделив характерные для них черты. Такие бляхи автор объединил в тип 1 «Уллу-Аксютинцы» — всего 6 экз. из северопричерноморской и северокавказской зон — и, опираясь на датировки комплексов, время их распространения ограничил рубежом VI–V — серединой V в. до н. э. (Канторович 2014: 105–110; 2022: 107–109, 327–328, рис. 1, 1–5).

Боекомплект всадника соответствовал меотским стандартам вооружения. У *меча* (рис. 3, 10) в древности была утрачена верхняя часть рукояти с навершием (сохранившаяся длина меча 47,5 см). Ее отсутствие указывает на то, что это было сделано преднамеренно, то есть налицо ритуал умерщвления оружия. Меч, несомненно, относится к синдо-меотскому типу, так как не имеет металлического перекрестия. Клинок длинный, узкий, равномерно сужающийся к острию. У основания рукояти на клинке имеются выраженные боковые выступы, возможно, рудимент перекрестия или же предназначенные для крепления деревянного перекрестия. Аналогичные мечи с расширением, имитирующим перекрестие, представлены в небольшом количестве в меотских комплексах IV в. до н. э. правобережья Кубани из могильников Прикубанский и городища Спорное (Лимберис, Марченко 2011: 354–356, рис. 1, 5). Три таких меча происходят из Елизаветинских курганов IV в. до н. э.⁶ Встречены они и в Уляпском некрополе, в погребениях второй хронологической группы конца V — третьей четверти IV в. до н. э., и в святилище кург. 5, которое датировано IV в. до н. э. (Лесков и др. 2005: рис. 10, 1; 62, 1; 2013: 78, рис. 32, 3–6). Ранние экземпляры мечей с имитацией перекрестия из Закубанья относят ко второй половине V в. до н. э. (Эрлих 1991: 80, рис. 2, 4; 3, 4; 4, 1; 5, 2). Для правобережных меотских памятников мы до сих пор такими данными не располагали.

Из пяти железных *наконечников копий* сохранились три экземпляра (рис. 3, 7–9), которые мы можем привязать к нашей классификации меотских наконечников копий. Уцелел один наконечник с узким листовидным пером (отдел II) и сглаженным переходом к втулке (тип 1) и два наконечника с удлиненным треугольным пером (отдел III), основание которого срезано под прямым углом к втулке (тип 1) или скошено вверх (тип 2). Сечение пера у всех наконечников уплощенно-линзовидное (подтип 1). Аналогичные листовидные и треугольные наконечники копий по нашим данным особенно характерны для V–IV вв. до н. э. (Лимберис, Марченко 2006: 154–156, 167, рис. 1; 2).

Наконечники стрел представлены в погребении единственным типом — трехлопастными втульчатыми с удлиненной треугольной головкой, длиной от 2,5 см до 3,5 см

⁶ Два меча были найдены в Южном кургане 1913 г. (инв. № Ку 1913 4/41, 4/45), один — в кург. 1/1917 г. (инв. № Ку 1917 1/306). Благодарим хранителя старшего научного сотрудника отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа Т. В. Рябкову за предоставленную нам возможность работать с материалами Елизаветинской коллекции.

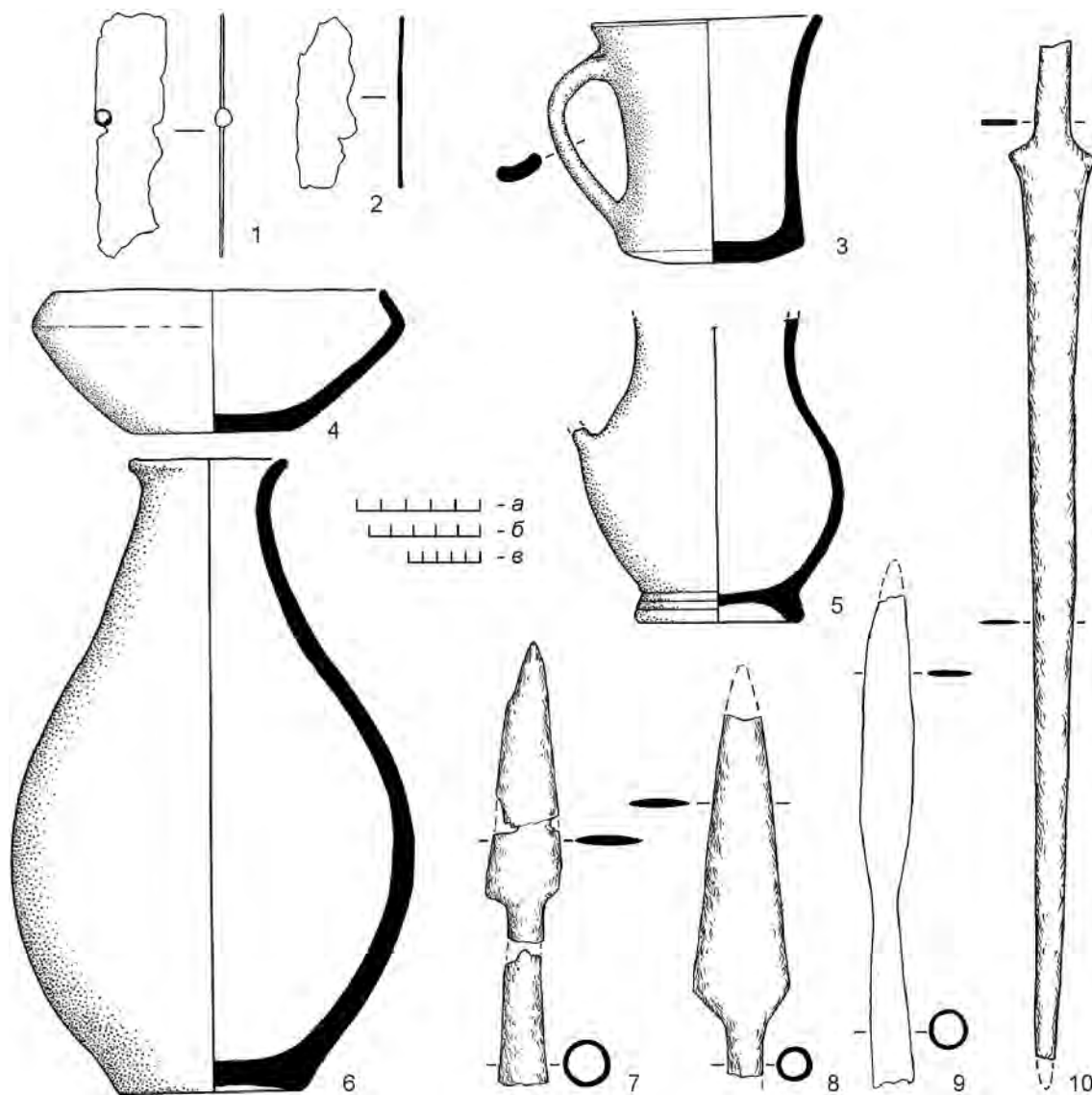

Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 3, погр. 326, инвентарь: 1, 2 — пластины панциря; 3 — кружка сероглиняная; 4 — миска лепная; 5 — кувшин сероглиняный; 6 — корчага лепная; 7–9 — наконечники копий; 10 — меч. 1, 2, 7–10 — железо; 3–6 — керамика.

Масштаб: а — 1, 2; б — 3–5, 7–10; в — 6

Fig. 3. Burial ground of Starokorsunskoe settlement No. 3, inventory of grave 326: 1, 2 — armor plates; 3 — grey clay mug; 4 — molded bowl; 5 — grey clay jug; 6 — molded pot; 7–9 — spearheads; 10 — sword. 1, 2, 7–10 — iron; 3–6 — ceramics. Scale: a — 1, 2; б — 3–5, 7–10; в — 6

(рис. 2, 1–8). Этот тип наконечников, по общему мнению исследователей, появился в Прикубанье в конце VII — первой половине VI в. до н. э. и широко распространился в V–IV вв. до н. э. (Эрлих 2007: 348, 349; Лимберис, Марченко 2012: 56, 57). Лопасты косо срезаны вверх, втулки цилиндрические или немного расширяющиеся к основанию. Длина головки составляет около половины общего размера наконечника. Пропорции наконечников характерны для V–IV вв. до н. э. Судя по расположению наконечников *in situ* (двумя небольшими кучками напротив острия и нижней трети клинка меча), стрелы могли быть помещены в погребение без колчана.

В области груди погребенного было собрано более 20 фрагментов железных *панцирных пластин*, края которых в основном обломаны (размеры фрагментов — от 1,6 × 2,3

до 10,4 × 2,9 см, толщина — 0,10–0,15 см). Судя по отдельным фрагментам, пластины были удлинёнными прямоугольными (рис. 3, 1). На ровном краю одной крупной пластины имеется округлая выпуклость диаметром 0,7 см. Возможно, здесь было отверстие, через которое пропусклась железная проволока, скреплявшая пластины, или же в этом месте находилась железная заклепка. Способ скрепления железных пластин панциря бронзовой заклепкой прослежен на фрагментах панциря из Елизаветинского кургана 1/1917 г.⁷

Набор керамики, использованной в погребальном обряде, состоял из двух лепных чернолощенных и двух кружальных сероглиняных сосудов.

Миска лепная (рис. 3, 4) чернолощенная с загнутым бортиком (высота 7,2 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр дна 7,3 см) относится к самой распространенной у меотов в VI–V вв. до н. э. форме (подтип ПП-А по нашей классификации), которая продолжала существовать и в IV в. до н. э., что доказывают материалы из разных памятников (Лимберис, Марченко 2012: 41).

Корчага лепная (рис. 3, 6), также лощеная, с вытянутым овальным туловом и высоким сужающимся кверху горлом с отогнутым краем (высота 45,0 см, диаметр венчика 12,0 см, диаметр дна 13,5 см) представляет собой форму (подтип ПП-Д), наиболее распространенную в V в. до н. э. Вообще корчаги как вид тарного сосуда нередко применялись в погребальном обряде меотов и позднее (Лимберис, Марченко 2012: 23, 26, 27).

Кружка сероглиняная (рис. 3, 3), плавно расширяющаяся к устью, на маленьком плоском дне (высота 11 см, диаметр устья 10,3 см) относится к типу, чрезвычайно редко встречающемуся в меотских памятниках. Хронология кружек этой формы в меотских погребениях (примерно со второй половины V в. до н. э. до рубежа V–IV вв. до н. э.) определяется совместными находками греческих импортов, к сожалению, пока единичными (Лимберис, Марченко 2001: 75; 2012: 45, 46⁸). Однако нельзя исключать, что такие кружки бытовали несколько дольше. Во второй хронологической группе Уляпского м-ка (конец V — третья четверть IV в. до н. э.) встречаются подобные кружки, но уже на кольцевом поддоне (Лесков и др. 2005: 75, рис. 6, 6; 23, 9).

Кувшинчик сероглиняный (рис. 3, 5) с округлым туловом и невысоким горлом (венчик и ручка утрачены), на кольцевом поддоне (высота 16,4 см, диаметр горла 8,8 см, диаметр дна 7,8 см) является «сквозным» типом, появившимся у меотов примерно в середине V в. до н. э. и развивавшимся непрерывно в IV–II вв. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012: 47).

Украшения в погребении представлены *бусинами* и *бронзовыми височными кольцами*. Две стеклянные подвески и гагатова бусина находились в области шейных позвонков погребенного. Остальные бусины и височные кольца лежали отдельным скоплением у правого предплечья и, по-видимому, являются приношением умершему от близкого человека.

В состав ожерелья входили бусины и подвески разных типов, имеющие широкий хронологический диапазон бытования по своду Е. М. Алексеевой.

Округлые бусины из темно-синего стекла (рис. 4, 3) с девятью глазками с синим диском, окруженным белым кольцом (18 экз.), типа 78а относятся к V–III вв. до н. э., но встречаются и в более поздних комплексах (Алексеева 1975: 68).

Бусины из глухого желтого стекла (рис. 4, 3) с бело-коричнево-синими кольчатými глазками (2 экз.) типа 49г не имеют датировки. Однако все остальные варианты этого типа бус датируются второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Алексеева 1975: 64, табл. 16, 54).

Пирамидальные подвески (рис. 4, 2) из синего (2 экз.) и зеленого (1 экз.) прозрачного стекла (типы 112, 113) в основном датируются IV–III вв. до н. э. (Алексеева 1978: 69). По нашим данным подвески этой формы из синего стекла встречаются уже в раннемеотских погребениях (Лимберис, Марченко 2001: 72).

⁷ Гос. Эрмитаж, инв. № КУ 1917-1/300.

⁸ В этой работе на с. 46 ошибочно указан номер погребения (№ 54 вместо № 354), в котором кружка этого типа была встречена с амфорой.

Бусины биконические (рис. 4, 3) из прозрачного фиолетового стекла (2 экз.), тип 98. Несколько наиболее ранних экземпляров происходят из комплексов III–I вв. до н. э. (Алексеева 1978: 69).

Бусина гагатовая округлая (рис. 4, 3) относится к типу 2. Этот тип делится на несколько вариантов по способу сверления отверстия, который нам неизвестен. Самый ранний вариант «а» датирован II в. до н. э. (Там же: 10, 11).

Необходимо отметить, что после выхода в свет сводов Е. А. Алексеевой накоплен огромный материал, который позволяет уточнить хронологические рамки бытования отдельных типов бус, что и демонстрирует набор из данного погребения.

Кольца височные (2 экз.) проволочные, овальные в плане, в неполные два оборота, с фигурными окончаниями (рис. 4, 1). Подвески этого типа, концы которых оформлялись по-разному («шишечками», пирамидками, валиками, резьбой), были широко распространены в Северном Причерноморье, в том числе у населения архаической Синдики, во второй половине VI — IV в. до н. э. (Новичихин 2010: 233, 234). У прикубанских меотов они получили популярность в IV в. до н. э., а для более раннего времени нехарактерны.

Наиболее ранними вещами в инвентарном комплексе погребения являются бронзовые конусовидные и зооморфная бляхи из набора конской сбруи, которые не могут датироваться позднее середины V в. до н. э. Полусферическая бляха, вероятно, относится ко второй половине этого столетия. Широкая хронология налобника/наносника определяется, главным образом, V в. до н. э. Типы вооружения в целом характерны для V–IV вв. до н. э. Между тем нельзя не учесть возможное появление синдо-меотских мечей с имитацией перекрестия во второй половине V в. до н. э. Формы чернолощенных сосудов (корчаги и миски) из погребения типичны для раннемеотского периода, хотя продолжают бытовать какое-то время и в IV в. до н. э. Производство кружальной сероглиняной керамики на меотских городищах правобережья Кубани начинается примерно со второй четверти — середины V в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012: 45–47, 168). Типы кружки и кувшинчика, появившиеся в это время, существуют до конца столетия и, возможно, даже дольше.

Таким образом, ни одна категория инвентаря не может однозначно указать на датировку погребения. Принимая во внимание время появления у меотов сероглиняной керамики и вероятного появления мечей с имитацией перекрестия, нижняя дата комплекса вряд ли может быть ранее середины V в. до н. э., а верхняя может немного выходить за рубеж V–IV вв.

Литература и источники

- Алексеева 1975 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 93 с. (САИ. Вып. Г1-12).
- Алексеева 1978 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 104 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Рис. 4. Могильник Старокорсунского городища № 3, погр. 326, инвентарь: 1 — височное кольцо; 2 — подвески; 3 — бусы. 1 — бронза; 2 — стекло; 3 — стекло, гагат

Fig. 4. Burial ground of Starokorsunskoe settlement No. 3, inventory of grave 326: 1 — ear ring; 2 — pendants; 3 — beads. 1 — bronze; 2 — glass; 3 — glass, gashir

- Белинский и др. 2021 — *Белинский А. Б., Канторович В. Е., Маслов В. Е., Райнхольд С.* Раскопки горного могильника Уллу // Малышев А. А., Скаков А. Ю. (ред.). Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Сб. ст. памяти д-ра ист. наук В. И. Козенковой. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 96–116.
- Галанина 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977. 68 с. (САИ. Вып. Д1-33).
- Ильинская 1957 — *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Вып. 27. С. 232–249.
- Канторович 2014 — *Канторович А. Р.* Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле // АВ. 2014. Вып. 20. С. 105–112.
- Канторович 2022 — *Канторович А. Р.* Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 2022. 431 с.
- Козенкова 2004 — *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII — VIII в. до н. э. М.: Гриф и К, 2004. 320 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 5).
- Кондрашѐв 1989 — *Кондрашѐв А. С.* Отчет о проведении раскопок грунтового могильника в ст. Старокорсунской (Советский район г. Краснодара) в 1989 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 13691г.
- Лимберис, Марченко 2001 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 32–123.
- Лимберис, Марченко 2006 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // МИАК. 2006. Вып. 6. С. 152–181.
- Лимберис, Марченко 2011 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Мечи из меотского могильника городища Спорное // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород — Старая Русса). Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 354–356.
- Лимберис, Марченко 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.
- Лимберис, Марченко 2018 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского ГУ. 2018. Т. 23, № 3. С. 99–113.
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лесков и др. 2013 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святылища и ритуальные комплексы. М.: Гос. музей Востока, 2013. 184 с.
- Могилев 2008 — *Могилев О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології Національної академії наук України, 2008. 439 с.
- Мошинский, Переводчикова 2004 — *Мошинский А. П., Переводчикова Е. В.* Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. 2004. Вып. 7. С. 5–26.
- Новичихин 2010 — *Новичихин А. М.* Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Малышев А. А. (отв. ред.). Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. М.: Гриф и К., 2010. Гл. 3. С. 191–238 (Некрополи Черноморья. Т. 3).
- Савченко 2009 — *Савченко Е. И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Гуляев В. И. (отв. ред.). Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–325 (Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.).
- Эрлих 1991 — *Эрлих В. Р.* Меотские мечи из Закубанья // Абрамов А. П., Гавритухин И. О. и др. (отв. ред.). Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Гос. музей Востока, 1991. С. 77–99.

- Эрлих 2007 — Эрлих В. Р. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Козенкова В. И., Малашев В. Ю. (отв. ред.). Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М. П. Абрамовой. М.: ИА РАН; ТАУС, 2007. С. 344–352.
- Эрлих 2011 — Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II–IV в. до н. э. М.: Наука, 2011. 212 с.
- Očir-Gorjaeva 2005 — Očir-Gorjaeva M. A. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Mainz: Filipp von Zabern, 2005. 184 S. (Archaologie in Eurasien. Bd. 19).

HORSEMAN'S GRAVE FROM A BURIAL GROUND STAROKORSUNSKOE SETTLEMENT NO. 3

N. YU. LIMBERIS, I. I. MARCHENKO

Keywords: *Kuban region, Maeotian culture, burial ground, horseman's grave, horse harness, weapons, pottery, jewelry, chronology*

The burial of a Maeotian horseman contained rich and diverse inventory. The horse, lying on the ledge to the right of the man, was accompanied by a set of bronze bridle details: a zoomorphic headpiece/nasal with a hook in the form of a bird's head, a zoomorphic plaque in the form of a camel (Bactrian) head, plaques with conical and hemispherical shields. The human burial contained a set of iron weapons (a sword of the Sindo-Maeotian type, spear and arrowheads), fragments of iron armor, two molded black-gloss and two grey-clay vessels, as well as jewelry (glass and gagate beads, bronze ear rings). The items in the inventory have both narrow and broad dates. The earliest are the headpiece/nasal, cone-shaped and zoomorphic plaques, which are dated no later than the middle of the 5th cen. BC. The hemispherical plaque dates to the second half of this century. The types of weapons, in general, are characteristic of the 5th–4th cen. BC. Black-gloss pot and bowls are typical of the Early Maeotian period, although they continued to exist for some time in the 4th cen. BC. The forms of grey-clay mug and jug, which appeared among the Maeotians around the second quarter to the middle of the 5th cen. BC, exist at least until the end of this century and longer. Taking into account the time of the beginning of the Maeotian production of grey-clay pottery and the probable appearance of swords with imitation crosshairs, the lower date of the complex can be limited to the middle of the 5th cen. BC, and the upper one to the turn of the 5th–4th cen. BC.

**«КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ Я ПОСТАВИЛ ПАМЯТНИКОМ,
БУДЕТ ДОМОМ БОЖИИМ»:
О МЕТОДИКЕ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
«РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ЦЕРКВИ СИРИИ»¹**

**Е. К. БЛОХИН, А. Ю. ВИНОГРАДОВ, Д. Д. ЁЛШИН,
Э. Э. КАЗАКОВ, Н. Ф. СОЛОВЬЕВА²**

Ключевые слова: *Сирия, архитектурная археология, ранневизантийский период, византийская архитектура, цифровая археология, фотограмметрия, базы данных.*

В 2021–2023 гг. коллектив ученых, объединенных Центром спасательной археологии ИИМК РАН, провел масштабные работы по трехмерному документированию и научной фиксации ряда ранневизантийских церквей Ближнего Востока. В ходе реализации проекта были обследованы 19 объектов на территории девяти исторических центров, расположенных на территории Сирийской Арабской Республики. На основании этих данных были созданы трехмерные модели, проведены историографические исследования, выполнены обмерные чертежи, фотофиксация и современные аналитические описания обследованных памятников. Собранные данные публикуются в открытой информационной среде — доступной онлайн геоинформационной системе и базе данных. В настоящей статье представлена применявшаяся авторами методика съемки, обработки и публикации цифровых данных. База данных и трехмерные модели доступны по адресу: <https://rac.archeo.ru/projects/early-byzantine/>.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-56-71

Введение

За последние десять лет развития методики документирования археологическая наука столкнулась с взрывным ростом собираемых данных. Их объем в результате постоянного улучшения качества полевой фиксации достигает небывалого ранее уровня и на первый план выходит такой методический вопрос, как организация инфраструктуры хранения и обмена данными. Одним из направлений решения этой проблемы является разработка подходов к онлайн-публикации собираемых данных и организации открытых (либо ведомственных) цифровых архивов (баз данных), доступных неограниченному кругу пользователей либо отдельным их категориям.

Особенно важной возможностью такой публикации представляется для объектов культурного наследия, находящихся под угрозой гибели вследствие стихийных бедствий, хозяйственного освоения или военных действий. В таких случаях открытая публикация позволяет провести широкий мониторинг и оценку состояния памятника, изучить динамику его состояния и привлечь внимание к его судьбе, а в идеале — выработать меры по его сохранению.

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-41014.

² Е. К. Блохин, Н. Ф. Соловьева — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; А. Ю. Виноградов — Высшая школа экономики, Москва; Д. Д. Ёлшин — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; Э. Э. Казаков — независимый исследователь. Россия.

© Блохин Е. К., Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д., Казаков Э. Э., Соловьева Н. Ф., 2024

В 2021–2023 гг. междисциплинарная команда исследователей, созданная на базе Центра спасательной археологии ИИМК РАН, при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Императорского палестинского православного общества провела работы по трехмерной съемке ряда ранневизантийских церквей на территории Сирийской Арабской Республики (рис. 1). Угрозы существованию древней архитектуры этой страны до сих пор актуальны, а доступность памятников для исследователей все еще чрезвычайно ограничена. Поэтому представляется важным обсудить методики и подходы к съемке и публикации памятников архитектурной археологии, разработанные в ходе реализации этого проекта.

Существующие практики разработки онтологий и инфраструктур хранения и обмена данными ставят перед исследователями ряд разнообразных проблем как общетеоретического, так и практического характера. Их решение стало важным условием реализации данного грантового проекта.

Прежде всего, это соблюдение *научной строгости* при документировании и публикации (Statham 2019). Современному пользователю доступна масса различных инструментов трехмерной съемки и средств публикации. Их сложность и необходимый порог входа колеблются от самых простых, таких как встроенный трехмерный лазерный сканер в последних моделях Apple iPhone (Terrati Losè et al. 2022) или сервис Sketchfab (Lloyd 2016) с разработанным интуитивно понятным пользовательским интерфейсом, до требующих специальной инженерной или IT подготовки профессиональных лазерных сканеров, фотограмметрических алгоритмов вроде Colmap (Schönberger 2018) или средств публикации, предполагающих наличие у пользователя навыков разработки или настройки web-сервера (Schütz 2016). Выбор конкретного технического решения должен определяться не столько его доступностью для археолога, сколько целями и задачами конкретного проекта и стратегическим планированием последующей судьбы создаваемого цифрового архива. Бесспорно, потребности документирования археологического ландшафта кардинально отличаются от потребностей сканирования орнаментов архитектурных элементов. Чуть менее очевидно, что различные геометрические свойства снимаемых объектов требуют различных подходов (см., напр., Maalek R., Maalek Sh. 2022). Но во всех этих случаях мы обратимся к совершенно разным инструментам как при съемке, так и при публикации онлайн.

В тесной связи с требованием научной строгости стоит требование *соответствия международной документации*, регулирующей правила работы с объектами культурного наследия. Основные рекомендации ЮНЕСКО и ИКОМОС базируются на довольно общих рамочных документах: Венецианской хартии 1964 г. и Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. Однако за последние годы появились два специальных документа, посвященных использованию цифровых методов при документировании наследия, — Лондонская хартия

Рис. 1. Карта Сирии с указанием обследованных памятников

Fig. 1. Map of Syria showing the location of the studied sites

(The London Charter 2009) и основанные на ней Севильские принципы (The Seville Principles 2017). Общий обзор существующих международных требований с 1931 по 2017 г. опубликован (Statham, 2019), здесь же отметим важнейшие специфические принципы, существенные для виртуальных архивов, такие как прозрачность, детальность документации и разнообразие используемых медиа, выбор технологий в соответствии с целями работы, важность указания степеней достоверности и использования альтернативных гипотез. В целом, эти принципы нацелены на более высокую достоверность и научность хранимых данных, а также на заботу о пользователях (в том числе непрофессиональных) с целью снизить вероятность неверной интерпретации данных в условиях потенциально высочайшего реализма цифровых объектов. А это значит, что выбранные исследователями инструменты должны открывать возможность соответствия указанным принципам и позволять воплотить их в непосредственном виртуальном продукте.

Один из важнейших принципов, закрепленных в международном праве относительно цифровой документации объектов культурного наследия, — *контекстуализация* фиксируемых памятников. Принцип этот не менее значим и для научной жизни памятника. Для верной интерпретации объекта необходим и пространственный, и исторический контекст. Если пространственное окружение достаточно просто воплощается геоинформационными методами (возможностью показать размещение объекта в реальных географических координатах и его естественном окружении, например, при помощи спутниковой съемки), то исторический контекст требует построения более сложной информационной инфраструктуры путем интеграции в трехмерную модель исторических документов, фотосъемки, археологических данных, результатов исследовательского труда ученых.

Вся эта работа по выстраиванию контекста возможна при наличии инструментов *кураторского вмешательства* в трехмерный образ памятника. Добавление разнообразных медиа к обмерной трехмерной модели — программно сложный подход, который требует использования сложных пользовательских интерфейсов, либо имеющихся на рынке, либо разрабатываемых проектными командами с нуля. Однако без наличия такой возможности публикация обмерных данных в значительной мере теряет информативность и доступность для исследователя или рядового пользователя.

Кроме того, от пользовательского интерфейса требуется наличие непосредственно *исследовательских инструментов*. Ценность публикации, которой можно только любоваться, но нельзя использовать в качестве источника, видится нам предельно низкой. Следовательно, возможность проводить измерения (углов, высот, расстояний, площадей и объемов), делать разрезы и профили, выставлять конкретные виды, моделировать освещенность и позицию наблюдателя — это важнейшие требования к используемому инструменту публикации (а также, соответственно, сканированию и обработке данных).

Наконец, соответствие *принципам FAIR* (Wilkinson et al. 2016) — одно из ключевых требований ко всем современным научным данным — полностью применимо и к цифровым данным в археологии и охране культурного наследия. Возможность свободно находить, получать, совмещать и переиспользовать данные лежит в основе любого научного процесса. В нашем случае это означает, что применяемые инструменты съемки, обработки и публикации должны обеспечивать создание и скачивание данных в общедоступных форматах. Эти данные должны быть непосредственно понятны специалистам (то есть их можно получить и сразу начать с ними работать), они должны быть открыты (доступны для загрузки) и легко находимы, то есть инфраструктура хранения подразумевает быструю индексацию международными поисковыми системами и интуитивно понятный для человека путь доступа к ним. Сюда же относятся такие требования к доступности, как быстрая скорость загрузки (по возможности данные должны открываться максимально быстро и не предъявлять повышенные требования к аппаратным средствам пользователя) и понятность рабочего интерфейса. Со стороны разработки важно, чтобы используемые инструменты были в своей основе понятны всем членам проектной команды, не требовали

исключительно высоких профессиональных компетенций и позволяли управлять данными без привлечения отдельно нанятых узких специалистов.

Применение вышеперечисленных принципов при работе с сирийскими памятниками ранневизантийского времени видится авторам важнейшей задачей как методического, так и чисто практического характера.

Как показывают периодические наблюдения за церквями ранневизантийского периода на территории современной Сирии начиная со времени их первой научной фиксации в XVIII или XIX в., эти сооружения находятся в состоянии постоянного разрушения. Этот процесс стал значительно интенсивнее в последние десятилетия, когда порой буквально вокруг памятников велись военные действия, в большинстве случаев опасность разрушения не исчезает и после их окончания. Попытки экономического возрождения территорий часто приводят к появлению новых угроз для древних памятников, а на ряде объектов, до сих пор функционирующих как культовые здания, начали проводить неконтролируемые ремонтные работы, приводящие к утрате аутентичного облика храмов. Такая активность местных жителей была зафиксирована нами, например, на мартирии VI в. в Шакре, где местная община провела неконтролируемый ремонт крыши и купола здания, а также полностью заштукатурила интерьеры церкви.

При этом научное документирование этих памятников проводилось спорадически и почти никогда не было полноценным. Для большей их части до сих пор актуальными считаются данные обмеров конца XIX — начала XX в.

Публикация, особенно трехмерная онлайн, с соблюдением всех описанных выше принципов — это, во-первых, возможность ввести в научный оборот новый исторический источник, потребность в котором в кругу исследователей византийской архитектуры несомненно высока, во-вторых — шанс зафиксировать современное состояние памятников и отследить его динамику на протяжении последних столетий, а также ближайшего будущего.

Методы

Памятники, ставшие объектами наших работ, расположены на территории Сирийской Арабской Республики, в разных географических и культурно-исторических регионах: от Алеппо на севере до Южного Хуарана на юге и от плодородной долины Оронта на западе до центра Сирийской пустыни на востоке. Всего за три года работ было обследовано 19 церквей, возведенных в ранневизантийский период — V–VII вв. н. э. Краткую архитектурно-археологическую характеристику этих памятников мы уже публиковали ранее (Блохин и др. 2023), здесь же ограничимся обсуждением особенностей, влияющих на методику трехмерной съемки и публикации.

Большая часть памятников расположена на открытой местности и хорошо доступна для съемки фасадов и интерьера. Единственным печальным исключением является медресе Халавия, плотно интегрированное в городскую ткань средневекового города и сильно пострадавшее от военных действий.

Практически на всех памятниках было возможно провести неограниченные работы по аэрофотосъемке, однако порой исследователи оказывались стеснены обстоятельствами, косвенно влияющими на качество получаемых материалов. Так, базилика в Буркуше расположена на территории действующей воинской части, и разрешение на съемку было получено лишь после продолжительных переговоров и на очень ограниченное время. Работы по аэрофотосъемке четырех открытых раскопками церквей в Пальмире проводились при постоянном согласовании с графиком работы систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ) ввиду постоянной военной угрозы с воздуха. К сожалению, работа неидентифицированной РЭБ в окрестностях Апаimei на Оронте привела к потере БПЛА экспедиции и невозможности закончить обзорную съемку всей территории древнего города, хотя контекст расположения ранневизантийских церквей был качественно зафиксирован несмотря на эту утрату.

Многие из обследованных церквей в настоящее время существуют в виде так или иначе археологизированных остатков. Однако некоторые памятники продолжают использоваться или в перестроенном виде (например, медресе Халавия, функционировавшее до войны в качестве религиозной школы), или непосредственно в качестве христианских культовых объектов. В двух случаях это привело к ограничению съемки в интерьерах: в Эзре в церкви Св. Георгия не был зафиксирован интерьер в алтарной части постройки, а в церкви Св. Ильи пришлось ограничиться съемкой фасадов. Действующий мавританский мартирий в Шадре в момент съемки находился в состоянии ремонта, что, впрочем, не помешало нашим работам.

В качестве базового метода документирования памятников и их окружения нами был избран метод цифровой фотограмметрии (SfM, Structure from Motion), широко применяемый в археологии и области охраны культурного наследия в последние десятилетия. Столь сложные объекты требуют структурного подхода в организации съемки. В работе мы использовали три уровня фиксации: 1) общая съемка всей территории, непосредственно примыкающей к обследуемому объекту, — для визуализации и анализа географического и топографического контекста памятника; 2) непосредственно съемка архитектурного объекта — для фиксации особенностей кладок, перестроек и нарушений целостности объекта; 3) съемка архитектурных деталей — для подробного документирования элементов орнамента, структурных элементов и повреждений, возникших при разрушении (падении) деталей (рис. 2).

Перед началом съемки на каждом памятнике создавалась сеть реперов, полученных методами дифференциальных GNSS-наблюдений, от которых далее развивалась съемочная сеть с помощью тахеометра Leica TS07 5". Получаемые географические координаты переводились в метрическую систему — WGS 84 UTM 37N (в одном случае, на границе Сирии и Ливана, памятник — базилика в Буркуше — находился в зоне UTM 36N). Использование мировой системы координат, независимой от национальных геодезических стандартов, кажется нам очень важным при работе на памятниках, исследуемых международными командами ученых, и поможет сохранить преемственность между данными в будущем.

При общей съемке мы использовали БПЛА промышленного уровня, позволяющие охватить широкие площади без потери детализации: Геоскан Gemini с камерой Sony UMC-R10C и DJI Matrice 300 с камерами DJI Zenmuse H20T или DJI Zenmuse L1. Геодезическая привязка осуществлялась методами RTK, путем получения поправок от базовой станции, установленной на заранее подготовленной известной точке. Для контроля точности геопозиционирования и качества итоговых данных использовалась сеть расставленных на земле контрольных точек. На этом уровне съемка проводилась так, чтобы охватить максимально широкий контекст; целью съемки было получение общей опорной модели и ортофотоплана, которые можно было бы использовать для более полного понимания положения изучаемого памятника в пространстве. Для съемки первого уровня не использовались наземные фотоснимки, а реконструкция вертикальных элементов архитектуры выполнялась только на основании аэрофотоснимков, сделанных под углом в 45°. Получаемое таким образом качество модели было признано нами достаточным для обзорных данных.

В съемке второго уровня — то есть непосредственно архитектурного памятника — применялась комбинация аэрофотосъемки с БПЛА любительского уровня DJI Mavic 2 Pro (в некоторых случаях DJI Mavic 3) и наземной съемки полнокадровым фотоаппаратом Canon 5D Mark III с объективами EF 17-40, EF 16-35 и EF 24 L2. Геопривязка осуществлялась через координированные контрольные точки, расположенные по периметру снимаемых объектов и на их площади.

При съемке третьего уровня — архитектурных деталей, фиксируемых на памятниках в лапидариях либо *in situ* в составе кладок, — применялся тот же фотоаппарат Canon 5D Mark III с объективами EF 24 L2 или EF 50 1:1/4, либо в некоторых случаях (при недостаточной освещенности и невозможности использовать кольцевой импульсный осветитель) — сканирование структурированной подсветкой при помощи сканера

Рис. 2. Съёмка памятников Сирии сотрудниками ИИМК РАН: 1 — Ю. В. Румянцев проводит съёмку храма А в Дейр эс-Салиб; 2 — М. М. Городилов ведёт геодезические работы в Медресе Халавие, Алеппо; 3 — Ю. В. Румянцев проводит аэрофотосъёмку в цитадели Алеппо; 4 — Е. К. Блохин готовит квадрокоптер Matrice 300 к работе на церкви Св. Георгия в Эзре

Fig. 2. Surveying of Syrian sites by the IHMC RAS officers: 1 — Yu. V. Rumyantsev surveying a temple at Deir-es-Salib; 2 — M. M. Gorodilov carrying out geodetic works at Al-Halawiyah Madrasa, Aleppo; 3 — Yu. V. Rumyantsev aerosurveying the citadel of Aleppo; 4 — E. K. Blokhin sets up quadcopter Matrice 300 to start surveying St. George Church at Ezra

Artec Eva 3D. Масштабирование снимаемых деталей осуществлялось с помощью карманного масштаба с цветовой палитрой и архитектурной складной линейки.

Для построения трехмерных моделей использовались наиболее популярные на рынке и проверенные опытом многочисленных исследователей приложения: Agisoft Metashape группы компаний Геоскан, RealityCapture компании Capturing Reality и open source алгоритм COLMAP. Основные операции производились в Metashape — наиболее популярной в археологической среде программе для фотограмметрического построения трехмерных моделей. Простой интерфейс, понятный рабочий процесс и удобные инструменты геодезического позиционирования, а также возможности экспорта необходимых исследователям данных давно обеспечили ей лидерство в отрасли. При работе с архитектурными деталями предпочтение зачастую отдавалось Reality Capture, алгоритм которой более приспособлен для создания четких граней и лучше передает детали рельефного орнамента. В некоторых сложных случаях для более качественного выравнивания фотографий использовалась комбинация открытого программного обеспечения COLMAP и программных средств Agisoft Metashape.

Полученные таким образом модели становились комплексным археологическим и историческим источником. На основании построенных по этим моделям ортофотопланов изготавливались обмерные чертежи памятников, прорисовки орнаментов и архитектурных деталей, создавались и дополнялись архитектурно-исторические описания объектов. Весь этот комплекс данных необходимо было опубликовать и сделать доступным для исследователей. В качестве наиболее удобного средства публикации мы выбрали подход, связанный с разработкой информационной системы, уже примененной нами на сирийских памятниках ранее (Соловьева и др. 2019). Для хранения всех материалов выбрана комбинированная архитектура: все метаданные и тексты хранятся в реляционной системе управления базами данных (СУБД), а файлы трехмерных моделей, фотографии и чертежи — в файловой системе, с описанием и ссылками на файлы в реляционной СУБД. Табличная часть базы данных состоит из 26 связанных таблиц (рис. 3): девяти для описания сущностей и семнадцати служебных. Предварительно все документируемые объекты были распределены по трем иерархическим уровням, отраженным в первых четырех таблицах. На первом уровне представлен «Памятник» (таблица “Sites” в СУБД). Под памятником мы подразумеваем всю территорию, окружающую снимаемую церковь, включающую все материальные следы жизнедеятельности людей, связанных с этой церковью, и ее ближайшее архитектурное окружение. Обычно это довольно значительная территория (именно она снималась промышленными БПЛА), совпадающая с площадями съемки первого уровня, описанными выше. Второй уровень — непосредственно архитектурные объекты на территории памятника — отражен в таблицах “Churches” и “Buildings” и включает сами храмы и все связанные с ними постройки (мавзолеи, производственные комплексы на монастырских территориях, дворец и казармы в Каср ибн Вардане и т. п.). Этот объем данных совпадает с фотограмметрической съемкой второго уровня. Наконец, третий уровень — элементы зданий, архитектурные детали и орнаменты — совпадает с фотограмметрическими данными съемки третьего уровня и хранится в таблице “Details” (детали). Еще пять таблиц служат для структурирования сущностей, хранящихся в файловой системе: трехмерных моделей (“Threedims_models”); аннотаций ссылок к трехмерным моделям (“Threedims_models_annotations”); установленных ракурсов видов на трехмерные модели (“Threedims_models_cameras”); видовых фотографий памятников и их деталей, сделанных исследователями в разное время (“Photos”); выполненных нашей командой чертежей в форматах dwg и pdf (“Drawings”). Еще 17 таблиц СУБД являются служебными (связующими) и выполняют вспомогательные функции.

Пользовательская часть информационной системы представляет собой связный интерфейс, отображающий все описанные сущности (памятники, церкви, сооружения,

детали, трехмерные модели, фотографии, чертежи) и связи между ними. В качестве основы графического интерфейса используется геопространственное отображение данных на основе технологии Cesium JS. Все документированные памятники выводятся в виде полигонов и иконок на картографическую основу и снабжаются аннотациями, позволяющими перейти по гиперссылке к странице с описанием самого памятника. Для отображения трехмерных моделей в интернет-браузерах используются технологии Potree и 3DHOPE (рис. 4). Potree позволяет эффективно отображать облака из сотен миллионов точек и в проекте используется для трехмерных моделей крупных объектов — территорий памятников, церквей и сопутствующих сооружений (Schütz 2016). 3DHOPE используется для подробного отображения отдельных архитектурных деталей, элементов зданий, орнаментов в виде твердотельных моделей с возможностью управления светом (Potenziani et al. 2015).

Технологически информационная система построена как программный интерфейс (API), предоставляющий доступ к данным СУБД и связанным с ними файловым материалам посредством запросов по протоколу HTTP. С его помощью можно не только запрашивать графическую веб-страницу с построением трехмерных моделей по данным СУБД (основная функциональность пользовательской части), но и получать списки объектов со всеми метаданными в машиночитаемом формате, что открывает широкие возможности интеграции с внешними информационными системами. Так, при необходимости можно использовать трехмерные модели и их описания во внешних каталогах, а также отправлять ссылку на модель конкретного объекта.

В основе информационной системы лежат следующие технологии:

- 1) операционная система Ubuntu 18.04.5 LTS, веб-сервер nginx в качестве инфраструктурной основы;
- 2) система управления базами данных PostgreSQL 13.3 с расширением для работы с пространственными данными PostGIS 3.1.2 (в ней хранятся все параметры и метаданные объектов и ссылки на связанные с ними файлы на сервере);
- 3) серверное приложение на основе Python, Flask, SQLAlchemy, GeoAlchemy, с его помощью опубликован программный интерфейс, который принимает входящие запросы от внешних приложений, получает данные из СУБД и формирует ответ в машиночитаемом виде либо в виде отрисованной веб-страницы (например, с трехмерной моделью);
- 4) фреймворки Leaflet (для отрисовки двумерных карт на веб-страницах), Cesium (для отрисовки трехмерных карт на веб-страницах), Potree (для отрисовки облаков точек на веб-страницах), 3DHOPE (для отрисовки детализованных трехмерных моделей на веб-страницах).

Результаты

В ходе полевого и камерального этапов проекта наш коллектив провел работы на 19 архитектурных или архитектурно-археологических объектах, расположенных в девяти исторических центрах на территории современной Сирии. Для каждой церкви были созданы детальные геопривязанные трехмерные модели.

Медресе Халавия — комплекс разновременных построек в сердце старого Алеппо, включающий в себя перестроенные остатки церкви времени Юстиниана I (вероятно, церковь Св. Елены в составе разрушенного комплекса ранневизантийского собора Алеппо) — занимает в нашем списке памятников уникальное положение, поскольку находится в тесном окружении зданий и улиц средневекового города и плотно вплетен в его ткань. Постройки самого медресе и расположенные рядом здания сильно пострадали в ходе так называемой битвы за Алеппо в 2015–2016 гг. и до настоящего времени не восстановлены. Геодезические и фотоработы на многих участках невозможны из-за нагромождений мусора, висящих стен и балок (рис. 5). При этом непосредственно византийская постройка достаточно свободна от завалов, несмотря на значительное разрушение западной конхи.

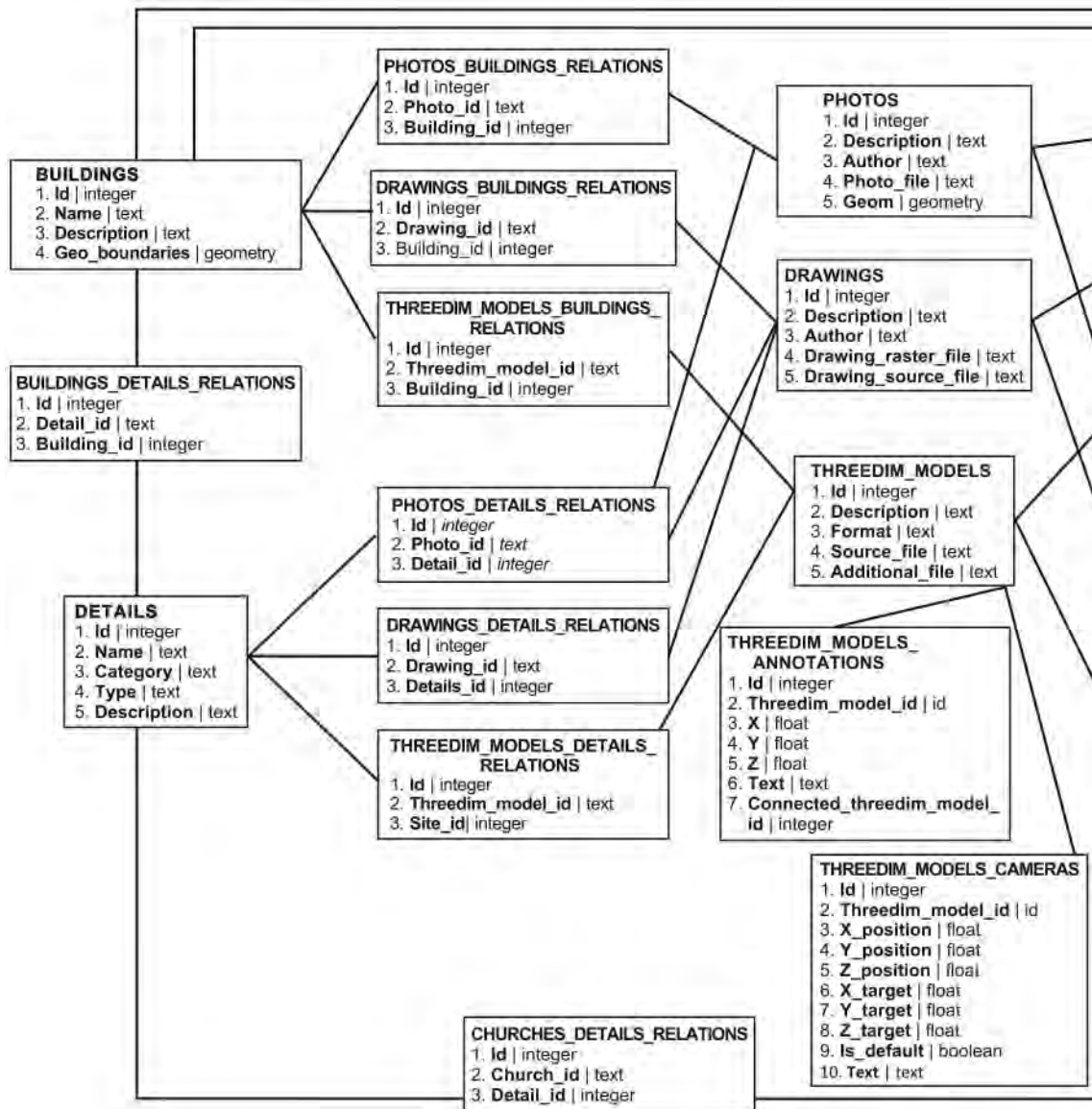
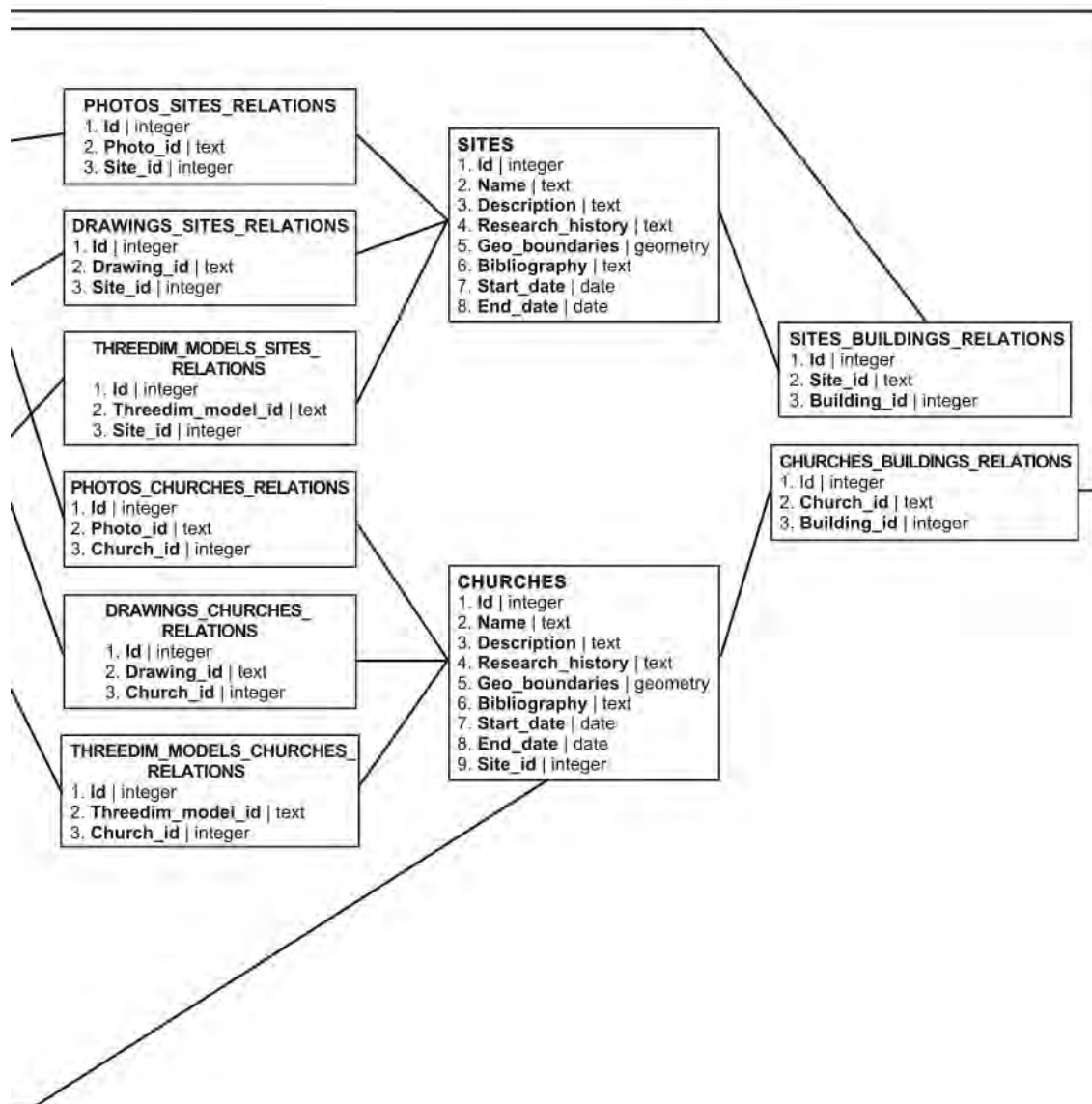

Рис. 3. Схема базы данных

Fig. 3. Database scheme

В этих условиях было важно вписать сохранившиеся части сооружения в контекст более поздних перестроек и показать его положение в структуре окружающей застройки. Детальная высокоточная трехмерная съемка здесь интегрирована в общую обзорную фиксацию участка городского квартала, которая выполнена широкоугольной камерой в съемочном комплексе DJI Zenmuse H20T, установленном на борту БПЛА DJI Matrice 300. Проводилась эта съемка по методикам, описанным выше, с комбинацией Mavic 2 Pro (съемка фасада) и полнокадровой камеры (съемка интерьера). Полученное в результате плотное облако достигает 543 млн точек. Непосредственно модель остатков храма состоит из 530 млн точек.

На территории *Апамеи на Оронте* (столицы региона Апамены при Селевкидах, а позднее византийской провинции Сирия Секунда, где находилась архиепископская кафедра — важный центр Церкви Востока) работы проведены на трех археологически исследованных церквях неизвестного посвящения, условно называемых в литературе Церковь с атриумом, Ротонда и Восточный собор. При этом БПЛА Геоскан Gemini была снята большая

часть территории древнего города. Церковь Ротонда представляет собой полностью археологизированный памятник, сохранившийся только в плане. Остатки стен (не более трех уровней кладки в высоту) сохранились лишь в отдельных местах. Вся необходимая для создания модели информация была получена при помощи Mavic 2 Pro и в отдельных местах дополнена наземной съемкой. Церковь с атриумом также сохранилась в археологизированном виде: высота кладок стен не превышает 1,0–1,2 м. Для точной передачи устройства кладок и отдельных деталей памятника применялась комбинированная воздушная и наземная съемка. Восточный собор, несмотря на то что исследован археологически, сохранился в отдельных элементах на высоту более 2,5 м. Четкому выявлению плана памятника в настоящий момент мешают проведенные в центральной части храма грабительские раскопки (вероятно, с помощью тяжелой техники), отвалы которых закрывают часть конструкций. Комбинированной наземной и воздушной съемкой здесь зафиксировано состояние памятника и устройство отдельных его элементов.

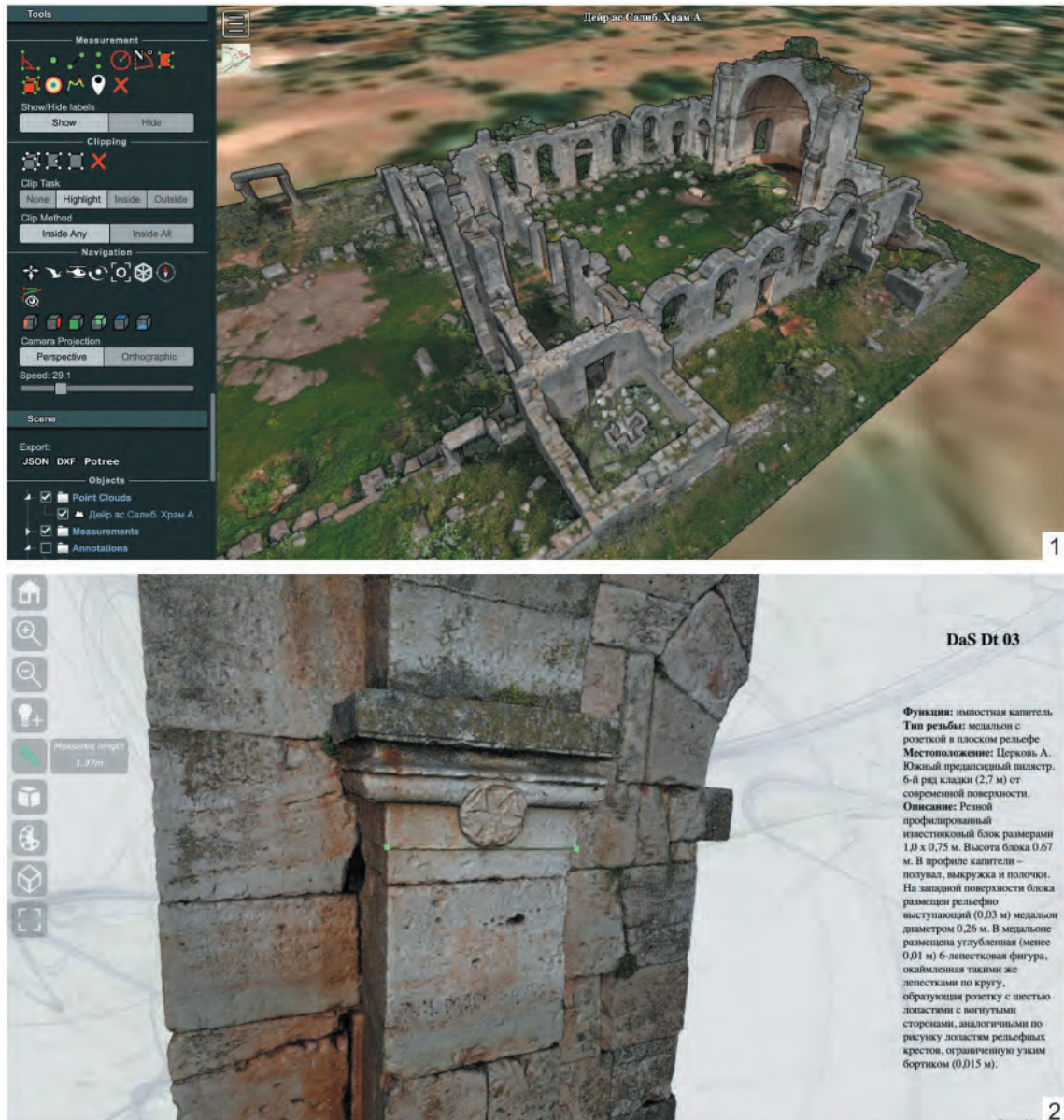

Рис. 4. Примеры визуализации: 1 — трехмерной модели в виде облака точек в среде potree в браузере; 2 — полигональной трехмерной модели в среде 3DHOP

Fig. 4. Examples of visualising: 1 — 3D model in the form of a point cloud in the potree environment; 2 — polygonal 3D model, 3DHOP environment

В деревне *Дейр эс-Салиб* вблизи города Масияф расположены два, вероятно, монастырских комплекса с храмами неизвестного посвящения. Храм А неплохой сохранности: на месте стоят стены основного тела базилики с аркадами окон высотой до 5,5 м, полностью сохранившаяся апсида с конхой высотой около 10,5 м и юго-западный столп внешней стены нартекса высотой около 11 м. На территории вокруг храма А (почти квадратной, со стороной около 320 м) фиксируются мавзолей у юго-западного угла ограды храма, комплекс хозяйственных построек к северо-востоку от церкви — маслодавильный пресс, остатки поилок для скота, следы каменных кладок. От храма Б сохранились стены на высоту в среднем до 1,5 м, лишь остатки апсиды достигают в высоту 3 м (шесть рядов кладки). Эта небольшая постройка размерами 25 × 16 м внутри и по периметру завалена обломками

Рис. 5. Алеппо, состояние городской застройки, окружающей медресе Халавие. Видны служебные помещения религиозной школы и часть двора комплекса

Fig. 5. Aleppo, the area around Al-Halawiyah Madrasa. The working premises of the religious school and a part of its yard are visible

рухнувших блоков стен и сильно заросла кустарником, что создало некоторые проблемы при съемке. К северо-востоку от храма находятся остатки хозяйственных сооружений — маслодавальня с прессом и открытая цистерна — контур бассейна размером 20×10 м. В Дейр эс-Салибе для обоих храмов съемка общей территории выполнена БПЛА Геоскан Gemini, детальная съемка зданий сделана описанным выше комбинированным способом. Полученные модели церквей состоят из 650 млн точек (храм А) и 500 млн точек (храм Б).

Каср-ибн-Вардан — монументальный комплекс византийских военно-административных построек, возведенный в конце правления императора Юстиниана I. Территория комплекса составляет примерно 230×230 м, в северной части расположены дворец и небольшая церковь, в юго-восточном углу — казармы, ныне полностью разрушенные. Церковь в значительной степени сохранилась: целиком на своем месте находится одна большая подпружная арка и второй ярус северного нефа. Общая территория была снята с БПЛА Геоскан Gemini, фасады и интерьеры церкви и дворца — методом комбинированной наземной и воздушной съемки. Модели многочисленных разложенных в интерьерах церкви и во дворе дворца архитектурных деталей были выполнены с использованием фотограмметрии и сканирования со структурированной подсветкой.

Буркуш — монастырский комплекс с необычным храмом, возведенным на субструкциях римского святилища. Поблизости от базилики расположен вырубленный в скале производственный комплекс со следами устройства мельницы или маслодавальни и помещениями для хранения. Между этим объектом и церковью — следы фундаментов и сохранившиеся остатки построек, частично сложенных из камня, частично вырубленных в скале. Общая съемка памятника выполнена с помощью БПЛА Mavic 2 Pro, базилика дополнительно снята на полнокадровую камеру с земли. Модель общей площади памятника состоит из 1,2 млрд точек.

Шакра — древнее селение в Юго-Западной Сирии — в настоящее время застрое- на новыми домами, сложенными из камней древних построек. Здесь сохранились две

ранневизантийские церкви и связанный с ними мавзолей башенного типа. Самая крупная из них, вероятно мартирий, до сих пор используется как церковь. Во время работы нашей экспедиции в нем проводились работы: местные жители штукатурили интерьеры и перемещали леса на крыше. Дополнительно съемка фасадов затруднялась многочисленными пристройками с южной стороны. Тем не менее храм был полностью зафиксирован комбинированной съемкой с воздуха и земли. Вторая церковь — базилика Св. Романа — заброшена, но почти полностью сохранилась, хотя частично в археологизированном виде. Модель интерьера получена наземной съемкой полнокадровой камерой, видимых частей фасада — воздушной съемкой.

Эзра — древний город в Юго-Западной Сирии, в 5 км южнее Шакры. Здесь также сохранились два ранневизантийских храма. Храм Св. Георгия — старейший действующий храм Сирии (по этой причине была затруднена съемка в алтарной части). Храм Св. Ильи, зафиксированный экспедицией Н. П. Кондакова 1892 г. в полуразрушенном состоянии, в настоящее время также функционирует, что, к сожалению, сделало невозможной съемку его интерьера.

Босра — столица римской провинции Аравия и центр митрополии в византийское время. В настоящее время здесь известны две церкви ранневизантийского периода: большая церковь Свв. Сергия, Вакха и Леонтия, ранее считавшаяся собором, и открытый французскими археологами «Новый собор», построенный на месте набатейского храма. Прежде всего здесь с использованием широкоугольной камеры DJI Zenmuse H20T на БПЛА Matrice 300 была создана модель территории центральной части древней Босры, затем комбинированным методом отсняты обе церкви и два византийских здания, претендующих в литературе на роль епископского дворца.

Пальмира — древний город в Сирийской пустыне, важный пункт караванной торговли, опорный пункт римского влияния на востоке Сирии, а в III в. н. э. — центр независимого Пальмирского царства. Здесь известен квартал ранних церквей, расположенный в северо-западной части римского города. Все церкви исследованы археологически, сохранились только в виде планов. Весь квартал снят на широкоугольную камеру DJI Zenmuse H20T, установленную на БПЛА Matrice 300, каждый храм зафиксирован комбинированным методом.

Дискуссия

Проблема накопления, хранения и распространения информации, подобной описанным выше моделям сирийских храмов, не исчерпывается вопросами «как организовать структуру папок на диске» или «как лучше передать трехмерную модель раскопа коллеге — экспортировав ее в один из доступных в программном обеспечении форматов или скопировав весь проект, в котором она создавалась». Объемы и структурная сложность этих данных делают практически бессмысленным хранение такой информации «в папке». Качественно сделанная трехмерная модель по сути является «цифровым двойником» исследуемого объекта, то есть самостоятельным историческим и археологическим источником. Работа с ним предполагает обязательные усилия междисциплинарного коллектива специалистов, где разные точки зрения или возможности разных исследовательских позиций взаимно дополняют и обогащают друг друга. Бесшовный и быстрый обмен данными становится в такой ситуации практически обязательным требованием, а возможность простого включения в исследовательскую команду новых специалистов — важным дополнительным бонусом. Опыт, накопленный нами за время реализации проектов по съемке сирийских древностей (включая, но не ограничиваясь описанной здесь работой с ранневизантийскими церквями), убеждает, что наиболее эффективным подходом к обмену данными будет открытая публикация полученных материалов в Интернете. Наш опыт подкрепляется и подтверждается исследованиями и практической реализацией

крупномасштабных общеевропейских проектов создания археологической инфраструктуры обмена данными и исследовательскими инструментами. Самый крупный и успешный из этих проектов — ARIADNE и все связанные с ним инициативы (Richards 2012; Aspöck 2019; Richards, Niccolucci 2019; Vassallo et al. 2023). Портал, объединяющий средства публикации разнородных данных и разнообразные исследовательские инструменты, за 12 лет своего развития наглядно продемонстрировал возможности, открывающиеся перед исследователями, использующими подобные средства быстрого обмена и интеграции данных. И если в итоговых сборниках статей, изданных в рамках проекта, идет дискуссия скорее о возможностях и преимуществах национальных систем архивирования цифровых данных (национальных археологических ГИС — см. статьи об австрийском, венгерском, итальянском, норвежском, португальском и французском проектах в работе: Richards, Niccolucci 2019), объединенных общими стандартами, то анализ работ, использующих инфраструктуру и инструменты ARIADNE, удивляет своей широтой: от баз данных по исследованию погребального обряда (Aspöck 2022) до открытой публикации данных радиоуглеродного датирования и их практического применения в исследованиях (Katsianis et al. 2020).

В отечественном археологическом научном пространстве пока нет опыта создания больших инфраструктурных проектов, основанных на открытых данных. Представляется, что потребность в подобных зонтичных порталах должна родиться из объема накапливаемой исследователями информации (Hawkins 2022). В связи с этим особенно важной видится публикация собираемых цифровых материалов в виде открытых баз данных, основанных на единых принципах. Примеры разработки таких решений были уже опубликованы ранее (Devlet et al. 2018; Пермяков и др. 2023). Обсуждаемый здесь проект является именно такой инициативой.

Заключение

Проведенные авторами в 2021–2023 гг. работы по документированию ранневизантийских церквей охватывают 19 архитектурно-археологических объектов в девяти исторических центрах современной Сирии. В ходе этих работ были собраны разнообразные данные об архитектуре, археологии, истории изучения этих памятников. Сейчас эти данные публикуются онлайн в виде открытой информационной системы, включающей трехмерные модели, историографические исследования, обмерные чертежи, фотофиксацию и современные аналитические описания памятников.

Ранее мы уже обсуждали значение проведенных работ для уточнения наших знаний о путях развития византийской архитектуры (Блохин и др. 2023). Основная цель этой статьи — представить разработанную нами методику работ по цифровому документированию архитектурно-археологического памятника и показать значение такого рода работ и их своевременной открытой публикации для развития археологического знания в целом. Опубликованная информационная среда — это еще один цифровой архив археологических данных, и его появление видится авторам важным шагом на пути к созданию национальных археологических инфраструктур обмена данными.

Одновременно представленный проект, безусловно, является способом привлечения внимания к культурному наследию Сирии и, шире, — к судьбе мирового культурного наследия, находящегося под угрозой. Трехмерные модели, опубликованные в доступном не только ученым интерфейсе, — хороший способ представить максимально широкому кругу пользователей уникальное достояние человечества. Особый интерес такая публикация может представлять для соотечественников, учитывая значение византийского наследия для появления и развития древнерусской архитектуры.

База данных и трехмерные модели доступны по адресу: <https://rac.archeo.ru/projects/early-byzantine/>.

Литература

- Блохин и др. 2023 — *Блохин Е. К., Виноградов А. Ю., Ёлишин Д. Д., Соловьева Н. Ф.* Спасение ранне-христианских храмов Сирии // *АВ*. 2023. Вып. 40. С. 274–297.
- Пермяков и др. 2023 — *Пермяков В. А., Пиков Н. О., Гук Д. Ю.* Разработка веб-приложения для визуализации 3d-моделей археологических объектов // Коробкова О. Н. и др. (ред.). *Вопросы системного технологического перехода 2021–2022: Сб. науч. тр. по материалам конф. «Технологическая перспектива: новые рынки и точки экономического роста»*. СПб.: Астерион, 2023. Т. 1. С. 186–191.
- Соловьева и др. 2019 — *Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л., Блохин Е. К., Казаков Э. Э.* Пальмира во времени и пространстве // Виноградов Ю. А., Васильев С. А., Степанова К. Н. (отв. ред.). *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии)*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 271–288.
- Aspöck 2019 — *Aspöck E.* Moving towards an Open Archaeology: Projects, Opportunities and Challenges // *Mitteilungen Der Vereinigung Österreichischer Bibliothekarinnen Und Bibliothekare*. 2019. 72 (2). S. 538–554.
- Aspöck 2022 — *Aspöck E.* Integrating Data on Early Medieval Graves: Mapping the THANADOS Database to the ARIADNE Infrastructure with the ARIADNE Mortuary Data Application Profile // *Proceedings of the 27th International Conference on Cultural Heritage and New Technologies, November 2022. Heidelberg, 2022*. P. 1–5.
- Devlet et al. 2018 — *Devlet E. G., Laskin A. R., Pakhunov A. S., Romanenko E. V., Svoyski Yu. M.* Application of surface visualization algorithms in the rock art studies // Гайнуллин Д. А., Булякова Г. В., Буляков И. И., Нафиков Ш. В. (ред. кол.). *Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика: Материалы III Междунар. науч. симпозиума*. Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2018. С. 52–71.
- Hawkins 2022 — *Hawkins A.* Archives, Linked Data and the Digital Humanities: Increasing Access to Digitised and Born-Digital Archives via the Semantic Web // *Archival Science*. 2022. No. 22 (3). P. 319–344.
- Katsianis et al. 2020 — *Katsianis M., Bevan A., Styliaras G., Maniatis Y.* An Aegean History and Archaeology Written through Radiocarbon Dates // *Journal of Open Archaeology Data*. 2020. No. 8 (August). P. 1–6.
- Lloyd 2016 — *Lloyd J.* Contextualizing 3D Cultural Heritage // Ioannides M. et al. (eds.). *Digital Heritage. Progress in Cultural Heritage: Documentation, Preservation, and Protection*. Springer International Publishing AG, 2016. P. 9–69. (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 10058). doi.org/10.1007/978-3-319-48496-9_69.
- The London Charter 2009 — *The London Charter for the computer-based visualization of cultural heritage*. London, 2009. Available at <https://londoncharter.org/>.
- Maalek R., Maalek Sh. 2022 — *Maalek R., Maalek Sh.* Automatic Recognition and Digital Documentation of Cultural Heritage Hemispherical Domes Using Images // *Journal on Computing and Cultural Heritage*. 2022. No. 16 (1). Article No. 6. P. 1–21. <https://doi.org/10.1145/3528412>.
- Potenziani et al. 2015 — *Potenziani M., Callieri M., Dellepiane M., Corsini M., Ponchio F., Scopigno R.* 3DHOP: 3D Heritage Online Presenter // *Computers & Graphics*. 2015. No. 52 (November). P. 129–141.
- Richards 2012 — *Richards J. D.* Digital Infrastructures for Archaeological Research: A European Perspective // *CSA Newsletter*. 2012. XXV (2). Available at <http://csanet.org/newsletter/fall12/nlf1202.html>.
- Richards, Niccolucci 2019 — Richards J. D., Niccolucci F. (eds.). *The Ariadne Impact*. Budapest: Archaeolingua, 2019. 202 p.
- Schönberger 2018 — *Schönberger J. L.* Robust Methods for Accurate and Efficient 3D Modeling from Unstructured Imagery. PhD dissertation ... at ETH Zurich, 2018. 291 p. doi.org/10.3929/ethz-b-000295763.
- Schütz 2016 — *Schütz M.* Potree: Rendering Large Point Clouds in Web Browsers: Diploma thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Diplom-Ingenieur in Visual Computing at Technische Universität Wien. Wien, 2016. 92 p.
- The Seville Principles 2017 — *The Seville Principles: international principles of virtual archaeology*. New Delhi, 2017. Available at <http://sevilleprinciples.com/>.
- Statham 2019 — *Statham N.* Scientific Rigour of Online Platforms for 3D Visualization of Heritage // *Virtual Archaeology Review*. 2019. No. 10 (20). P. 1–16.

- Teppati Losè et al. 2022 — *Teppati Losè L., Spreafico A., Chiabrando F., Giulio Tonolo F.* Apple LiDAR Sensor for 3D Surveying: Tests and Results in the Cultural Heritage Domain // *Remote Sensing*. 2022. No. 14 (17). P. 1–30.
- Vassallo et al. 2023 — *Vassallo V., Theodoridou M., Felicetti A., Avgousti A.* Tools and Ontologies for the Aggregation and Management of Cypriot Archaeological Datasets // *Internet Archaeology*. 2023. No. 64: 10. <https://doi.org/10.11141/ia.64.10>.
- Wilkinson et al. 2016 — *Wilkinson M. D., Dumontier M., Aalbersberg I.J., Appleton G., Axton M., Baak A., Blomberg N. et al.* The FAIR Guiding Principles for Scientific Data Management and Stewardship // *Scientific Data*. 2016. 3 (March). P. 1–9.

**“THIS STONE WHICH I HAVE SET UP AS A PILLAR WILL BE GOD’S HOUSE”:
ABOUT THE METHODOLOGY OF DEVELOPING THE INFORMATION SYSTEM
“THE EARLY BYZANTINE CHURCHES OF SYRIA”**

**E. K. BLOKHIN, A. YU. VINOGRADOV, D. D. ELSHIN,
E. E. KAZAKOV, N. F. SOLOVYOVA**

Keywords: *Syria, architectural archaeology, Early Byzantine period, Byzantine architecture, digital archaeology, photogrammetry, databases*

In 2021–2023 a collective of scholars united by the Center for Rescue Archaeology of IHMC RAS carried out large-scale works on the 3D recording of a number of Early Byzantine churches in the Near East. 19 objects associated with 9 historical centers situated on the territory of Syrian Arab Republic were studied during the implementation of the project. The data obtained in the course of this work served as the basis for 3D models, measuring drafts, analytical descriptions and historiographical studies. The data is published as an open geoinformation system and database available online. The paper presents the methodologies of surveying, processing and publishing the digital data used by the authors.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ КАРЕЛЬСКОГО ОБЛИКА В МАТЕРИАЛАХ СТАРОЙ ЛАДОГИ¹

В. Н. КУЗНЕЦОВА, М. С. ПАВЛОВА²

Ключевые слова: Северо-Западное Приладожье, Старая Ладога, финно-угры, ювелирное дело, карельский костюм, древнекарельский убор, фибула, цепедержатель, ножны, копоушка.

В статье публикуются 13 ювелирных изделий карельского облика из Старой Ладоги: семь фибул, три цепедержателя, копоушка, наконечник ножен ножа и привеска. Предметы происходят из слоя Земляного городища, крепости и посада; несколько вещей являются случайными находками. Они могут быть рассмотрены и как маркеры контактов с Северо-Западным Приладожьем, и как свидетельства поликультурности городских центров Новгородской земли.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-72-80

В археологической историографии те или иные средневековые украшения часто рассматриваются как этнические, характерные для определенной группы населения, народа. Однако отнюдь не всегда такая интерпретация оказывается корректной, часто дальнейшие исследования опровергают сложившиеся стереотипы. Так, ассоциирование типов височных колец с конкретным «славянским племенем» оказалось в целом несостоятельным. Подвески-коньки «смоленского типа» оказались не только не коньками, но и, как выяснилось, были распространены гораздо шире смоленской земли. Примеров, когда за той или иной категорией находок закрепилось этническое или региональное определение, можно привести довольно много. Часто в подобных номинативах гораздо больше историографической традиции, чем научной интерпретации. Однако подчас они довольно удобны для того, чтобы сделать отсылку к тому или иному кругу артефактов, вызвать ассоциации с определенными исследованиями, литературой и существующими типологиями.

В данной работе мы рассматриваем ряд находок из Старой Ладоги, которые традиционно именуются «карельскими». Набор карельских украшений был выделен в материалах Новгорода М. В. Седовой (1981: 84), А. В. Вареновым (1992), Л. В. Покровской (2021); Н. В. Хвоцинской и Е. Н. Носовым охарактеризованы финно-угорские изделия в археологических коллекциях Рюрикова городища (Носов, Хвоцинская 2004); В. И. Кильдюшевский рассмотрел карельские вещи из раскопок средневекового Орешка (Кильдюшевский 2008).

Безусловно, возникает вопрос: до какой степени правомерно считать то или иное изделие этническим маркером? А. И. Сакса, характеризуя основные работы по исследованию средневековой карелы, в статье 1985 г. писал: «Нам представляется методически неверным использование для определения границ расселения этнических групп только предметов убора, пусть даже этнически определенных» (Сакса 1985: 116).

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

© Кузнецова В. Н., Павлова М. С., 2024

Судя по тому что импортные украшения найдены в погребениях Северо-Запада и Северо-Востока Древней Руси, табу на включение инокультурных элементов в местный убор не было. Импорты могли даже перерабатываться — дополняться новыми функциональными и декоративными деталями, становиться прообразами для новых типов (Кузнецова 2019; Кузнецова, Стасюк 2021). В этой связи возникает вопрос: являлись ли предметы ювелирного ремесла отражением этничности или локальной моды? Впрочем, дискуссия не входит в задачи данной статьи. Отметим лишь, что в случае с находками с поселений критерии «этничности» для артефактов становятся еще более расплывчатыми и менее весомыми: украшение выпало в слой, потому что его потерял представитель этноса, с которым предмет принято ассоциировать, или же оно оказалось у представителя другого этноса, будучи подаренным/купленным/найденным?

В настоящей статье определение «карельский» мы используем как отсылку к ярким выразительным древностям Северо-Западного Приладожья, а не к этническим маркерам летописной корелы. На сегодняшний день в Старой Ладоге выявлено 13 ювелирных изделий карельского облика: семь фибул, три цепедержателя, копоушка, наконечник ножен ножа и привеска, которые происходят из слоя Земляного городища, каменной крепости и посада; несколько вещей являются случайными находками. Большинство изделий фрагментированы, археологически целыми являются только три фибулы (ажурная и овально-выпуклые).

В коллекции представлены предметы металлического убора, распространенного в Средневековье на территории Северо-Западного Приладожья, а также имеющие параллели с западно-финскими древностями в целом. К последним относятся круглые ажурные фибулы. Как и для овально-выпуклых фибул, которые будут рассмотрены далее, прототипами этих предметов послужили скандинавские украшения, но «местные мастера придали своим изделиям специфический карельский орнаментальный характер» (Сокровища земли карельской 2022: 80).

Фрагмент круглой ажурной фибулы является случайной находкой³ (рис. 1, 1), он был обнаружен к югу от Земляного городища. Степень сохранности изделия затрудняет соотнесение его с определенным типом: орнамент потерт, центральная часть не сохранилась. Вероятно, фибула была изготовлена по оттиску или имел место технологический брак. Скорее всего перед нами тип В или С, по Х. Аппельгрэн-Кивало (Appelgren 1897: 3–5). Как отмечал А. И. Сакса, «Круглые выпуклые фибулы типа В являются <...> обычным для древностей Финляндии типом. Там зарегистрировано свыше 30 фибул типа В <...> За пределами Финляндии единичные экземпляры известны в Швеции, Прибалтике и на севере Руси» (Сакса 2010: 67). Среди возможных аналогий находке можно отметить круглые фибулы из Финляндии, например из Каланти-Нохкола и Тюрвяя-Вянния (Kivikoski 1973: Abb. 657, 658). Интересная находка происходит из Луистари, как и старолadoжский экземпляр, ее отличает фактически нечитаемый змеевидный орнамент (Lehtosalo-Hilander 1982: Pl. 77, 1. 3390). На Карельском перешейке подобная фибула была обнаружена в погребальном комплексе Лопотти (пос. Куркиёки), который датируется по совокупности всех найденных вещей X в., возможно его началом (Кочкуркина 1981: 19, 125, табл. 2, 9; Сакса 2010: 64, рис. 12, 6, 67, 68).

*Круглая ажурная фибула*⁴ (рис. 1, 2) найдена в раскопе 4 на Земляном городище в 2007 г., в слое конца X — XII в. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2007 г. Д. 30. Л. 21). Наиболее близкая аналогия происходит из Лопотти и опубликована в работе К. А. Нордмана (Nordman 1924: 108, Fig. 86). Круглые ажурные фибулы X–XI вв. нескольких разновидностей также известны на Карельском перешейке (Сокровища земли карельской 2022: 80, 81; Бельский 2017: 105).

³ Номер в Государственном каталоге музейного фонда РФ (далее ГК) 11022733. СЛМ КП-85131. А-16947. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11142514> (дата обращения 10.11.2023).

⁴ САЭ-2007 ЗГ-1134. Номер в ГК 11612829. СЛМ КП-99187/798. А-9/802/. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11729767> (дата обращения 10.11.2023).

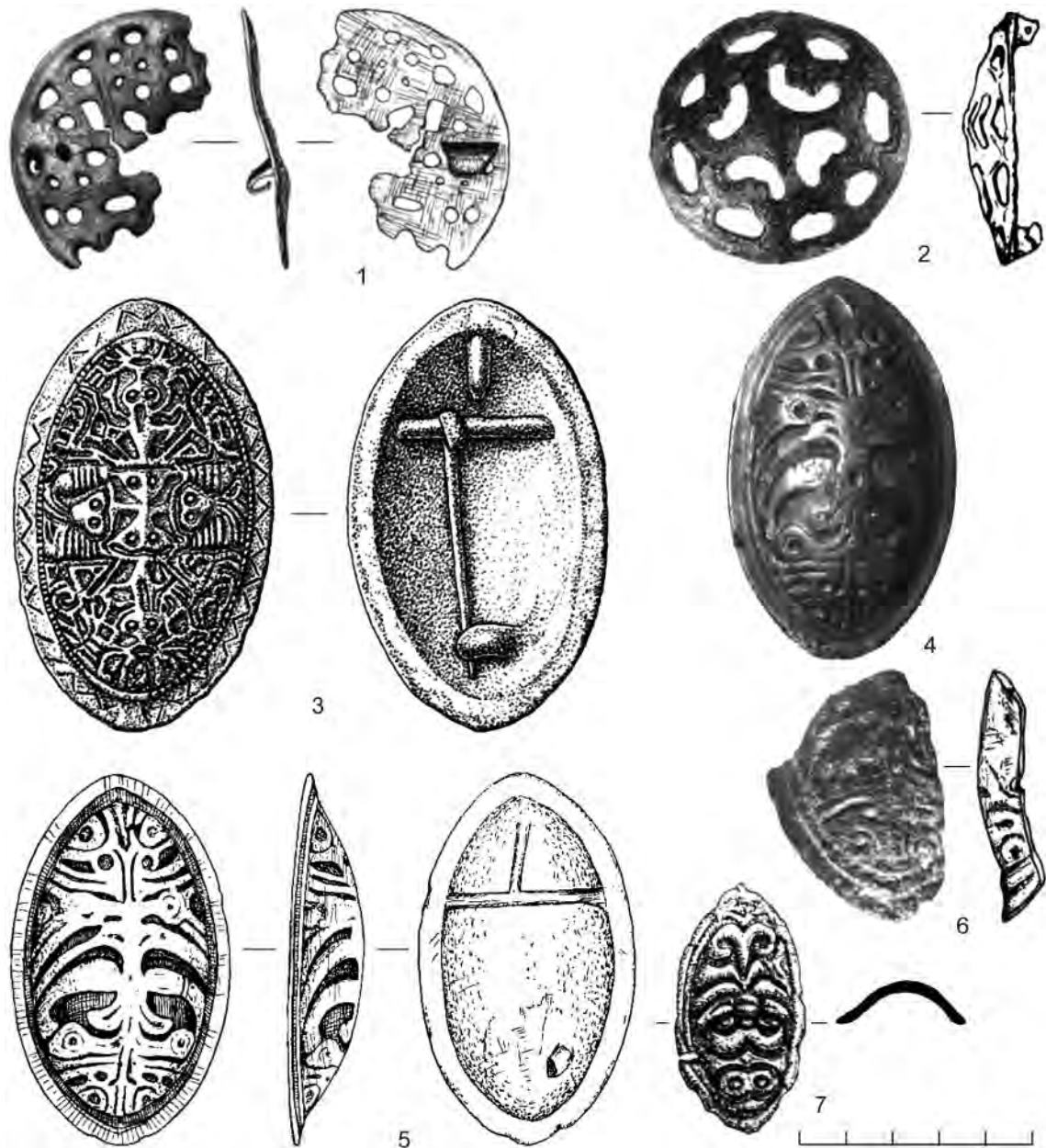

Рис. 1. Старая Ладога, фибулы: 1, 5 — случайные находки (1 — СЛМ КП-85131. А-16947; ГК 11022733; 5 — СЛМ КП-99122/9 А-8/1416); 2-4, 6 — Земляное городище (2 — САЭ-2007 ЗГ-1134. СЛМ КП-99187/798. А-9/802, ГК 11612829; 3 — САЭ-2006 ЗГ-1146; 4 — по: Гроздилов, Третьяков 1948: табл. III, 5; 6 — рис. по: ГЭ СЛ 940, фото: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1.1984. Д. 128. Л. 21); 7 — посад (АЭ СЛМЗ-2004 № 240)

Fig. 1. Staraya Ladoga, fibulae: 1, 5 — random finds (1 — СЛМ КП-85131. А-16947; ГК 11022733; 5 — СЛМ КП-99122/9 А-8/1416); 2-4, 6 — Zemlyanoe gorodishche (2 — САЭ-2007 ЗГ-1134. СЛМ КП-99187/798. А-9/802, ГК 11612829; 3 — САЭ-2006 ЗГ-1146; 4 — after: Гроздилов, Третьяков 1948: табл. III, 5; 6 — drawing after: ГЭ СЛ 940, photo: SA IMHC RAS. Manuscript Dep. A.G. 35. Inv. 1.1984. F. 128. Sh. 21); 7 — Posad (АЭ СЛМЗ-2004 № 240)

В эпоху Средневековья на территории Северо-Западного Приладожья был распространен металлический убор, в который входили парные овально-выпуклые фибулы, спиралевидные и крестообразные цепедержатели, а также нож с литой рукоятью в ножнах, декорированных накладками, копоушка и ряд других украшений (Кочкуркина 2017: 54, 55, рис. 28, 29). С. В. Бельский, говоря о хронологии погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья, отмечал, что «период функционирования „карельских грунтовых могильников развитого этапа“ ограничен рамками XIII в. <...> Для этого времени характерен специфичный женский убор, структурно наследующий традиции эпохи викингов» (Бельский 2014: 330). Элементы этого убора были встречены и при исследованиях в Старой Ладогге. На сегодняшний день мы располагаем сведениями о пяти скорлупообразных, или овально-выпуклых, фибулах разных типов. Для подобных изделий в историографии даже сформировалось определение «фибулы карельского типа» (Седова 1981: 84). Основная масса подобных изделий происходит из памятников, расположенных в Восточной Финляндии и Северо-Западном Приладожье (Линтури 1984). Аналогичные изделия были обнаружены в памятниках Северо-Запада Руси, а единичные находки «добрались» до Костромского Поволжья.

Одна из овально-выпуклых фибул (рис. 1, 3)⁵ происходит из раскопок 2006 г. на Земляном городище, из слоя горизонта В. Согласно отчету А. Н. Кирпичникова, находки в этом горизонте «не составляют определенных комплексов. Их часть еще в древности сместилась, а часть не имеет отношения к обозначенному выше периоду, явно привнесена извне и датируется иным временем» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2006 г. Д. 40. Л. 14). Находки в совокупности имеют широкую дату, «ее можно определить в рамках XI–XVI вв. <...> Следует признать их значительное смещение в отношении происхождения и датировки» (Там же: Л. 15). Рассматриваемую фибулу можно соотнести с группой С2 (по Ю. Айлио). Согласно более дробному делению, представленному в работе Э. Линтури, изделие соответствует подгруппе С2/3. Типологические аналогии имеют довольно широкую датировку XII–XIII вв. (Сакса 2010: 111; Линтури 1984: 152, 153). Подобные фибулы встречены на Карельском перешейке (Сокровища земли карельской 2022: 46–49), в городских слоях Великого Новгорода (Покровская 2021). Ареал распространения изделий охватывает Ижорское плато (Стасюк 2012) и Приневье (Сорокин 2008: рис. 8). Наиболее восточная находка происходит из кургана у дер. Пьянково в Костромском Поволжье (Кузнецова 2019).

Три староладожские овально-выпуклые фибулы относятся к наиболее распространенному типу Н с ракообразным орнаментом (рис. 1, 4–6). Ареал аналогий схож с упоминавшимся выше для изделий группы С. Фибулы типа Н в Новгороде были найдены в слоях второй половины XII и второй половины XIII в. (Варенов 1998; Покровская 2021). Отметим также аналогичные находки на Рюриковом городище (Носов, Хвошинская 2004) и с территории могильника у дер. Кирсино (Сорокин 2008: рис. 8).

Одна из староладожских фибул типа Н⁶ является случайной находкой (рис. 1, 5), другая выявлена при археологических раскопках 1910 г. на Земляном городище (рис. 1, 4). Н. И. Репников относил изделие к I ярусу, который он определял как русский и датировал XII–XVII вв. (Репников 1948: 29, 32; Гроздилов, Третьяков 1948: 72). Фрагмент скорлупообразной фибулы типа Н (рис. 1, 6) происходит из раскопок, проходивших под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в 1948 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1948 г. Д. 128. Л. 21)⁷. Г. П. Гроздилов — заместитель В. И. Равдоникаса, занимавшийся вместе с ним организацией и проведением археологических работ, в своем дневнике писал: «Во время расчистки насыпи на кв. Б-10 был найден фрагмент поздней скорлупообразной фибулы, кексгольмского или карельского типа (к горизонту Д он не имеет отношения)» (Там же:

⁵ САЭ-2006 ЗГ-1146.

⁶ СЛМ КП-99122/9 А-8/1416.

⁷ ГЭ СЛ 940.

1948 г. Д. 130. Л. 32). Отметим, что в 1948 г. экспедиция продолжила исследовать часть раскопа, начатую в 1945 г., и заложила новый участок. В 1945 г. работы завершены на глубине 1,10–1,30 м от дневной поверхности. Ниже залежали хорошо сохранившиеся деревянные конструкции мокрого слоя — горизонт Д по отчету. Заполнение построек между бревнами и досками было выбрано. Консервацию проводили соломой и «отработанной» землей из отвалов. В дневнике Г. П. Гроздилова подробно описаны первые дни работы экспедиции 1948 г., когда проводилась поэтапная расконсервация участка 1945 г. (Там же: 1948 г. Д. 129). Землю, скрывавшую деревянные конструкции, исследователь называет «засыпкой» или «засыпью» и использует данные слова постоянно по тексту. Возможно, фрагмент фибулы стоит рассматривать как находку из отвала, которая попала в раскоп вторично.

Еще одна скорлупообразная фибула (рис. 1, 7) происходит из раскопок, проводившихся Староладожским музеем-заповедником в 2004 г. в непосредственной близости от левого коренного берега р. Ладожки в 60 м к западу от Земляного Городища, в 15 м к ЮЗ от здания кирпичного амбара, вытянутого вдоль шоссе Волхов — Новая Ладога (Волковицкий и др. 2004: 289). Изделие известно нам только по полевому рисунку, выполненному довольно схематично, что, вероятно, было обусловлено сохранностью фибулы⁸. Судя по рисунку, фибула тяготеет как к типу G, так и к типу E (Kivikoski 1973: 1057, 1059). Большинство находок, которые могут рассматриваться в качестве аналогий, происходят из региона Хяме (Сакса 2010: 120). В раскопе 2004 г. исследователями зафиксированы непо потревоженные культурные напластования середины IX — X в. и отмечено отсутствие слоев древнерусского и московского времени. Непотревоженные раннесредневековые слои перекрывал мешанный слой. Единственным источником информации о проведенных в 2004 г. раскопках является публикация 2007 г., опираясь на нее, можно заключить, что скорлупообразная фибула происходит из мешанного слоя. Кроме того, на полевом рисунке указано, что изделие найдено в отвале (Волковицкий и др. 2007: 290).

Двуспиральные, или ф-видные, цепедержатели, встреченные в Старой Ладоге, относятся к различным вариантам по классификации С. И. Кочкуркиной (2021). Оба экземпляра фрагментированы. Изделие из раскопок 2006 г.⁹ (рис. 2, 1) можно соотнести с вариантом 1. В Северо-Западном Приладожье, за исключением экземпляра из могильника с трупосожжением Кууппала XI–XII вв., все остальные находки данной разновидности — случайные (Кочкуркина 2021: 173). Аналогичные изделия были обнаружены в могильнике Кирсино XII в. (Сорокин 2008: 106, рис. 8, 3) и в слое XIII в. Новгорода (Покровская 2021). Контекст староладожской находки довольно примечателен: цепедержатель спекся с фрагментированной орнитоморфной пластинчатой подвеской, пятипалой привеской-лапкой и спиралевидной умбонovidной накладкой (Кузнецова, Григорьева 2019: 185, рис. 1, 4, 5). Подобная разновидность «птичек», хотя и имеет довольно широкую территорию распространения, однако преимущественно изделия характерны для Северо-Восточной Руси (наибольшая концентрация по-прежнему фиксируется в костромских курганах). Умбонovidная накладка — украшение, характерное и вовсе для Ветлужско-Камских земель (Кузнецова, Стасюк 2021: 235).

Вторая находка двуспирального цепедержателя происходит из раскопок 2011 г.¹⁰ (раскоп 5) (рис. 2, 2). По классификации С. И. Кочкуркиной изделие можно отнести к варианту III, отличительной особенностью которого являются «скобки с завитками». Согласно данным С. И. Кочкуркиной, 28 цеперазделителей происходят из памятников Карельского перешейка и северного побережья Ладожского озера (Кочкуркина 2021: 174). Аналогии известны также из слоя XIV в. Орешка (Кильдюшевский 2008) и слоев

⁸ Отчет об этих работах отсутствует, однако полевые рисунки некоторых вещей сохранились в материалах Староладожской археологической экспедиции.

⁹ САЭ-2006 № 1000а. СЛМ КП-98498/785 А-8/785.

¹⁰ САЭ-2011 ЗГ-938.

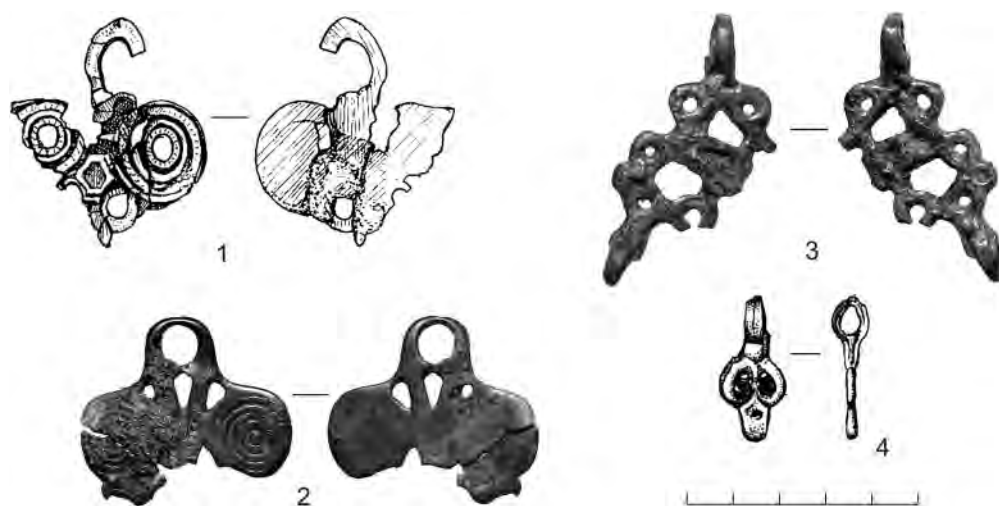

Рис. 2. Старая Ладога: 1–3 — цеперазделители; 4 — привеска. 1, 2, 4 — Земляное городище (1 — САЭ-2006 № 1000а. СЛМ КП-98498/785 А-8/785; 2 — САЭ-2011 ЗГ-938; 4 — САЭ-2006 ЗГ-177); 3 — крепостной двор (САЭ-2015 ТБ-168)

Рис. 2. Staraya Ladoga: 1–3 — chain holders; 4 — pendant. 1, 2, 4 — Zemlyanoje gorodishche (1 — САЭ-2006 № 1000а. СЛМ КП-98498/785 А-8/785; 2 — САЭ-2011 ЗГ-938; 4 — САЭ-2006 ЗГ-177); 3 — fortress yard (САЭ-2015 ТБ-168)

второй половины XII — XIV в. Новгорода (Покровская 2021: 115). Возвращаясь к изделию из Старой Ладоги, отметим, что оно обнаружено в постройке 2 горизонта Г. Слой практически не потревожен поздними перекопами и датируется рубежом XI–XII — XIII в. Кроме цепедержателя с постройкой связан еще ряд находок из медных сплавов, в частности фрагмент (голова) шумящей подвески-конька, а также желтый бисер, фрагмент древнерусского сосуда прозрачного желтого стекла, фрагмент бусины синего прозрачного стекла с мозаичными красно-бело-голубыми глазками¹¹ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2011. Д. 21. Л. 85, 91, 92, 111, 117).

Фрагмент крестообразного цеперазделителя¹² (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 61539. Л. 65, 81) (рис. 2, 3) и наконечник ножен ножа¹³ (рис. 3, 1) с гравированным орнаментом происходят из раскопок на территории крепостного двора. Цеперазделитель может быть соотнесен с типом II, вариантом 2, по А. И. Саксе (2010: 123). Известны случаи, когда аналогичные цеперазделители, впрочем как и другие изделия, характерные для западно-финской культуры, дополняются ажурными сердцевидными привесками (Kivikoski 1973: No. 1114; Сокровища земли карельской 2022: 133). В материалах Старой Ладоги такая привеска найдена в раскопе 4 в 2006 г. (рис. 2, 4).

Наконечник ножен тяготеет к типу I варианту 1 — продольная пластина плавно расширяется от места крепления ножен к носку, а в орнаментации присутствуют S-видные завитки (Сакса 2010: 124).

Навершие копоушки¹⁴ (рис. 3, 2) обнаружено среди разновременных находок верхнего насыпного слоя раскопа 4 2006 г. на Земляном городище. Изделие представляет собой довольно грубую отливку, в которой только за счет сравнения с более сохранными

¹¹ САЭ-447, 449, 538, 549, 550, 829.

¹² САЭ-2015 ТБ-121.

¹³ САЭ-2017 ТБ-280.

¹⁴ САЭ-2006 ЗГ-13. Номер в ГК 18627652. СЛМ КП-98498/11. А-8/11. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18768137> (дата обращения 11.11.2023)

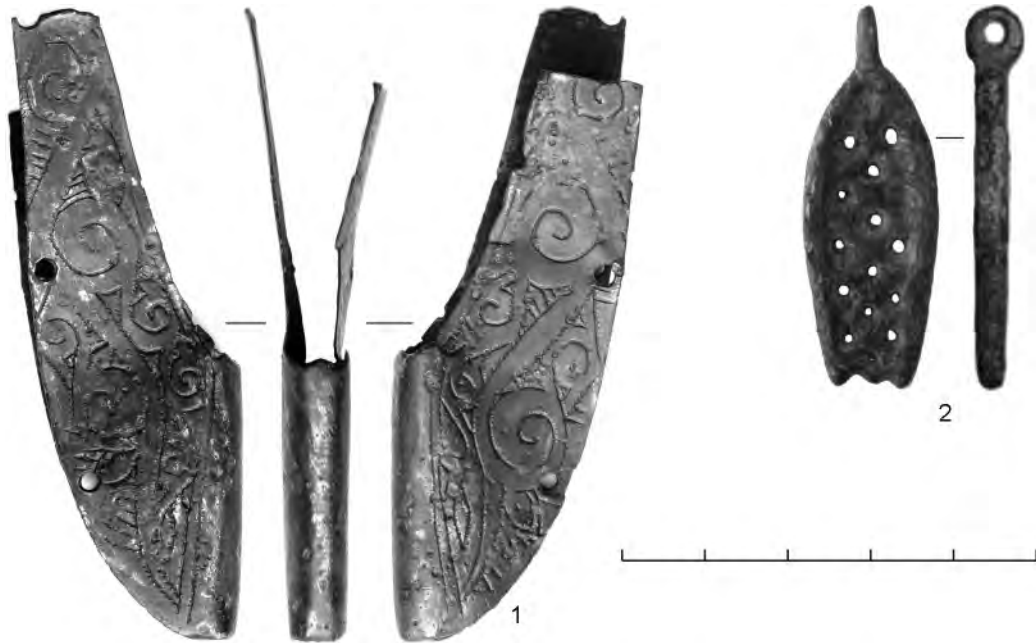

Рис. 3. Старая Ладога: 1 — наконечник ножен; 2 — фрагмент копоушки. 1 — крепостной двор (САЭ-2017 ТБ-280); 2 — Земляное городище (САЭ-2006 ЗГ-13. СЛМ КП-98498/11. А-8/11. Номер в ГК 18627652)

Рис. 3. Staraya Ladoga: 1 — knife scabbard; 2 — fragment of a ear pick. 1 — fortress yard (САЭ-2017 ТБ-280); 2 — Zemlyanoe gorodishche (САЭ-2006 ЗГ-13. СЛМ КП-98498/11. А-8/11. ГК 18627652)

экземплярами можно усмотреть «карельский» завитковый орнамент. Староладожскую находку можно сопоставить с изделиями типа II варианта 1 — орнамент в виде прорезного S-видного завитка, по классификации, представленной в монографии А. И. Саксы (2010: 127, рис. 25, 4, 5). Аналогичное огрубление орнамента представлено на копоушках Рюрикова городища (Носов, Хвоцинская 2004: 127), Новгорода¹⁵ и собрания Выборгского объединенного музея-заповедника¹⁶.

Таким образом, в материалах Старой Ладоги представлена небольшая, но довольно выразительная коллекция находок, связываемых с кругом карельских древностей. Они могут быть рассмотрены и как маркеры контактов с Северо-Западным Приладожьем, и как свидетельства поликультурности городских центров Новгородской земли. Специфика контекста — значительное число случайных находок и изделий из мешаных слоев, связанных со строительством, перестройкой и разрушением «Земляного города» в конце XVI — начале XX в.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1.

1948 г. Д. 128. Равдоникас В. И. Иллюстрации к отчету о раскопках в Старой Ладоге в 1948 г. 30 л.;

Д. 129. Гроздилов Г. П. Дневник № 1 полевых работ Староладожской экспедиции в 1948 г. 102 л.;

Д. 130. Гроздилов Г. П. Дневник № 2 полевых работ Староладожской экспедиции в 1948 г. 101 л.

2006 г. Д. 40. Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в поселке Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской обл. в 2006 г. 63 л.

¹⁵ НГМ КП 18518/25 А-90/25.

¹⁶ ВЗ КП-11118.

- 2007 г. Д. 30. *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках в поселке Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской обл. в 2007 г. 192 л.
- 2011 г. Д. 21. *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках в поселке Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской обл. 232 л.
- НОА ИА РАН. Ф. 1 Р-1. № 61539. *Григорьева Н. В.* Отчет о раскопках Георгиевского отряда Старо-ладожской археологической экспедиции ИИМК РАН на территории двора Ладожской крепости около Тайничной башни в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2015 г. 229 с.
- Бельский 2014 — *Бельский С. В.* Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 317–332.
- Бельский 2017 — *Бельский С. В.* Раннесредневековые погребальные памятники на Карельском перешейке: некоторые результаты текущих исследований // Платонова Н. И. (отв. ред.). *Elite ou Egalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.*: Сб. ст. СПб.: Бранко, 2017. С. 90–115.
- Варенов 1998 — *Варенов А. Б.* Карельские древности в Новгороде // РА. 1998. № 4. С. 192–201.
- Волковицкий и др. 2007 — *Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В.* Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 г. (предварительное сообщение) // *Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева*. Псков; М.: Псковский археологический центр; ИА РАН, 2007. С. 288–298.
- Гроздилов, Третьяков 1948 — *Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н.* Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // *Равдоникас В. И.* (отв. ред.). *Старая Ладога*. Л.: тип. им. И. Федорова, 1948. С. 71–107.
- Кильдюшевский 2008 — *Кильдюшевский В. И.* Карельские вещи из раскопок Древнего Орешка // Сорокин П. Е. (ред.-сост.). *Археологическое наследие Санкт-Петербурга: Древности Ижорской земли*. СПб.: ИИМК РАН; Северо-Западный институт Наследия, 2008. Вып. 2. С. 75–87.
- Кочкуркина 1981 — *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.: Наука, 1981. 160 с.
- Кочкуркина 2017 — *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.
- Кочкуркина 2021 — *Кочкуркина С. И.* Спиралевидные цепедержатели в древнекарельском костюме // ННЗИА: Материалы XXXIV науч. конф., посвящ. памяти Е. Н. Носова. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2021. Вып. 34. С. 172–175.
- Кузнецова 2019 — *Кузнецова В. Н.* Украшения и детали костюма северо-западного облика из Костромских курганов // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*. Тверь: ИА РАН; Тверской научно-археологический и реставрационный центр, 2019. Вып. 12. С. 38–54.
- Кузнецова, Григорьева 2019 — *Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.* Металлические зооморфные украшения средневековой Ладоги // ННЗИА. Вып. 32: Материалы XXXII науч. конф., посвящ. памяти Н. Н. Гринева (Великий Новгород, 23–25 января 2018 г.). Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. С. 185–194.
- Кузнецова, Стасюк 2021 — *Кузнецова В. Н., Стасюк И. В.* Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона // АВ. 2021. Вып. 31. С. 227–251.
- Линтури 1984 — *Линтури Э.* Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии эпохи Крестовых походов // Рыбаков Б. А. (ред.). *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Л.: Наука, 1984. С. 148–155.
- Репников 1948 — *Репников Н. И.* Раскопки в городище старой Ладоги // *Равдоникас В. И.* (отв. ред.). *Старая Ладога*. Л.: тип. им. И. Федорова, 1948. С. 11–70.
- Сакса 1985 — *Сакса А. И.* Древности карел на современном этапе исследования // Селиранд Ю. Я. (ред.). *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*: Таллин: АН Эстонской ССР, 1985. С. 108–118.
- Сакса 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.

- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сокровища земли карельской 2022 — Сокровища земли карельской [каталог выставки] / Бельский С. В., Светоч М. С. (сост.); Мельнова А. В. (ред.). Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник; ИИМК РАН, 2022. 240 с.
- Носов, Хвоцинская 2004 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 125–133.
- Сорокин 2008 — *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии Ижоры // Сорокин П. Е. (ред.-сост.). Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН; Северо-Западный институт Наследия. 2008. С. 88–127.
- Стасюк 2012 — *Стасюк И. В.* Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // *Stratum plus*. 2012. № 5. С. 63–88.
- Покровская 2021 — *Покровская Л. В.* Балтские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // *АВ*. 2021. Вып. 31. С. 113–127.
- Appelgren 1897 — *Appelgren H.* De runda djurspannena i Finland // *Finskt Museum*. Helsingfors: Finska Fornminnesföreningen, 1897. S. 1–13.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin + Göös AB OY, 1973. 150 s.
- Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari. The Graves. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 1982. Vol. I. 197 s.
- Nordman 1924 — *Nordman C. A.* Karelska järnåldersstudier. Helsingfors, 1924. 197 s. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 34, 3).

JEWELRY OF KARELIAN ASPECT IN THE MATERIALS OF STARAYA LADOGA

V. N. KUZNETSOVA, M. S. PAVLOVA

Keywords: *Northwestern Ladoga region, Staraya Ladoga, Finni-Ugrians, jewelry, Karelian costume, Old Karelian attire, fibula, chain holder, scabbard, ear pick*

The paper publishes 13 jewelries of Karelian aspect from Staraya Ladoga, including 7 fibulae, 3 chain holders, an ear pick, a chape of a knife scabbard and a pendant. The objects come from Zemlyanoe Gorodishche, the fortress and the posad; some of them are stray finds. They can be regarded as both markers of contacts with the Northwestern Ladoga region and as evidence of poly-culturality in urban centers of the Novgorod land.

РАСКОПКИ СТЕФАНА КРУКОВСКОГО НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ КОСТЁНКИ 1/І

Р. В. ПАХОМОВ¹

Ключевые слова: С. Круковский, Костёнки, Государственный археологический музей в Варшаве, Варшавское научное общество, Эразм Маевский, Казимеж Столыгво, Леон Козловски, Ян Самсонович, Польская Академия наук, П. П. Ефименко.

Статья посвящена исследованиям польского археолога Стефана Круковского, осуществленным на стоянке Костёнки 1/І в 1915 г. Для изучения этого эпизода были проанализированы работы отечественных и польских исследователей, а также документы из Государственного археологического музея в Варшаве и Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамеры). В результате удалось выяснить, что в период с июля до сентября 1915 г. С. Круковский осуществил в Костёнках обширные раскопки. Итогом их стала коллекция из 350 каменных изделий, включая орудия и произведения искусства. На этой основе исследователь интерпретировал слой Костёнки 1/І как памятник культуры солютре. В настоящий момент удалось уточнить непростую судьбу коллекции и причины, по которым С. Круковскому не удалось вывезти ее в Варшаву.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-81-96

Введение

К концу 1880-х гг. интерес к изучению памятников каменного века в Российской империи заметно упал. Безвременно скончались один за другим три первопроходца отечественных палеолитических исследований — граф А. С. Уваров, А. И. Кельсиев и И. С. Поляков. Дальнейшие раскопки отдельных стоянок эпохи палеолита приняли эпизодический характер, их материалы часто оставались невостребованными. Одной из причин такого поворота являлось отсутствие должного финансирования работ. Исследования палеолитических памятников представляли собой дело очень трудоемкое и дорогостоящее. Однако государство не спешило выделять на них какие-либо средства, а крупные музеи не проявляли особой заинтересованности в коллекциях каменных и костяных орудий. Возможности проводить разведки и раскопки за собственный счет археологи не имели.

После смерти Александра II с изменением политической ситуации появилось и новое препятствие для развития первобытной археологии — идеологическое. Первобытная археология второй половины XIX в. была тесно связана с естественными науками — геологией и палеонтологией. На указанном этапе развития естествознания это означало тесную связь с либерально-революционными и атеистическими идеями. В процессе изучения первобытности неизбежно вставали вопросы о движущих силах истории и происхождении людей, напрямую затрагивавшие животрепещущие идеологические проблемы. В связи с этим и с усилением консервативных тенденций во внутренней политике Александра III

---

¹ Воронежский областной краеведческий музей, Воронежский государственный университет; Воронеж, Россия.

© Пахомов Р. В., 2024

государство охотно поддержало наметившуюся тенденцию к изоляции науки о первобытности от комплекса исторических наук. Магистральный путь развития русской археологии XIX в. оставлял период палеолита в стороне (Аникович и др. 2008: 19, 20; Платонова 2010: 147, 148).

Ситуация, сложившаяся вокруг первобытной археологии в целом, затронула и стоянку Костёнки 1/І. После работ И. С. Полякова 1879 г. и А. И. Кельсиева 1881 г. интерес к ней со стороны научного сообщества надолго иссяк. На протяжении более 20 лет мало кто обращал внимание на этот уникальный памятник. Лишь в 1890 г. во время очередной поездки, организованной с целью изучения памятников на Среднем Дону, Костёнки посетили Е. Л. Марков² и Л. Б. Вейнберг³. Там они изучили остатки шурфов от прежних раскопок. В результате удалось обнаружить еще несколько мамонтовых костей, в основном раздробленных. Кое-какой материал исследователи собрали у местных жителей. Благодаря содействию волостного старшины они получили от крестьян хорошо сохранившийся зуб мамонта и куски бивня (Марков 1891а: 79–81).

Начало XX в. ознаменовало новый этап в изучении Костёнок 1/І. В 1904 г. здесь провел исследования геолог Н. И. Криштафович⁴. Он заложил на стоянке шесть шурфов, в которых собрал коллекцию из 380 предметов (Праслов, Желтова 2007: 184). В 1913 г. П. П. Ефименко⁵ детально изучил материалы исследований этого памятника И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым (Ефименко 1915; Замятнин 1922: 7). Наконец, в 1915 г. польский археолог Стефан Круковский (Stefan Wincenty Krukowski) осуществил на стоянке Костёнки 1/І новые обширные раскопки.

Стефан Круковский: страницы биографии

Стефан Круковский был крупным ученым-археологом, который внес весомый вклад в изучение каменного века Польши. Он исследовал множество памятников древности, среди них следует упомянуть Цемну (Jaskinia Ciemna), Свидры Малые и Великие (Świdry Wielkie i Małe), Пекары 1 и 2 (Piekary I i II), Галосскую пещеру (Jaskinia nad Galoską), поселение у р. Каменной, скопления в Новом Млыне (Nowy Młyn) и Гжибовой Гуре (Grzybowa Góra). Их материалы заметно расширили представления о древнем населении Польской низменности (Niż Polska) и Краковско-Ченстховской возвышенности (Jura Krakowsko-Częstochowska). Именно Круковский разработал первую в польской археологии функциональную интерпретацию кремневых индустрий, а также выявил источники сырья, использовавшиеся верхнепалеолитическим человеком. Более того, в области исследования каменных орудий ученому принадлежит ряд новаций, которые прославили его имя не только в польской, но и во всей европейской науке (Jaskinia... 2019: 20–29).

² Марков Евгений Львович (1835–1903) — писатель-путешественник, литературный критик, этнограф, археолог, исследователь памятников Крыма, автор книг о путешествиях на Восток. В 1900-х гг. председатель Воронежской архивной комиссии. Результаты археологических поездок по Воронежской губернии опубликованы в: (Марков 1891а; 1891в; 1891г; 1891д). См. о нем: (Марков 1872; 1891б; Захарова 2006; Стрижёв, Бирюкова 2019).

³ Вейнберг Леонид Борисович (1849–1901) — краевед, археолог, автор многочисленных трудов по истории и археологии Воронежского края (Вейнберг 1885; 1886; 1891). См. о нем: (Захарова 2006: 71–75).

⁴ Криштафович Николай Иосифович (1866–1941) — русский офицер, геолог, первооткрыватель позднелепидолитической стоянки Гура Пулавска в окрестностях г. Ново-Александрия (Ново-Александрийская стоянка) и палеолитической стоянки Селище в районе Черкас. См. о нем: (Праслов, Желтова 2007).

⁵ Ефименко Петр Петрович (1884–1969) — выдающийся российский и советский археолог, один из основоположников исследований палеолита в СССР. Автор фундаментальных трудов по археологии Костёнковско-Борщёвского верхнепалеолитического района, в том числе монографии, подводящей итог его многолетним работам на стоянке Костёнки I (Ефименко 1958). См. о нем: (Третьяков 1970; Бибииков 1984; Формозов 2004; Платонова 2010: 188–196; Шапиро 2016).

По предварительным оценкам наследие исследователя насчитывает несколько сотен коллекций, включающих свыше ста тысяч артефактов. В настоящее время они хранятся в Отделе палеолита и мезолита Государственного археологического музея в Варшаве (далее — ГАМ). Особая часть наследия С. Круковского — артефакты из кремневых шахт в Кшемёнках (Krzemionkach) и поселения Цмелюв-Гавронец (Śmielów-Gawroniec) — находится в Отделе неолита ГАМ (Там же). Помимо собраний каменных орудий ученый оставил большой архив. В настоящее время он хранится в Лаборатории научной документации ГАМ. Сегодня бумаги С. Круковского оцифрованы и доступны в базе данных ICA AtoM (Там же: 30).

Широкая доступность для изучения оцифрованных материалов архива и коллекций исследователя резко расширила возможности исследования его творческой биографии. Жизнь и деятельность С. Круковского уже неоднократно становились объектом изучения. Этим занимались многие известные польские археологи, такие как Стефан Кароль Козловский (Stefan Karol Kozłowski) (Kozłowski 2007), Яцек Лех (Jacek Lech) (Lech 1992), Марцин Карцевский (Marcin Karczewski) (Karczewski 2013), Малгожата Кот (Małgorzata Kot), Марцин Шелига (Marcin Szeliga), Михаил Войнов (Michał Wojenka) (Kot et al. 2019) и Эльжбета Чепелевска (Elżbieta Ciepielewska) (Jaskinia... 2019). Благодаря их трудам удалось реконструировать и осветить ряд мало известных деталей биографии знаменитого польского исследователя.

Стефан Круковский родился 22 января 1890 г. в городке Мщонув гмины (волости) Радзеёвицы Блонского уезда Варшавской губернии (сейчас гмины Мщонув Мазовецкого воеводства Жирардувского повята Республики Польша) (Mszczonów gminy [województwa] Radziejowice powiatu Błońskiego guberni warszawskiej [obecnie gminy Mszczonów Województwa Mazowieckiego powiatu Żyrardowskiego Rzeczypospolitej Polskiej]). К сожалению, сведений о его семье и детских годах практически не сохранилось. Известно только, что в 1895 г. Круковские переехали в Варшаву, где будущий исследователь получил начальное образование. В 1901 г. он поступил во II Русскую прогимназию, которую не смог окончить. Через четыре года его отчислили, вероятно из-за участия в школьных забастовках. В результате мальчик попал в реальное училище, которое закончил через два года, получив так называемый малый аттестат.

Чтобы помочь своей семье, оказавшейся в затруднительном материальном положении, С. Круковский с 1905 г. (с 15 лет) начал работать конторским служащим, попутно подрабатывая репетиторством. Впрочем, в конторе он пробыл меньше года (Karczewski 2013: 253; Jaskinia... 2019: 20).

Еще в юном возрасте С. Круковский заинтересовался историей древних обществ. В 1904 г., учась в прогимназии, он познакомился с археологом-любителем Эразмом Маевским (Erazm Majewski)⁶, которому предстояло стать профессором истории Древнего мира в Варшавском университете. Именно Маевский дал молодому человеку начальные знания о каменном веке и развил его тягу к исследованиям. В 1906 г., вдохновившись книгой Зигмунта Глогера (Zygmunt Gloger) «Долины рек» (Doliny rzek), С. Круковский совершил поездку в с. Граб Блонского уезда (ныне гмины Кремпна Яспенского повята Подкарпатского воеводства) (wieś Grab w powiecie Bolońskim [obecnie Gmina Kremplna w województwie

⁶ Маевский Эразм (1858–1922) — археолог, биолог, социолог, философ, этнограф и писатель. Свое образование получил на естественном факультете Варшавского университета. С 1891 г. занялся археологическими и этнографическими исследованиями. Им изучались памятники каменного века и славянские древности. В 1908 г. на основании добытых им коллекций в Варшаве был создан первый доисторический музей в здании Общества поощрения изящных искусств. С 1899 г. стал издавать ежегодник «Святовит». В 1919 г. был назначен заведующим кафедрой доисторической археологии Варшавского университета. Эразм Маевский — автор научных и фантастических работ, среди которых «Доктор Мухолапский» (1890), «Теория человека и цивилизации» (1910), «Рождение и развитие духа на Земле» (1923) (Klecha, Krajewska 2019; Kozłowski 2020: 213).

podkarpackim]), где изучил на предмет наличия памятников участок дюн. В дальнейшем Маевский пригласил его на должность сотрудника в открытый им археологический музей (Karczewski 2013: 254; Trzop-Szczypiorska 2017: 4, 5; Jaskinia... 2019: 20).

В первый год работы в Музее Эразма Маевского С. Круковский занимался учетом коллекций музея и созданием концепций археологических выставок. Со временем его стали направлять в командировки для изучения памятников древности. В основном ему приходилось исследовать могильники железного века, но и палеолитические находки не оставались без внимания. Молодой ученый активно занимался поисками кремневых изделий в Келецком регионе (Region Kielecki), а затем на Краковско-Ченстоховской возвышенности. По результатам исследований в 1911 г. им был зачитан доклад на заседании Варшавского научного общества (ВНО). На протяжении всего периода работы в музее с 1907 по 1913 г. С. Круковский изучал дюнные стоянки в Варшавском, Гроецком, Пинчовском уездах (Warszawskim, Grójeckim, Pińczowskim powiat) (Karczewski 2013: 254; Trzop-Szczypiorska 2017: 5; Jaskinia... 2019: 20, 22).

Несмотря на широкий круг обязанностей, исследователь находил время на научную работу. Он разбирал отчеты по раскопкам, занимался камеральной работой, собирал материалы для словаря, разрабатывал типологию кремневых орудий. Для расширения своих знаний по эпохе камня, а также философии Круковский изучал специальную литературу. Находясь под покровительством Эразма Маевского, он познакомился с Леоном Козловским (Leon Kozłowski)⁷. В ходе совместной деятельности им удалось совершить целый ряд открытий в области польского палеолита (Там же).

В 1914 г. при содействии Э. Маевского С. Круковский занял должность ассистента в Антропологической лаборатории ВНО (Antropologicznej Towarzystwa Naukowego Warszawskiego [TNW]), которую возглавлял Казимеж Столыгво (Kazimierz Stołygwo)⁸. За свою работу он получал приличное жалованье, достаточное, чтобы отказаться от дел, не связанных с археологией. В итоге молодой человек сосредоточился на изучении кремневых материалов из дюн, находившихся в окрестностях Варшавы. Также он занимался поисками палеолитических стоянок в пещерах Краковско-Ченстоховской возвышенности — у деревни Злотый Поток (ныне располагается в гмине Янув Ченстоховского повята Силезского воеводства на юге Польши) (wsie Złoty Potok [obecnie położone w Gmina Janów Częstochowski Województwa Śląskiego na południu Polski]) и в пещере Окенник (Jaskinia Okiennik) в Скаржицах (Skarżyce) (ныне находится в округе гмина Стшега Свидницкого повята

⁷ Козловский Леон (1892–1944) — известный польский археолог и политик. Первые свои исследования провел под руководством Эразма Маевского в 1909 г. в районе варшавских дюн. В 1909–1910 гг. осуществил разведки в бассейне реки Длубни (Dłubni). В 1910 г. поступил в Ягеллонский университет (Uniwersytet Jagielloński), где проучился до 1912 г. С 1912 по 1913 г. продолжал свое обучение в Тюбингенском университете (Uniwersytetu w Tybindze). За время учебы участвовал в археологических исследованиях Владимира Димитрикевича (Włodzimierz Demetrykiewicz) и Роберта Шмидта (Robert Rudolf Schmidt). Им были изучены неолитические памятники рядом с Краковом, Мамонтова пещера. В 1914 г. совершил экспедицию в Крым и на Кавказ. Во время Первой Мировой войны служил в 1-м уланском полку польских легионеров. После увольнения из армии в 1918 г. получил докторскую степень по геологии. В период с 1921 по 1931 и с 1935 по 1939 г. работал во Львовском университете в должности профессора археологии. За это время провел работы по изучению памятников каменного века в Краковско-Ченстоховской возвышенности. Активно участвовал в политической жизни Польши. В 1928–1935 гг. состоял в Сейме в качестве депутата. С 1935 по 1939 г. являлся сенатором. Был министром сельского хозяйства (1930–1932), позднее работал в министерстве финансов (1932–1933). С 15 мая 1934 по 28 марта 1935 г. занимал должность премьер-министра Польши (Woźny 2021).

⁸ Столыгво Казимеж (1880–1966) — антрополог, руководитель Антропологической лаборатории ВНО (1910-е), профессор Краковского университета (1933–1960), член Польской академии знаний (1951). Автор многочисленных работ по антропологическому составу славянских народов и их происхождению, методам расового анализа, палеоантропологии (Jaskinia... 2019; БСЭ 1976: 535).

Нижнесилезского воеводства на юго-западе Польши [gmina Strzega w województwie Dolnośląskim w południowo-zachodniej Polsce]). По результатам этих работ ученый подготовил ряд отчетов для заседаний ВНО (Kozłowski 2007: 30; Karczewski 2013: 254; Trzop-Szczypiorska 2017: 5; Jaskinia... 2019: 20, 22).

Параллельно раскопкам С. Круковский работал над несколькими темами по типологии: «Картина неолитического микролита в Польше», «Определение и классификация кремневых орудий», «Классификация кремневых изделий». Под руководством К. Столыгово он подготовил диссертацию под названием «Современные токарные и доисторические ножи» (Noże tokarskie współczesnej i rylce przedhistoryczne) (Trzop-Szczypiorska 2017: 5).

К моменту исследований Костёнок 1/І Стефан Круковский хотя и был начинающим ученым, однако уже успел приобрести немалый опыт изучения памятников каменного века. Летом 1915 г. по поручению ВНО он совершил поездку на юг России, в ходе которой были проведены раскопки на стоянке Костёнки 1/І. Именно тогда, в августе 1915 г., Варшава была захвачена немецкими войсками. Таким образом, путь из России домой оказался перерезан линией фронта. В результате ученый был вынужден отправиться на Кавказ, где получил место в Кавказском музее естественной истории в Тифлисе. В течение двух лет исследователь изучал местные пещерные стоянки. Летом и осенью 1916 г. он проводил раскопки в пещере Гварджилас Клде (Jaskinia Gwardjilas Klde). В ходе изучения ее материалов он уделял особое внимание вопросу технологии обработки кремня, выделяя отщепы, относящиеся к разным фазам расщепления нуклеусов, и подробно описывая последовательность этапов расщепления (Jaskinia... 2019: 22).

Летом 1916 г. в связи с продолжающейся Первой мировой войной 26-летний Круковский был мобилизован и попал в пехоту. Поскольку на тот момент он имел высшее образование и научную степень, можно предположить, что ему был присвоен какой-либо младший офицерский чин (о чем свидетельствует принадлежавший ему пистолет). Участия в боевых действиях Круковский не принимал. Более того, он продолжал оставаться при Кавказском музее естественной истории в Тифлисе.

Возможно, таким положением он был обязан руководству Кавказского музея, который напрямую участвовал в работе по регистрации и охране древностей на территориях, отбитых русской армией у турок⁹. Отметим, однако, что координировал все эти работы академик Н. Я. Марр¹⁰, который в 1916 г. руководил большой научной экспедицией Академии наук в прифронтовой полосе Кавказского театра военных действий. Марр и его сотрудники занимались сбором древностей на этих территориях, а также изучением и охраной сосредоточенных там памятников архитектуры и археологии¹¹. Они имели возможность прикомандировать молодого археолога к своей миссии и позволить ему спокойно работать в музее (Платонова 1999: 376; Jaskinia... 2019: 38).

⁹ В отличие от изменчивой ситуации на Западном фронте, русская армия на Кавказе в 1914–1916 гг. стабильно демонстрировала успехи в своих действиях. В результате в конце ноября 1915 г. сотрудниками археологического отдела Кавказского музея в Тифлисе была начата работа по сбору, регистрации и охране памятников на недавно занятых территориях в районе г. Ван. Туда были командированы С. В. Тер-Аветисян и фотограф А. М. Вруйром (Басаргина 2009: 340).

¹⁰ Марр Николай Яковлевич (1865–1934) — востоковед, археолог, лингвист, этнограф. Внес большой вклад в историю, археологию и этнографию Грузии и Армении, опубликовав много древнегрузинских и древнеармянских текстов и надписей и проведя ряд раскопок ключевых памятников средневекового Кавказа. Создатель «нового учения о языке» (1923) (Голубева 2002; Платонова 2022).

¹¹ В 1916 г. экспедиция Н. Я. Марра спасла от гибели и вывезла из прифронтовых областей в Петроград более тысячи мусульманских рукописей. Параллельно производились фотографирование архитектурных памятников, сбор этнографических коллекций и археологические раскопки. На время пребывания в прифронтовой зоне ученые считались прикомандированными к военному ведомству и имели воинские звания, соответствовавшие гражданскому чину каждого из них (устная консультация Н. И. Платоновой).

В июле 1918 г. С. Круковский вернулся в Польшу, где в скором времени занялся исследованиями на знакомой ему Краковско-Ченстоховской возвышенности. Там он трудился совместно с Леоном Козловским. С августа по сентябрь 1918 г. и затем с сентября по октябрь 1919 г. ученый проводил регулярные раскопки в пещере Цемна (Jaskinia Ciemna) рядом с селом Ойцув (Ojców) (сейчас расположен в гмине Скала Краковского повята Малопольского воеводства [gminie Skala Powiatu krakowskiego w województwie Małopolskim]). Полученные находки периода среднего палеолита, относящиеся к микокской традиции¹², побудили Стефана Круковского выделить орудия особой формы — ножи типа Продник¹³. В 1919 г. он исследовал пещеру Садлана (Jaskinia Sadlana), Козярня (Jaskinia Kozia), Окенник (Jaskinia Okiennik) и грот Локетка (Jaskinia Łokietka) (Kozłowski 2007: 30, 63; Karczewski 2013: 254, 255; Trzop-Szczypiorska 2017: 5, 6; Jaskinia... 2019: 20, 22).

Следующее десятилетие ознаменовалось для исследователя не только археологическими изысканиями, но и предприятиями, направленными на сохранение историко-культурного наследия. Он принял участие в кампании по защите пещер в долине р. Продник от промышленной эксплуатации. Позднее по инициативе Государственного комитета по охране доисторических памятников его назначили инспектором по консервации археологических памятников южного округа Варшавы, а в последующие годы — Келецкого региона.

Осенью 1923 г. С. Круковский отправился во Францию в рамках научной программы по изучению различных каменных индустрий. Результатом поездки стало введение в европейскую археологическую терминологию понятия *rylcowiec Krukowskiego*¹⁴. После возвращения в Польшу ученый занялся поиском выходов кремня, которые мог использовать верхнепалеолитический человек. Вместе с геологом Яном Самсоновичем (Janem Samsonowiczem)¹⁵ они исследовали северо-восточную окраину Свентокшинских гор (Gór Świętokrzyskich) и в 1921–1923 гг. смогли локализовать там месторождения шоколадного, полосатого, серого и пятнисто-белого кремня. Более того, С. Круковский и Я. Самсонович

¹² Микок — технокомплекс, характерный для обширной группы индустрий среднего палеолита. Микокские памятники рассредоточены на обширной территории от севера Европы до Сибири и датируются около 130–70 тыс. л. н. Специфика микокской технологии состоит в использовании плоско-выпуклых методов изготовления и вторичной обработки изделий. Указанная техника способствовала получению симметричных и асимметричных острий, скребел и сколов для изготовления сегментовидных, листовидных и трапециевидных орудий. Наиболее характерным изделием является рубило с круглым основанием. Микокский комплекс был впервые выделен швейцарским исследователем Отто Хаузером (Debénath, Rigaud 1991).

¹³ Ножи типа Продник — бифасиальные ножи трапециевидной в плане формы, обработанные чешуйчатой ретушью, с коротким обушком. Характерны для микокского комплекса (Васильев и др. 2007: 154).

¹⁴ Rylcowiec Krukowskiego — сколы продольного оживления лезвийной кромки (парарезцовые сколы), снятые с кончиков обушковых ножей (Jaskinia... 2019: 24).

¹⁵ Самсонович Ян — геолог и палеонтолог. В 1914 г. окончил геологический факультет Санкт-Петербургского университета. По возвращении в Варшаву устроился помощником на кафедре геологии в Варшавском университете. С 1915 по 1918 г. преподавал палеонтологию на факультете естественных наук Общества научных курсов. После создания Государственного геологического института в 1919 г. устроился редактором его издательства. Вел исследования в районах Свектоштинских гор, Волыни. В 1922 г. открыл месторождение гематитов и сидеритов у пос. Рудки рядом с г. Новая Слупия. Вместе со С. Круковским обнаружил скопление полосатого кремня в пределах Польской низменности. В 1935 г. стал профессором и заведующим кафедрой палеонтологии во Львовском университете. Спустя два года его избрали деканом математико-естественного факультета. Во время работы во Львове проводил исследования в Волыни. В 1939 г. возглавил кафедру геологии Варшавского университета. После войны был избран действительным членом Польской Академии наук (ПАН) и председателем ее геологического комитета. Организовал и возглавлял с 1956 по 1959 г. отдел геологических наук ПАН. Был почетным членом Польского геологического общества, иностранным членом Геологического общества в Стокгольме (Makowski 1988: 1–5).

выявили места добычи и обработки этих каменных пород. Путем детального исследования ученым удалось выделить два типа памятников, характерных для культур каменного века — «горнодобывающие» (места добычи и обработки кремня) и «оседлые» (долговременные и кратковременные стоянки). Это была первая в истории науки попытка функциональной интерпретации кремневых индустрий. Однако на этом С. Круковский не прервал свои исследования месторождений кремня и древних его разработок. Уже в 1928 г. он осмотрел неолитические шахты в Кшемёнках (сейчас расположены рядом с г. Островец-Свентокшинский в Свентокшинском воеводстве Островецкого повята [Ostrowiec Świętokrzyski w województwie Świętokrzyskim w powiecie Ostrowieckim]) и провел обширные разведки в поисках связанных с ними поселений. Осознавая значимость этого места, ученый стремился создать здесь заповедник, дабы прекратить использование территории в сельскохозяйственных и горнодобывающих целях (Karczewski 2013: 255–258; Trzop-Szczypiorska 2017: 6, 7; Jaskinia... 2019: 24, 26).

Одновременно исследователь продолжал поиски палеолитических пещерных комплексов. В 1927 г. он провел раскопки памятника Пекары 2 (расположен в каньоне Вислы в окрестностях Кракова Краковского повята Малопольского воеводства). В дальнейшем, уже в 1930-х гг., Стефан Круковский изучил связанные с ним стоянки Пекары 1 и 3. На трех памятниках были обнаружены леваллуа-мустьерские и микокские материалы среднего палеолита, а также находки верхнего палеолита, отнесенные к ориньяку и граветту (Там же).

С 1929 по 1939 г. С. Круковский работал хранителем Отдела каменного века в ГАМ (Wydziału Starszej Epoki Kamienia Warszawie Państwowym Muzeum Archeologicznym), созданном на базе Польского общества по охране археологических памятников (Polskiego Grona Konserwatorów Zabytków). За это время он провел археологические разведки в пределах Польской низменности, раскопки позднепалеолитических мастерских в районе Марьянки-Выглендув (Marianki-Wyględów), дюн у Свидр Малых и Великих. В итоге были открыты памятники с необычным набором каменного инвентаря. Преобладающей формой орудий там являлись наконечники, изготовленные на узких пластинках со слабо выраженным черешком. Это дало исследователям основания выделить новую для территории Польши археологическую культуру — свидерскую (Karczewski 2013: 257–263; Trzop-Szczypiorska 2017: 7; Jaskinia... 2019: 26).

Итогом довоенных исследований С. Круковским палеолитических памятников Польши стал в 1939 г. труд под названием «Палеолит». Эта книга свидетельствует об интенсивности работы ученого, глубине понимания им вопросов, связанных с кремневыми индустриями. Несмотря на то, что некоторые идеи исследователя в области систематики и хронологии устарели, этот труд до сих пор сохраняет актуальность (Krukowski 1939; Jaskinia... 2019: 26–28).

В годы Второй мировой войны ученый жил во Львове, работая там в Историческом музее. В 1944 г. он вернулся в Варшаву, а осенью поселился в городке Скаржиско-Каменна (Skarżysku-Kamiennej) на юго-востоке Польши. Спустя три года он занял должность сотрудника Археологического музея в Кракове (Muzeum Archeologicznym w Krakowie). Но проработал там ученый всего шесть месяцев. С 1948 по 1949 г. он читал лекции по истории Древнего мира в Ягеллонском университете. Позже он устроился в лабораторию Древнего мира при первом отделении Польской академии наук (ПАН) (Pracownię Prehistoryczną przy Wydziale I Polskiej Akademii Nauk) (Trzop-Szczypiorska 2017: 8; Jaskinia... 2019: 28, 30).

Проживая в Скаржиско-Каменна, исследователь продолжал свои раскопки на стоянках близ Гжибовой Гуры и Нового Млына. В 1945 г. он нашел остатки гематитового рудника и связал их со скоплением позднепалеолитических и мезолитических поселений. Этот комплекс получил наименование Рыдно (Rydno). На нем Круковский проводил работы вплоть до 1960 г. Одновременно ученый приступил к исследованиям позднепалеолитических дюнных стоянок в месте слияния рек Вислы и Нарев (Narew) (Там же). Научное сообщество оценило заслуги С. Круковского в области изучения памятников каменного века. В 1956 г. ему было присуждено звание профессора.

В конце 1960-х гг. при Музее Земли ПАН ученый создал Отдел древней истории (*Zespół Prehistorii przy Muzeum Ziemi PAN*), где и продолжал работать вплоть до своей смерти. Скончался С. Круковский 1 мая 1982 г. в возрасте 92 лет (Там же).

Костёнковские исследования Стефана Круковского в отечественной и польской историографии

Особый интерес у исследователей биографии С. Круковского всегда вызывали его археологические работы, в частности раскопки на стоянке Костёнки 1/1. Первые сведения о раскопках 1915 г. были предоставлены С. Н. Замятниным¹⁶. В 1922 г. он обратился к коллекции С. Круковского, хранившейся тогда в Воронежском губернском музее (сейчас Воронежский областной краеведческий музей). Он сообщил, что «в числе кремневых орудий из этих находок имеется ряд характерных форм Мадленской эпохи: большие ножи, скребки и мелкие острия, превосходные образцы остроконечников с выемкой в нижней части типа Солютре, и даже некоторые типичные изделия Ориньякской эпохи, как, например, так наз. „скребки высокой формы“. Среди многочисленных костей мамонта, частью обожженных и намеренно расколотых, есть челюсть с нарезками и штрихами, оставленными кремневыми орудиями при снятии мяса. Наиболее значительный интерес представляет небольшая статуэтка из мергеля, изображающая обнаженную женскую статуэтку. Верхняя часть ее не сохранилась: ноги изображены лишь до колен; сильно отвислый живот; грудь не передана. Находки подобного рода известны среди палеолитических древностей Европы» (Замятнин 1922: 7).

Описывая материалы коллекции, Сергей Николаевич упомянул и сами раскопки. Он указал, что эти исследования значительно превосходили предыдущие как по размерам, так и по важности находок. Не остались незамеченными и вопросы, связанные с условиями залегания материала и датированием стоянки: «условия находок, обнаруженные С. Круковским, сходны с результатами, добытыми И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым. Им так же, как и раньше, обнаружены следы кострищ, залегавшие, однако, не на одинаковой высоте, в которых и были собраны находки, представляющие остатки деятельности палеолитического человека. Костёнковская стоянка, как и большинство других русских местонахождений, относится к новейшему палеолитическому периоду. Однако даже при беглом ознакомлении с находками С. Круковского приходится, оставаясь в тех же хронологических рамках, приписывать ей большую продолжительность существования и древность, чем это делалось обыкновенно» (Там же).

Несколько иную точку зрения относительно исследований С. Круковского высказывал П. П. Ефименко. Он признавал их масштаб, но отмечал бессистемный характер проведенных работ: «Только в 1915 г. на него [место стоянки Костёнки 1/1. — *Авт.*] обратил внимание польский археолог С. А. Круковский, который произвел здесь большие, но не систематические раскопки с целью сбора коллекции кремневых орудий... Добытый Круковским большой коллекционный материал, где одних вполне законченных орудий насчитывается несколько сотен, представляет несомненный интерес, как и сборы Полякова и Кельсиева, хотя точная идентификация всего этого уже по характеру раскопок является, очевидно, невозможной» (Ефименко 1958: 18). Схожее мнение отражено и в коллективной монографии, посвященной 100-летию исследований в Костёнковско-Борщёвском районе (Палеолит... 1982: 11).

Раскопки Круковского довольно детально разобраны Н. И. Платоновой. Она отмечала, что «...в 1915 г. польский археолог С. А. Круковский провел обширные раскопки на стоянке Полякова. Целью этих работ являлся сбор коллекций каменных орудий, которую

¹⁶ Замятнин Сергей Николаевич (1899–1958) — выдающийся советский археолог, первооткрыватель верхнепалеолитических стоянок Костёнки 2, 3 (1923), 4, Гагарино (1927), гротов Дамджили (1953) и Сосруко в Азербайджане (1954–1957). Автор целого ряда ключевых обобщений и гипотез, важных для понимания эпохи палеолита. См. о нем: (Праслов 1999; Бухтоярова 2013; Захарова 2014).

Круковский собирался перевезти в Польшу для передачи частному коллекционеру, который, вероятно, и финансировал эти работы. Материалы оказались частично конфискованы на таможне, а позднее переданы в фонды Воронежского краеведческого музея. Несмотря на обилие находок (несколько сотен орудий), их научная значимость невелика. Полевая документация раскопок, если и была, исчезла бесследно». Исследовательница подчеркнула, что «из раскопок С. А. Круковского происходит первая по времени находка женской статуэтки — обломок торса палеолитической „венеры“, вырезанной из мергеля <...>. Как видно по рисунку, эта статуэтка вполне вписывается в канон, в котором, как показали дальнейшие исследования, выполнено подавляющее большинство виллендорфско-костёнковских „венер“». Относительно судьбы коллекции Н. И. Платонова указала следующее: «В начале 1920-х гг. конфискованную коллекцию С. А. Круковского обработал в Воронежском музее Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958), ставший впоследствии одним из основоположников советского палеолитоведения. В своей брошюре, опубликованной в 1922 г., он писал, что условия находок Круковского „сходны с результатами, добытыми И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым“. Но при этом оговаривал любопытный момент: „Им [Круковским], так же как и раньше, обнаружены следы кострищ, залежавшие однако не на одинаковой высоте, в которых и были собраны находки, представляющие остатки деятельности палеолитического человека. Костёнковская стоянка...относится к новейшему палеолитическому периоду. Однако, даже при беглом ознакомлении с находками С. Круковского, приходится, оставаясь в тех же хронологических рамках, приписывать ей большую продолжительность существования и древность, чем это делалось обыкновенно...“. Эти замечания С. Н. Замятина наводят на мысль, что раскопками 1915 г., возможно, оказался затронут не только верхний слой Костёнок 1, который изучали Поляков и Кельсиев. Упоминание о кострищах, залежавших „не на одинаковой высоте“, свидетельствует о том, что в шурфах С. А. Круковского наблюдалось несколько культурных слоев, по-видимому, интенсивно окрашенных, с примесью угля. При отсутствии в музее документации этих раскопок указанные сведения могли быть основаны или на личных впечатлениях, или на рассказах очевидцев, принимавших участие в работах. Таковые в кругу Замятина, безусловно, имелись — в первую очередь, крестьянин П. И. Богданов, ставший первооткрывателем стоянки Костёнок 2. Но и сам С. Н. в 1915 г., будучи выпускником гимназии, принимал участие в археологической экспедиции, организованной местной Губернской ученой архивной комиссией. Нет ничего невозможного в том, что воронежские краеведы посетили тогда раскоп приезжего польского археолога. Если так, то именно юношеским впечатлениям С. Н. Замятина мы обязаны тем немногим, что нам известно об условиях находок С. А. Круковского» (Аникович и др. 2008: 19).

Важные дополнения к вышеуказанным свидетельствам предоставляют данные польской историографии. В 2007 г. Стефан Кароль Козловский обратился к изучению биографии и научного наследия С. Круковского. Результатом его работ стала книга «Стефан Круковский: рождение гиганта» (Stefan Krukowski. Narodziny giganta) (Kozłowski 2007). В ней нашлось место и костёнковским исследованиям ученого. С. К. Козловский указал, что в 1915 г. Круковский отправился в с. Костёнки для изучения выявленной там в 1879 г. палеолитической стоянки. О ней ученый узнал из публикации И. С. Полякова (1879). Раскопки памятника проводились с середины июля до середины сентября. В результате С. Круковский собрал значительную коллекцию, которая так и не смогла попасть в Польшу. Причины этого С. К. Козловский не раскрыл (Kozłowski 2007: 41, 44). Схожая информация была представлена в коллективной монографии, посвященной исследованиям С. Круковского в пещере Гварджилас Клде (Jaskinia... 2019: 22).

Спустя семь лет о раскопках С. Круковского в Костёнках упомянул Марцин Карцевский в своей статье «Стефан Круковский — отец предвоенного Археологического музея в Варшаве» (Stefan Krukowski (1890–1982) — kustosz państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie). Он указал, что в 1915 г. ученый отправился на восток для изучения стоянки,

получив финансирование от Варшавского научного общества (Karczewski 2013: 254). Это интересное замечание позволяет понять, за чей счет были организованы исследования.

В 2017 г. Агатой Тшоп-Щипиорской (Agata Trzop-Szczypiorska) была издана статья «Профессор Стефан Круковский — пионер в исследованиях палеолита в Закавказье» (Profesor Stefan Wincenty Krukowski — pionier badań nad paleolitem Zakaukazia). В ней автор привела некоторые новые детали относительно костёнковской экспедиции Круковского. Она уточнила, что исследователь отправился на Дон по заданию Антропологической лаборатории ВНО. По поводу судьбы коллекции исследователя А. Тшоп-Щипиорская привела любопытное замечание: «Неясно, где в будущем должны были храниться костёнковские коллекции — в Музее Эразма Маевского или в Антропологической лаборатории — известно лишь то, что они должны были попасть в Варшаву. После Первой мировой войны эта коллекция нашла свое место в Воронежском Краеведческом музее» (Trzop-Szczypiorska 2017: 5).

Мысль о том, что, возможно, коллекция была все-таки привезена в Варшаву, а в Воронежский губернский музей попала позднее, после какой-то срочной эвакуации, связанной с действиями немецких войск в Польше, сразу приходится отбросить. На данный момент не обнаружено никаких сведений о передаче ученым находок в польские учреждения. В позднейших исследованиях факт перевозки коллекции в Варшаву также не фиксировался. Более вероятно, что Круковский не смог перевезти материалы Костёнок в Польшу из-за обострившейся ситуации на фронте.

Общим моментом вышеуказанных работ являлось указание на место хранения коллекции С. Круковского — Воронежский краеведческий музей. Однако согласно современным данным еще до Великой Отечественной войны ее передали в отдел археологии Музея антропологии и этнографии в Ленинграде (Хлопачев 2016: 32, 33).

На сегодняшний день удалось прояснить отдельные моменты истории раскопок С. Круковского на стоянке Костёнки 1/1, включая время и источники финансирования. Однако сохраняется немало белых пятен. Как именно были организованы раскопки? Где Стефан Круковский заложил свои шурфы? Как его костёнковская коллекция попала в Кунсткамеру? Документы Археологического музея в Варшаве и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого позволяют частично ответить на эти вопросы.

Материалы по раскопкам Стефана Круковского в Костёнках

Полевая документация по исследованиям Костёнковской палеолитической стоянки С. Круковским полностью отсутствует. Однако в Археологическом музее в Варшаве хранится письмо от 28 сентября 1915 г., отправленное им из Баку своему наставнику Казимежу Столыгво. В нем автор достаточно подробно описал свою поездку и пребывание в Костёнках. Немало места он уделил раскопкам стоянки Костёнки 1/1¹⁷.

С чего начались исследования С. Круковского на памятнике? Ответ на этот вопрос содержится в следующих строчках письма: «После отъезда из Варшавы я остановился в Киеве и Воронеже, где собирал информацию о новых находках палеолита» (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 1). По приезде в с. Костёнки С. Круковский планировал провести раскопки на стоянке, открытой когда-то И. С. Поляковым, но сразу приступить к работам не смог. Из-за продолжающегося сезона сбора урожая невозможно было нанять рабочих. «Поэтому, — писал исследователь, — как и в связи с тем, что ранее в Воронеже я узнал о существовании еще одной публикации о стоянке в Костёнках, я поехал в Москву ознакомиться с ней

¹⁷ Характерно, что ни сам С. Круковский, ни его старшие коллеги в Варшаве в начале 1915 г. не сделали даже попытки списаться с Императорской Археологической комиссией по вопросу о получении открытого листа на раскопки стоянки. Между тем они не могли не знать, что в России существует порядок, по которому раскопки на казенных землях осуществляются только с разрешения Археологической комиссии, с условием предоставления отчета, хотя бы краткого. Видимо, открытый лист не запросили из опасения, что коллекцию не позволят целиком забрать в Варшаву. Это изначально сообщает предприятию Круковского в Костёнках характер не вполне законный.

и посмотреть коллекцию, описанную в ней» (Там же. Л. 1об.). Учитывая, что в Москве, а именно, в Императорском Российском историческом музее, хранилась коллекция, собранная А. И. Кельсиевым в 1881 г., можно с уверенностью сказать, что ученый изучил именно ее. Судя по письму, он прочел и статью «Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда» 1883 г. (Кельсиев 1883). Проработав эти материалы, С. Круковский вернулся в Костёнки, где нанял четырех рабочих и, договорившись с хозяином двора, приступил, наконец, к раскопкам (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 1об.).

Следует помнить, что исследования С. Круковского производились в годы Первой мировой войны, а именно в 1915 г. В это время австро-германские войска совершили ряд успешных наступательных операций на Восточном фронте, после которых Россия потеряла Галицию, Польшу и Литву. 8 августа они форсировали Вислу и вошли в Варшаву. Этот момент упомянут в письме (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 1об.). Благодаря этому возникает возможность уточнить время начала раскопок — первая половина августа.

О ходе и результатах своих исследований С. Круковский написал следующее: «Я копал шесть недель, привлекая к этому только четырех рабочих. Ибо при большем их количестве я не смог бы за всеми проследить, что грозило порчей стоянки и материалов... Я также использовал вышеуказанных рабочих для засыпки ям по отдельной договоренности сверхурочно. Кроме того, платил владельцу сада, где делал раскопки, за срубленные деревья, кроме того, за разрешение копать и др. Я нашел только кремневые изделия, кости в очень плохом состоянии, охру, костный уголь и пепел. Образцы я не считал. Во всяком случае, самих орудий у меня не менее пары сотен, не считая обломков, сломанных экземпляров и т. п. Благодаря присутствию в деревне фотографа-любителя мне удалось сделать несколько фотографических снимков, за что он потребовал очень дорого заплатить» (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 1об., 2, 2об.).

Здесь археолог явно неслучайно подробно перечисляет свои расходы, делая упор на необходимости выплаты сверхурочных рабочим и очень дорогих фотографиях. Видимо, ему требовалось оправдать некоторый перерасход средств перед работодателем, финансировавшим его экспедицию. Так или иначе, за полтора месяца работ им была собрана богатая коллекция материалов периода верхнего палеолита, включавшая в себя каменные изделия, кости, охру, костный уголь и пепел. Последнее подтверждает догадку С. Н. Замятнина о том, что С. Круковским были раскопаны остатки очагов.

Интересную информацию для С. Круковского предоставили кремневые орудия. Изучив их, он предположил, что изделия Костёнок 1/1 связаны с «совершенно новой, еще неизвестной фазой солютрейской индустрии, которая находится в таком отношении к позднему солютре, как протосолютре к среднему солютре» (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 2об., 3). Отметим, что аналогичные идеи о связи костёнковских находок с культурой солютре выдвигал в тот период П. П. Ефименко: «При полном отсутствии типичных ориньякских орудий, единственная форма, которая могла бы дать повод для сближения Костёнковской стоянки с „ориньякскими“ находками, это костёнковское „острие“, если его рассматривать как зарождение солютрейской техники. Мне кажется, что если в этих орудиях и проявляются действительно навыки солютрейской эпохи, то не решен вопрос, должны ли мы считать их зарождением или скорее вырождением солютрейских форм — дегенерирующими формами *pointe a cran turique*» (Ефименко 1915: 24, 25).

Как уже говорилось выше, в 1915 г. С. Круковский планировал перевезти коллекцию в Варшаву. Поскольку на тот момент Польша еще входила в состав Российской империи, таможенных границ не существовало. Но захват Варшавы немецкими войсками не позволил осуществить этот замысел. В результате, чтобы сохранить находки, С. Круковский передал их на временное хранение в Воронежский сельскохозяйственный институт¹⁸, а сам

¹⁸ Воронежский сельскохозяйственный институт (ВСХИ) — третий сельскохозяйственный институт, построенный в Российской империи, первое высшее учебное заведение в Воронеже. Его торжественное открытие состоялось в 1913 г. в здании гимназии Морозовой (в настоящее время находится по адресу ул. Фридриха Энгельса, 23). В 1930 г. ВСХИ разделили на несколько специализированных вузов.

отправился на Кавказ (ГАМ. Ф. 6205. № 75. Л. 3об.). После окончания Первой мировой войны он, по-видимому, предпринял новую попытку вывезти коллекцию в Польшу. Но с созданием Польской Республики и установлением государственной границы с РСФСР ситуация осложнилась. Ученого пропустили, но коллекцию конфисковали. Она нашла свое место в Воронежском губернском музее. В связи с отсутствием какой-либо документации выяснить, при каких обстоятельствах коллекция попала в учреждение, не представляется возможным. В 1920-х гг. собрание С. Круковского было передано в Государственный Русский музей, где пробыло до 1931 г. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли С. Н. Замятин и П. П. Ефименко.

В итоге коллекция оказалась в ведении Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), где хранится по сей день. По ее материалам была подготовлена охранный опись. Благодаря ей возникает возможность сформировать представление о содержании коллекции (МАЭ РАН. № 5346. Л. 3–70).

Всего в собрании насчитывается 350 предметов. В качестве основного материала представлен меловой кремь. Два изделия изготовлены из кварцита, один предмет — из мергеля (статуэтка) (Там же).

Большинство кремневых изделий (340 предметов из 350) патинизировано: 253 орудия покрыто светло-серой, 26 — темно-серой, 6 — серой, 23 — светло-голубой, 11 — темно-голубой, 16 — просто голубой, 3 — коричневой, 1 — молочной, 1 — разноцветной патиной. На 30 экз. прослеживается известковая или валунная корка. У семи предметов наблюдаются следы пребывания в огне (Там же).

В коллекции представлены два нуклеуса. Один из них является остаточным. В качестве заготовок выделяются микропластинки (14 экз.), пластинки (32 экз.), пластины (141 экз.), отщепы (35 экз.) и фрагменты (125 экз.). Каменная индустрия определяется как костёнковско-авдеевская культура. Для нее характерен набор орудий, типичных для этой археологической культуры: резцы (88 экз.), наконечники с боковой выемкой (31 экз.), листовидные наконечники (39 экз.), скребки (20 экз.), ножи костёнковского типа (около 13 экз.), острия (7 экз.), проколка (1 экз.), микропластинки и пластинки с притупленным краем (12 экз. целых и 14 экз. во фрагментах). Вместе с этим, согласно описи, в коллекции присутствуют такие изделия, как пластины и отщепы с ретушью (45 экз.), нуклевидные орудия (2 экз.), отбойник (1 экз.), комбинированные орудия (9 экз.). В качестве приемов вторичной обработки применялись ретушь, формирование резцового скола, отжим, чешуйчатая подтеска (Там же).

Уникальной находкой в коллекции С. Круковского является обломок женской статуэтки из мергеля. На сегодняшний день сохранилась лишь часть торса. Длина фигурки достигала 3,0 см, ширина — 1,7 см. Ее внешний облик был подробно описан С. Н. Замятиным (его трактовка приведена ранее) (Замятин 1922).

К сожалению, подробной информации по местам заложенных шурфов, методике раскопок и т. д. С. Круковский не оставил. Однако из письма, цитированного выше, прямо следует, что материал собирался без всякой описи («образцы я не считал...»). Это заставляет предположить, что раскопки производились не только без привязки находок к слоям и комплексам, но даже без простейших подсчетов («самих орудий у меня не менее пары сотен...»).

Дневники и последующие публикации П. П. Ефименко позволяют осветить некоторые из этих моментов. В них упоминается, что С. Круковский заложил по всей площади стоянки около 14 шурфов в виде прямоугольных колодцев площадью от 1 до 3 м². Его главный

Вместо одного института появилось пять: 1) Сельскохозяйственный институт; 2) Землеустроительный институт; 3) Химико-технологический институт; 4) Лесной институт; 5) Институт механизации и машиноиспытательной станции. В 1941 г. ВСХИ являлся вузом Наркомзема СССР и имел почтовый адрес: г. Воронеж, Мичуринская ул., д. 1. В 1991 г. ВСХИ был преобразован в Государственный аграрный университет им. К. Д. Глинки. С 2011 г. университету возвращено прежнее имя — Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I (Пьяных 1970).

раскоп был обнаружен в границах риги Аносова. К нему примыкал ряд ям, заложенных в саду М. Е. Юрьева (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 866. Л. 20; Д. 871. Л. 1, 2; Ефименко 1958: 32–37).

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, относительно раскопок Стефана Круковского в Костёнках можно обрисовать следующую картину. В июле — начале августа 1915 г. исследователь прибыл в село с целью формирования археологической коллекции для Антропологической лаборатории ВНО. Перед началом своих исследований на памятнике он побывал в Москве, где изучил информацию о раскопках А. И. Кельсиева. По возвращении в село Костёнки (после 8 августа) исследователь, наняв четырех рабочих, заложил свои первые шурфы. Всего за время проведения раскопок их было заложено 14, площадью до 3 м². Ключевые раскопы оказались сосредоточены в районе риги Аносова и сада М. Е. Юрьева. Работы продолжались до середины сентября 1915 г. В результате удалось собрать коллекцию из 350 предметов. Изучив найденный материал, С. Круковский пришел к выводу, что стоянка относится к неизвестной фазе солютре.

Таким образом, С. Круковский провел на стоянке Костёнки 1/І достаточно масштабные работы. Его раскопки охватили куда большую площадь, чем исследования И. С. Полякова, А. И. Кельсиева и Н. И. Криштафовича. Как и прежние работы, они проводились с акцентом на сбор материала для формирования коллекции (будущей экспозиции), в ущерб изучению контекста и стратиграфии. Полевая документация попросту не велась.

В результате в шестинедельный срок была собрана богатая коллекция, включавшая не только кремневый инвентарь, но и образец верхнепалеолитического искусства. Исходя из полученных материалов, С. Круковский подтвердил актуальную для того времени трактовку стоянки Костёнки 1/І. Однако информации о комплексах, раскопанных Круковским, не сохранилось ни в местах хранения материала, ни в личных бумагах исследователя.

Материалы из Костёнок предназначались для вывоза в Варшаву с целью пополнения фондов Музея Эразма Маевского или, что вероятнее, Антропологической лаборатории ВНО. В первом полугодии 1915 г., когда Варшава и прилегающие к ней территории еще входили в состав Российской империи, перевезти археологические материалы из Средней России в Польшу не составляло особого труда. Однако с августа 1915 г. путь в Варшаву оказался закрыт. Это вынудило С. Круковского передать коллекцию на хранение в Воронежский сельскохозяйственный институт, а самому найти временное прибежище на Кавказе.

Таким образом, с момента своего формирования в 1915 г. коллекция успела побывать на хранении в четырех учреждениях:

- 1) Воронежском сельскохозяйственном институте: с 1915 г. до примерно 1918 г.;
- 2) Воронежском губернском музее: примерно с 1918 г. до конца 1920-х гг.;
- 3) Государственном Русском музее (в этнографическом отделе): с конца 1920-х до 1931 г.;
- 4) Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере): с 1931 г. по настоящее время.

В итоге коллекция Круковского оказалась сохранена. Хотя отсутствие полевой документации заметно снижает ее научную ценность, эти материалы несут важную информацию об одной из самых ярких страниц истории Костёнковско-Борщёвского археологического района — костёнковско-авдеевской культуре средней поры верхнего палеолита. Этот комплекс, сложившийся в Восточной Европе в период последнего оледенения, ярко демонстрирует способность древнего человека не только выживать в суровых условиях приполярной тундры, но и создавать в этих условиях сложную оригинальную культуру (Аникович 2019).

Благодарности

Автор выражает благодарность переводчице со славянских языков Златиславе Юрьевне Страховой за перевод письма С. Круковского к К. Столыгво от 28 сентября 1915 г. и ведущему научному сотруднику отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, доктору исторических наук Надежде Игоревне Платоновой за устную консультацию по вопросу работ научной экспедиции Н. Я. Марра на Кавказе в 1916 г.

Источники и литература

- ГАМ. Ф. 6205. № 75. Письмо Стефана Круковского Казимежу (Казимиру) Столыгве от 28 сентября 1915 г. 3 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г.
- Д. 866. Полевой дневник раскопок стоянки Костёнки I. 28 л.
- Д. 871. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Начало отчета о работах. Описание поделок из кости и мергеля. Описание статуэток, находящихся в экспозиции МАЭ. Сравнительный список фауны стоянок Костёнки I, Гагарино, Мезин и др. Список фотоотпечатков экспедиции. Список особо выделяющихся материалов. Указатель распределения документальных материалов экспедиции по описям, чертежам и дневникам. 461 л.
- МАЭ РАН. № 5346. Описание коллекции, собранной С. Круковским на стоянке Костёнки I/I в 1915 г. 70 л.
- Аникович 2019 — *Аникович М. В.* Днепро-Донская историко-культурная область: виллендорфско-павловско-костёнковское единство в Восточной Европе // Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. II: Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти М. В. Аниковича / С. Н. Лисицын (ред.), Н. И. Платонова (отв. ред.-сост.). СПб.: Издательство Arx longa, 2019. С. 11–98.
- Аникович и др. 2008 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.
- Басаргина 2009 — *Басаргина Е. Ю.* Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889–1917 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 439 с.
- Бибиков 1984 — *Бибиков С. Н.* Пётр Петрович Ефименко: к столетию со дня рождения // СА. 1984. № 4. С. 287–290.
- БСЭ 1976 — Большая Советская энциклопедия. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1976. Т. 24, кн. I. 687 с.
- Бухтоярова 2013 — *Бухтоярова И. М.* Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 22 с.
- Васильев и др. 2007 — *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырёхязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.
- Вейнберг 1885 — *Вейнберг Л. Б.* Воронежский край: исторический очерк. Вып. 1. Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1885. 122 с.
- Вейнберг 1886 — *Вейнберг Л. Б.* Город Воронеж (исторический очерк). Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1886. 218 с.
- Вейнберг 1891 — *Вейнберг Л. Б.* Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1891. 106 с.
- Голубева 2002 — *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр. СПб.: Российская национальная библиотека, 2002. 280 с.
- Ефименко 1915 — *Ефименко П. П.* Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества. 1915. Т. 5. С. 13–26.
- Ефименко 1958 — *Ефименко П. П.* Костёнки I. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 452 с.
- Замятнин 1922 — *Замятнин С. Н.* Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж: Тип. 1 отделения автономного управления, 1922. 16 с.
- Захарова 2006 — *Захарова Е. Ю.* Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник Воронежского ГУ. Серия: история, политология, социология. 2006. № 1. С. 71–75.

- Захарова 2014 — *Захарова Е. Ю.* Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее // Вестник Воронежского ГУ. Серия: история, политология, социология. 2014. № 2. С. 49–53.
- Марков 1872 — *Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Картина крымской жизни, природы и истории. СПб.: Тип. К. Н. Плотникова, 1872. 506 с.
- Марков 1891а — *Марков Е. Л.* Древний город Костёнки // Русский вестник. 1891. Т. 217, № 12. С. 72–90.
- Марков 1891б — *Марков Е. Л.* Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 515 с.
- Марков 1891в — *Марков Е. Л.* Поездка в Дивногорье // Русский вестник. 1891. Т. 214, № 5–6. С. 128–182.
- Марков 1891г — *Марков Е. Л.* Червлёный Яр // Русский вестник. 1891. Т. 215, № 8. С. 96–117.
- Марков 1891д — *Марков Е. Л.* Хазарские городища на реке Воронеж // Русский вестник. 1891. Т. 217, № 11. С. 124–135.
- Палеолит... 1982 — Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. 285 с.
- Платонова 1999 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1999. Вып. 5. С. 371–382.
- Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Платонова 2022 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр (1864–1934) // Горнчаровский В. А. (науч. ред.-сост.). Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 68–99.
- Поляков 1879 — *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императорской АН, 1879. 88 с.
- Праслов 1999 — *Праслов Н. Д.* Сергей Николаевич Замятин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899 — 5.11.1958) // Stratum plus. 1999. № 1. С. 7–9.
- Праслов, Желтова 2007 — *Праслов Н. Д., Желтова М. Н.* Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 182–192.
- Пьяных 1970 — *Пьяных М. М.* Воронежский сельскохозяйственный институт имени К. Д. Глинки. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1970. 204 с.
- Стрижёв, Бирюкова 2019 — *Стрижёв А. Н., Бирюкова М. А.* Евгений Львович Марков (1835–1903): материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 195–208.
- Третьяков 1970 — *Третьяков П. Н.* Пётр Петрович Ефименко // СА. 1970. № 1. С. 310–312.
- Формозов 2004 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
- Хлопачев 2016 — *Хлопачев Г. А.* Музей антропологии и этнографии — крупнейший собиратель древностей каменного века: история и особенности формирования коллекционного фонда // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Верхний палеолит: образы, знаки и символы. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 12–21.
- Шапиро 2016 — *Шапиро А. В.* П. П. Ефименко в истории отечественного палеолитоведения: исторический диапазон мнений // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 4 (10). С. 51–58.
- Debénath, Rigaud 1991 — *Debénath A., Rigaud J.-Ph.* La Micoque // Gallia Informations Préhistoire et Histoire. 1991. Vol. 1. S. 21–25.
- Jaskinia... 2019 — *Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji.* Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 386 s.
- Karczewski 2013 — *Karczewski M.* Stefan Krukowski (1890–1982) — kustosz państwowego muzeum archeologicznego w Warszawie // Seminare. 2013. Vol. 34. S. 253–268.

- Klecha, Krajewska 2019 — *Klecha A., Krajewska M.* Erazm Majewski — pierwszy profesor archeologii przedhistorycznej w Uniwersytecie Warszawskim. Warszawa: Muzeum Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 30 s.
- Kot et al. 2019 — *Kot M., Szeliga M., Wojenka M.* Badania wykopaliskowe Stefana Krukowskiego w dolinie Sąspowskiej // *Wiadomości Archeologiczne*. 2019. No. 70. S. 65–92.
- Kozłowski 2007 — *Kozłowski S. K.* Stefan Krukowski. Narodziny giganta, Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne istowarzystwienie naukowe archeologów polskich oddział w Warszawie. 2007. 224 s.
- Kozłowski 2020 — *Kozłowski S. K.* Profesor Erazm Majewski // *Światowit*. 2020. No. 59. S. 213–220.
- Krukowski 1939 — *Krukowski S.* Paleolit polski. Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1939. 117 s.
- Lech 1992 — *Lech J.* Stefan Krukowski i początki badań nad pradziejowym górnictwem krzemienia w Polsce (1919–1939) // *Lech J., Partyka J.* (eds.). Prof. Stefan Krukowski (1890–1982): działalność archeologiczna i jej znaczenie dla nauki polskiej. Ojców: OPN, 1992. S. 129–162.
- Makowski 1988 — *Makowski H.* Jan Samsonowicz (w rocznicę 100-lecia urodzin) // *Przegląd Geologiczny*. 1988. No. 36. S. 1–5.
- Trzop-Szczypiorska 2017 — *Trzop-Szczypiorska A.* Profesor Stefan Wincenty Krukowski — pionier badań nad paleolitem Zakaukazia // *Ad Rem. Kwartalnik Akademicki*. 2017. No. 4. S. 4–8.
- Woźny 2021 — *Woźny M.* Leon Kozłowski (1892–1944) — krakowskie tapżyciana Ukowca, żołnierza, polityka // *Przegląd archeologiczny*. 2021. No. 69. S. 243–278.

STEFAN KRUKOWSKI'S EXCAVATIONS AT THE UPPER PALEOLITHIC SITE KOSTENKI 1/I

R. V. PAKHOMOV

Keywords: *Stefan Krukowski, Kostenki, State Archaeological Museum in Warsaw, Warsaw Scientific Society, Erasmus Majewski, Kazimierz Stołyhwo, Leon Kozłowski, Jan Samsonowicz, Polish Academy of Sciences, P. P. Efimenko*

The paper is devoted to the excavations conducted by the Polish archaeologist Stefan Krukowski at Kostenki 1/I in 1915. To study this episode the author analyzed the Russian and Polish publications relevant to the subject, as well as archive materials from the State Archaeological Museum in Warsaw and Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera). As a result, it has been found that from July through September of 1915 S. Krukowski carried out extensive excavations at Kostenki. The resultant collection consisted of 350 stone artifacts, including tools and art objects. On the basis of this material, layer I of Kostenki 1 was interpreted by Krukowski as a Solutrean site. At present it became possible to clarify the difficult history of the collection and the reasons why Krukowski was not able to bring it to Warsaw.

ОБ ОДНОМ ЭКСПОНАТЕ МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Н. А. ПАВЛИЧЕНКО²

Ключевые слова: древнегреческая эпиграфика, аттические надписи, проект Русской археологической школы в Афинах, Д. Н. Корольков, А. В. Никитский, Ф. Ф. Соколов.

В статье рассматривается история происхождения одного экспоната Музея древностей Петербургского университета — аттической лапидарной надписи CIA II. 1. 585. Издателю второго тома *Corpus inscriptionum Atticarum* У. Кёлеру (U. Köhler) ее местонахождение было неизвестно. С помощью архивных документов удается уточнить обстоятельства, благодаря которым эта надпись попала в Музей древностей.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-97-100

В фонде выдающегося русского антиковеда и эпиграфиста А. В. Никитского (СПбФ АРАН. Ф. 84) сохранилась переписка с его учителем, профессором историко-филологического факультета Петербургского университета и Петербургского историко-филологического института Ф. Ф. Соколовым (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 51, 55; Кулишова 2024: 2104–2113). Большая ее часть относится к 1883–1885 гг., когда Никитский находился в Греции в качестве стипендиата Министерства народного просвещения и был одним из выпускников историко-филологического факультета Петербургского университета и Петербургского историко-филологического института (ПИФИ), командированных в Грецию в 1880-е — первой половине 1890-х гг. Эти командировки были связаны с проектом создания в Афинах Русской археологической школы, подобной существовавшим там с середины XIX в. Французской археологической школе (École française d'Athènes) и Афинскому отделению Немецкого археологического института (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Athen). Во время обсуждения вопроса об основании Русской школы в Афинах директор ПИФИ К. В. Кедров, мнение которого оказалось в итоге решающим, счел, что для этого недостает научных кадров должного уровня. С целью их подготовки и были организованы командировки молодых ученых в Грецию.

Как видно из инструкции, данной А. В. Никитскому перед поездкой в Афины (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2об.), он должен был не только каждые полгода представлять отчеты для конференции ПИФИ, но и регулярно писать Ф. Ф. Соколову. Основным содержанием этой переписки было обсуждение тех или иных греческих надписей из собраний музеев или из числа новых находок, либо же интересовавших самого Соколова.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» в ИИМК РАН.

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

© Павличенко Н. А., 2024

4 июля 1884 г. Соколов писал Никитскому: «О[тец] иеромонах Агафангел (священник фрегата „Герцог Эдинбургский“)³ привез мне камень от отца архимандрита Анатолия⁴ и Д. Н. Королькова⁵. Камень сей есть, как Вы знаете, ψήφισμα τοῦ δήμου τοῦ Αἰξωνέων⁶, напечатанное курсивом в СИА II. 1, № 585. Ubi nunc lapis sit, ignoratur⁷. Lapis теперь у меня на окне. Под строжайшим секретом осмеливаюсь Вам доложить, что идея прислать в Петербург этот камень весьма нелепа. К чему из числа десятков тысяч греческих камней один возить в Петербург, не знаю. И греки недовольны вывозом древностей, и камень отправлен тайком (в ящике закрыт пальто Королькова, мусором и книгами — м[ежду] пр[очим] Логикой Владиславлева⁸). А ведь нам надобно с греками жить дружно. Но не говорите дорогому отцу архимандриту о моем таком непочтительном отзыве. Я буду ему писать и должен буду даже благодарить за присылку. Из-за того, что Блудов⁹ не отдал найденных им камней в какой-либо греческий музей, и Кёлер¹⁰ ignorabat¹¹, и один из двух камней исчез неизвестно куда. Правда, и греки держат свои камни непочтительно в сырых подвалах» (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. Л. 18об.–19).

История с этой надписью нашла отражение в инструкции, данной следующему стипендиату, Н. И. Новосадскому, перед его поездкой в Афины в 1884–1886 гг. В ней особо отмечается, что «нет никакой нужды держать в тайне те надписи или те вещи, которые случится отыскать; нет никакой нужды стараться какую-нибудь вещь секретно провезти в Россию; всякую находку следует жертвовать в Афинское археологическое общество» (Белюсов 2018: 80). В аналогичной инструкции, полученной годом ранее Никитским, ничего подобного не было (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2об.). Очевидно, что в этом пассаже проявилось отрицательное отношение Соколова к контрабандному вывозу греческих древностей. Почему архимандрит Анатолий и Д. Н. Корольков предприняли такое сомнительное действие? Возможно, потому что надпись происходила из раскопок, произведенных на средства А. Д. Блудова, тогдашнего чрезвычайного посланника при греческом дворе, и рассматривалась как принадлежащая Блудову.

³ «Фрегатский батюшка» иеромонах Агафангел упоминается в дневниках архимандрита Анатолия (Капустина) за 1881 г. в записях о посещении Святой земли вел. кн. Сергеем Александровичем, Павлом Александровичем и Константином Константиновичем, см.: Лисовой, Бутова 2011: записи за 20, 25 мая 1881 г. Фотографию иеромонаха Агафангела с великими князьями, командиром и членами экипажа крейсера «Герцог Эдинбургский» (Неаполь, 1881 г.) см.: *Historie & Militaria*. S. 92, № 175.

⁴ Имеется в виду настоятель русской посольской церкви в Афинах в 1879–1886 г. архимандрит Анатолий (Станкевич) (1821–1903).

⁵ Корольков Дмитрий Николаевич (1858–1942) окончил ПИФИ в 1881 г., был командирован в Грецию в 1882–1884 гг. Являлся учеником Ф. Ф. Соколова, который прочил ему блестящую научную карьеру. После возвращения из Греции, по-видимому, из-за проблем со здоровьем оставил занятия эпиграфикой (Павличенко и др. 2024. В печати).

⁶ «Постановление дема эксонейцев» (древнегреч.).

⁷ «Где теперь камень, неизвестно» (лат.).

⁸ Имеется в виду следующий учебник: Владиславлев М. И. Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 262 с.

⁹ Блудов Андрей Дмитриевич (1817–1886) — граф, дипломат, коллекционер произведений античного и западноевропейского искусства. В 1861–1865 гг. являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром при греческом дворе.

¹⁰ Ульрих Кёлер (Ulrich Leopold Köhler, 1838–1903) — немецкий филолог-классик, эпиграфист, издатель второго тома корпуса аттических надписей (*Corpus inscriptionum Atticarum, consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editum*. Vol. 1–4. Berolini, 1873–1897). В 1875–1886 гг. был директором Афинского отделения Немецкого археологического института (*Deutsche Archäologische Institut, Abteilung Athen*).

¹¹ «не знал» (лат.).

«Камень», о котором идет речь, — это мраморная стела 340–339 гг. до н. э. (?) с почетным декретом в честь жителей дема Эксины Калликрата и Аристократа и нижней частью рельефа над надписью, один из двух эпиграфических памятников, найденных во время раскопок А. Д. Блудова в феврале 1864 г. в Пирнари (Аттика). Вплоть до конца 1880-х гг., благодаря расплывчатости формулировок греческого закона об археологических работах, такие раскопки считались законными, часть находок должна была отдаваться государству, что на деле далеко не всегда выполнялось (Galanakis, Skaltsa 2012: 638–641).

Обе надписи сразу же опубликовал А. Русопулос (Athanasios Rhousopoulos, 1823–1898) (Rhousopoulos 1864) — греческий археолог и антиквар, профессор Афинского университета, занимавшийся также торговлей древностями и поощрявший грабительские раскопки (Galanakis, Skaltsa 2012: 641–643). Русопулос в то время являлся одним из лучших знатоков рынка археологических находок, и неудивительно, что именно он оказался первым, кто опубликовал, очевидно, без ведома Блудова, новые памятники из частных раскопок.

По словам второго публикатора этого памятника, Э. Миллера (он ездил в Грецию по поручению Наполеона III и впоследствии доставил в Лувр несколько мраморных рельефов), Блудов не только позволил ему сделать эстампаж с его находки, но и дал право на публикацию. Благодаря этой надписи Миллер первым локализовал аттический δῆμος Αἰξωνέων (Miller 1865). Тогда же этот памятник становится известным и широкой греческой публике, и о находке сообщается в популярном афинском журнале ΧΡΥΣΑΛΛΙΣ (Е. Σ. 1865).

Где именно находилась эта надпись после 1865 г., остается неясным. Возможно, вплоть до 1884 г. она хранилась на территории русского посольства и по этой причине выпала из поля зрения антиковедов и эпиграфистов. У Кёлер в вышедшем в 1879 г. втором томе корпуса аттических надписей и затем Ш. Мишель отмечали, что местонахождение надписи им неизвестно (СИА II. 1. Р. 350, лемма № 585; Michel 1900: 157, № 152; ср. также IG II2 1202). Как сообщает Д. Акерман, давшая недавно исчерпывающий комментарий к этой надписи, считалось, что она была перевезена в Россию самим графом Блудовым вскоре после ее находки (Ackermann 2018: 126, 127).

Письмо Соколова доказывает, что камень попал в Россию только в 1884 г. О том, что происходило с этим камнем в Петербурге, сообщил С. А. Жебелев в некрологе Ф. Ф. Соколова, рассказывая о *privatissima* Соколова — занятиях по греческой эпиграфике, которые тот проводил у себя дома начиная с конца 1870-х гг. и вплоть до самой смерти. Он писал, что «в начале занятий Ф. Ф. обыкновенно показывал участвующим ту надпись в оригинале, которую ему привез из Афин один из его учеников и которую он позже подарил университетскому Музею древностей, и предлагал для практики попробовать читать по ней...» (Жебелев 1909: 61). Там она, очевидно, находилась вплоть до начала 1930-х гг., когда Музей прекратил свое существование. Его экспонаты были переданы в Эрмитаж (Тихонов 2016: 220, 221), где в настоящее время и хранится аттическая стела с декретом в честь Калликрата и Аристократа (шифр ГЭ. Инв. № ГР 15520 (A1105) по: Ackermann 2018: 127; <https://www.atticinscriptions.com/inscription/IGII2/1202>, дата обращения 16.11.2024).

Источники и литература

СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38: [Никитский А. В.] «Инструкция г. Никитскому, командируемому в Грецию на два года, с 1 июля 1883 года» за подписью Ф. Ф. Соколова. 2 л.; Д. 51: Никитский А. В. Черновики его писем к Ф. Ф. Соколову, К. В. Кедрову в Департамент Министерства народного просвещения, В. В. Латышеву. 1883–1885. 137 л.; Д. 55: Соколов Федор Федорович. Письма его к А. В. Никитскому. 1882–1885, 1901. 34 л.

Белоусов 2018 — Белоусов А. В. Николай Иванович Новосадский (1859–1941) — основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН // Труды кафедры древних языков. Вып. 5: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет. М.: Изд-во МГУ, 2018. С. 28–103.

- Жебелев 1909 — Жебелев С. А. Ф. Ф. Соколов (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Классическое отделение. 1909. Вып. 23, сентябрь. С. 17–64.
- Кулишова 2024 — Кулишова О. В. Из истории отечественной эпиграфики: переписка Ф. Ф. Соколова с А. В. Никитским // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 28 (2): Чтения памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2024. С. 2104–2113.
- Лисовой, Бутова 2011 — Дневник архимандрита Антонина (Капустина). Год 1881 / Издание подготовили Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова. М.: Индрик, 2011. 384 с.
- Павличенко и др. 2024 — Павличенко Н. А., Григорьева О. В., Горончаровский В. А. «...Нам нужно больше, гораздо больше надписей, и все-таки сыты не будем»: материалы о проекте создания Русского Археологического института в Афинах (из архивных собраний Санкт-Петербурга) // АВ. 2024. Вып. 45. В печати.
- Тихонов 2016 — Тихонов И. Л. Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. Вып. 16.1. С. 209–226.
- Ackermann 2018 — Ackermann D. Une microhistoire d'Athènes. Le dème d'Aixônè dans l'Antiquité. Athens: École Française d'Athènes, 2018. 588 p. (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome. 379).
- CIA — Corpus inscriptionum Atticarum, consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editum. Vol. 1–4. Berolini, 1873–1897.
- Galanakis, Skaltsa 2012 — Galanakis Y., Skaltsa S. Tomb Robbers, Art Dealers, and a Dikast's Pinakion from an Athenian Grave // Hesperia. 2012. Vol. 81 (4). P. 619–653.
- Historie & Militaria — Historie & Militaria. Raritäten der Zarenfamilie Romanow. Auktion XIII. 25. Juni 2020. Berlin, 2020. 136 S.
- IG II2 — Inscriptiones Graecae II et III. Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. 2nd ed. Pt. I–III / ed. Johannes Kirchner. Berlin, 1913–1940.
- Michel 1900 — Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles: Lamertin, 1900. 1000 p.
- Miller 1865 — Miller E. Inscription grecque nouvellement découverte aux environs d' Athènes // Revue Archéologique. Nouvelle Série. 1865. Vol. 11 (Janvier à Juin). P. 154–159.
- Rhousopulos 1864 — Rhousopulos A. S. Scavi attici di Aixone // Bulletino dell' istituto di corrispondenza archeologica per l' anno 1864. Roma, 1864. № VII (luglio). P. 129–132.
- Ε. Σ. 1865 — Ε. Σ. (Επαμεινώνδας Σταματιάδης) ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΑ. Ψήφισμα τοῦ δήμου τῶν Αἰξωνέων // ΧΡΥΣΑΛΛΙΣ. 1865. Τ. 3. Σ. 148–149.

ABOUT ONE OBJECT FROM THE ANTIQUITIES MUSEUM OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY

N. A. PAVLICHENKO

Keywords: *Ancient Greek epigraphy, Attic inscriptions, Russian Archaeological School in Athens, D. N. Korolkov, A. V. Nikitsky, F. F. Sokolov*

The paper considers the history of origin of one of the exhibit items from the Antiquities Museum of St. Petersburg University — an Attic lapidary inscription CIA II. 1. 585. U. Köhler, the editor of the second volume of Corpus inscriptionum Atticarum, did not know its location. The available archive documents make it possible to clarify the circumstances under which this inscription came to the Antiquities Museum.

ВСЕГДА ЛИ УСЕРДИЕ ПОХВАЛЬНО? (НЕБОЛЬШОЙ СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО)¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: история археологии, Херсонес Таврический, Н. П. Кондаков, раскопки частных лиц.

В статье приведены архивные материалы об одном эпизоде, связанном с раскопками Херсонеса Таврического в 1889 г. Тогда отставной рядовой Р. И. Шевченко сообщил властям, что знает место, на котором зарыт древний клад. Н. П. Кондаков дал разрешение на раскопки, но они не привели к открытию сокровищ. В дальнейшем Р. И. Шевченко упорно добивался продолжения этих раскопок, но разрешения на их проведение ему уже не давали.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-101-106

Научный архив ИИМК РАН хранит огромное количество документов, характеризующих развитие археологии в нашей стране начиная со времени проявления интереса к древним артефактам вплоть до наших дней. Многие из этих документов можно признать судьбоносными, поскольку они закладывали принципы создания археологических учреждений, ставили перед ними задачи исследований, определяли методику проведения раскопок и т. д. Особую ценность, конечно, имеют отчеты о предпринятых раскопках, хотя в XIX — начале XX в. они часто весьма несовершенны. Архивные материалы содержат также немало документов, которые не привлекают внимания большинства современных исследователей (финансовые отчеты, переписку с малоизвестными личностями и пр.), но, тем не менее, и они позволяют лучше понять некоторые особенности состояния российской археологической науки, приблизиться к пониманию некоторых реалий повседневной жизни людей, эту науку творивших.

Моя небольшая заметка посвящена эпизоду, имевшему место при раскопках Херсонеса Таврического в конце XIX в. Как известно, Императорская археологическая комиссия в 1887 г. поручила проведение исследований на городище профессору Н. П. Кондакову. На следующий год они были начаты, но руководил ими К. К. Косцюшко-Валюжинич, а Н. П. Кондаков осуществлял лишь общий надзор за проведением работ (Романчук 2008: 68, 76; 2018: 206, 207; Стоянов 2019: 750–753; Виноградов 2024: 20–25). В 1889 г. раскопки были продолжены в обозначенном русле и дали очень важные научные результаты (см.: ОАК 1889: 13–15; Мальмберг 1892; Романчук 2008: 76–80), но не о них сейчас речь.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

© Виноградов Ю. А., 2024

В архивном деле «О продолжении археологических раскопок на месте древнего Херсонеса», относящемся к этому году (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52), мое внимание привлекли документы, связанные с «археологической деятельностью» отставного рядового Р. И. Шевченко — человека, весьма далекого от этой области науки.

Первый раз его имя упомянуто в письме, направленном 27 июня 1889 г. из административного отдела Кабинета Его Императорского величества на имя временно исполняющего обязанности председателя Императорской археологической Комиссии В. Г. Тизенгаузена (Там же. Л. 121): «Проживающий в г. Севастополе, в новой Слободке, во 2-ой части, в собственном доме отставной рядовой Роман Иванович Шевченко³ ходатайствует о разрешении указать для раскопок известное ему место нахождения ценной древности.

По этому поводу объявлено Шевченко, что сведения о месте нахождения древностей он может сообщить тому лицу, которое будет на то уполномочено от Императорской Археологической Комиссии».

Делопроизводитель Археологической комиссии И. А. Суслов обратился по этому вопросу к Н. П. Кондакову 9 июля 1889 г. (Там же. Л. 122): «По содержанию отношения Кабинета Его Величества, в копии при сём прилагаемой, полученною в Комиссии за несколько минут пред отъездом барона В. Г. Тизенгаузена на дачу, который не имел времени лично написать Вашему Превосходительству и потому поручил мне обратиться к Вам от имени его с покорнейшею просьбою войти в переговоры с рядовым Шевченко относительно указания им места нахождения древности. Если из объяснения с ним окажется, что он может указать место открытия катакомбы или гробницы, в которых возможно будет предположить находку древностей, то барон просит Вас предложить Шевченко вознаграждение, смотря по обстоятельствам, по Вашему усмотрению, впрочем желательно было бы не свыше ста руб. О последующем же по этому предмету благоволите сообщить Комиссии. Легко может быть, что Вы будете поставлены в недоумение, отчего же Комиссия беспокоит Вас по этому делу, а не обратилась прямо от себя к К. К. Косцюшко. На это заранее спешу ответить: В. Г. (В. Г. Тизенгаузен. — Ю. В.) предполагает, что Шевченко почему-либо не нашел для себя удобным входить в отношение с г. Косцюшко, или, может быть, обращался к нему, но из этого ничего не вышло, и поэтому счел лучшим обратиться в Министерство Двора. Вас же Комиссия беспокоит как лицо, руководящее по поручению ея раскопками в Херсонесе».

Н. П. Кондаков в письме к В. Г. Тизенгаузену, направленном из Симферополя 13 октября 1889 г., в частности, отметил: «Отсюда (из Симферополя. — Ю. В.) я еду назад в Севаст<ополь> по делу Шевченка и для устройства раскопок и церкви» (Там же. Л. 43).

«Дело Шевченка», как явствует из документов, сводилось к тому, что тот стремился предпринять раскопки на городище с целью отыскания какого-то клада на месте, известном ему одному. По этому вопросу он обращался в самые высокие (высочайшие!) инстанции, и, наконец, к его решению была привлечена Императорская археологическая комиссия.

Нет сомнения, что встреча Н. П. Кондакова с Р. И. Шевченко состоялась, и отставной рядовой получил разрешение (скорее всего, устное) на проведение изысканий. Стоит отметить, что частным лицам в то время допускалось проведение раскопок, но непременно под наблюдением археологов. К примеру, такая практика существовала в Керчи (Виноградов 2012: 207, 216, 217; 2019: 451, 458), так что Н. П. Кондаков, прекрасно знакомый с опытом керченских коллег, имел полное право использовать его и в Херсонесе. В общем, раскопки на месте, указанном отставным рядовым, были предприняты; их результаты он кратко изложил в прошении (к сожалению, не датированном)⁴, направленном Н. П. Кондакову (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. Л. 124): «Ваше превосходительство! Я исполнил в точности Ваше приказание и указал место раскопки. Начались работы,

³ Все подчеркнутые слова выделены таким образом в документах. — Ю. В.

⁴ Надо отметить, что все документы, исходящие от Р. И. Шевченко, составлены писарями с хорошим почерком, но на них имеется подпись автора посланий, написанная жуткими каракулями.

открыли несколько мраморных столбов, но, видя, что далее место не пустое, что там находится погреб, приказчик велел прекратить работы, а потому я имею честь просить милостивейшего разрешения Вашего Превосходительства продолжить начатые работы».

Н. П. Кондаков оставил резолюцию по этому вопросу прямо на прошении Р. И. Шевченко (Там же. Л. 124–124об.): «Ввиду того, что по указанию Шевченки раскопка на всем пространстве, где он заявлял клад, уже произведена, и, таким образом, его претензия вполне удовлетворена, а всякие дальнейшие его требования указывают на места, где сама Комиссия производит раскопки, я полагаю, что Шевченко должно отказать. Кроме того, следует ему объяснить через полицейское начальство, что на его дальнейшие требования можно смотреть как на желание эксплуатировать правительственные раскопки в свою пользу».

Следуя этой резолюции, 6 октября 1889 г. из Археологической комиссии в Кабинет его императорского величества было направлено донесение, в котором, в частности, сообщалось, что переговоры с Р. И. Шевченко были поручены члену комиссии, действительному статскому советнику Н. П. Кондакову.

«Ныне г. проф<ессор> Кондаков сообщил Археол<огической> Комиссии, что раскопка на всем пространстве, указанном Шевченко, произведена, а затем дальнейшие его желания ясно доказывают, что он намерен эксплуатировать в свою пользу производимые Археологической Комиссией по Высочайшему повелению археологические исследования на месте древнего Херсонеса. Поэтому Комиссия считает нужным домогательства рядового Шевченки отклонить, о чем вместе с сим сообщено ему через Севастопольское Полиц<ейское> Управление» (Там же. Л. 133).

Действительно, в тот же день, 6 октября, В. Г. Тизенгаузен направил в Севастопольское полицейское управление послание следующего содержания (Там же. Л. 132, 136): «Имп<ераторская> Археол<огическая> Комиссия имеет честь покорнейше просить Севастопольское Полицейское Управление объявить отставному рядовому Роману Иванову Шевченко, проживающему в Новой Слободке, в собственном доме, что на указанном им в развалинах Херсонеса месте нахождения будто бы ценных древностей, по распоряжению Комиссии были произведены раскопки, однако же не приведшие к находке отыскиваемого Шевченкою клада. Затем на дальнейшие предложения его по этому предмету Комиссия смотрит как на желание его эксплуатировать в свою пользу археологические исследования, производимые по Высочайшему повелению в видах научных, а не с целью отыскания каких-то ценных кладов».

Полицейские власти исполнили эту просьбу: с Р. И. Шевченко была проведена соответствующая беседа и взята расписка, направленная в Археологическую комиссию. «1889 года октября 21-го дня я нижеподписавшийся отставной рядовой Роман Иванов Шевченко даю сию подписку уряднику 2-го участкового полицейского управления Севастопольского Градоначальства Трапезарову в том, что содержание предписания Императорской Археологической Комиссии от 6-го сего октября за № 981 мне объявлено, в том и подписываюсь» (Там же. Л. 135).

Несмотря на вмешательство полицейских властей, Р. И. Шевченко не отказался от своих намерений и всячески стремился продолжить раскопки. Через два года после описанных событий он решил обратиться за помощью в Императорскую главную квартиру, расположенную в Севастополе. Оттуда 7 декабря 1891 г. было направлено письмо в Археологическую комиссию.

«Командующий Императорскою Главною Квартирою препроводил в Министерство Внутренних Дел всеподданнейшее прошение отставного рядового Романа Шевченко о дозволении ему продолжить начатые им будто бы раскопки на месте древнего Херсонеса, близ Севастополя, и о предоставлении для этой цели в его распоряжение десяти рабочих.

Принимая во внимание, что первоначальное разрешение на производство объясненной раскопки, по заявлению просителя, было дано ему Императорскою Археологическою Комиссиею, Департамент Общих Дел имеет честь препроводить при сем настоящее

прошение Шевченко на усмотрение Комиссии и покорнейше же просит уведомить о последующих с его стороны распоряжениях по сему предмету» (Там же. Л. 129).

В ответ на это председатель Археологической комиссии А. А. Бобринской был вынужден направить 3 января 1892 г. письмо в Департамент общих дел Министерства внутренних дел Российской империи, в котором отметил, что «домогательства отставного рядового Романа Шевченко не заслуживают уважения, так как он известен Комиссии недобросовестными доносами и неосновательными указаниями мест раскопок» (Там же. Л. 131).

Дело, однако, на этом не кончилось, поскольку 20 сентября 1894 г. Р. И. Шевченко подал прошение на имя самого государя императора, направив его в уже знакомую нам Главную императорскую квартиру в г. Севастополе. С него была снята копия и послана в Археологическую комиссию. Этот документ, написанный своеобразным языком и почти лишенный знаков препинания, очень ценен, поскольку открывает причину удивительного упорства отставного рядового. Приведу его прошение полностью.

«Ваше Императорское Величество Всемилостивейший Государь, Августейший Монарх.

По всеподданнейшему прошению моему, поданному Вашему Императорскому Величеству в мае м-це 1889 года с заявлением указания местности о нахождении древности при Херсонесе, мне дозволено было с разрешения Вашего Величества заведующим по раскопке и розыске древностей генералом Кондаковым производить в указанных мною местах раскопку с предоставлением в мое распоряжение по мере надобности рабочих людей, каковую раскопку я производил в течение 14 дней, причем открыто в 30 сажнях от существующей в Херсонесе Церкви древнюю ветхую Церковь, заключающуюся из 4-х стен синеватого мрамора о трех дверях, в коих одне с вырезанными крестами на колоннах, и четвертые двери в кладовую, уже открытую, с которой, по всем признакам, должен быть в глубину подземный ход, а между тем, по бывшему мне свыше привидению Божию, я смело могу удостоверить, что там должны быть драгоценные древности и мощи Св<ятого> Равноапостольного Князя Владимира с его семейством, но продолжать далее окончанием раскопки в эту глубину мне директором Костюшкой отказано.

А потому, имея ревностное и душевное желание, Богом мне внушаемое, достигнуть цели посредством раскопки в глубину, мною указанную, и отыскать вышесказанные мною драгоценности и св<ятые> мощи, я всеподданнейше прошу Ваше Величество не откажите, если найдете возможным, повелеть Вашею Августейшею властью дозволить мне докончить уже начатую цель в возможно скорейшем времени, каковую я могу исполнить с 4-мя рабочими на свои средства не более, как за два или три дня, причем присовокупляя, что я это желаю сделать не с целью за какое-либо вознаграждение, но для успокоения жизни моей при старости лет собственно потому, что мне нет никогда покоя о<т> мысли непременно достигнуть раскопкой и отысканием сказанных мною драгоценностей и святости, в сновидении мною часто видимой, и по достижении мною этой цели, я могу спокойно умереть, а до того за такое милостивое Вашего Величества соизволение вечно буду Бога молить о послании здоровья и благополучия Вашему Величеству и всему Августейшему Дому Вашему на многия, многия лета.

Вашего Императорского Величества верноподданный Отставной рядовой Роман Иванов Шевченко» (Там же. Л. 138).

Прошение отставного рядового чрезвычайно любопытно. Стоит обратить внимание, что он назвал Н. П. Кондакова генералом и, в общем, имел на это право, поскольку по существующей в Российской империи «Табели о рангах» гражданский чин действительного статского советника, которым обладал Никодим Павлович, соответствовал званию генерал-майора.

Из приведенного документа, наконец, становится ясной причина, побудившая Р. И. Шевченко столь упорно заниматься поисками древнего клада. Причина крылась в видении или в «привидении Божиим», как его назвал сам проситель. Иными словами, место сокрытия клада было указано ему свыше, после чего подтверждалось в сновидениях. Вряд ли следует считать, что Роман Иванович покровил душой, — очень может быть,

что он действительно увидел чудесный сон, посчитав его вещим. Почти нет сомнения, что мысли о кладе (и о мощах Владимира Святого!) мучили несчастного человека, навязчивое желание найти все это, очевидно, лишало его покоя. Стоит напомнить, что с подобным чудесным сном связано открытие Пуленцовского клада в Тамани в 1846 г. (Ашик 1848: 17–19; Гёрц 1898: 37–44; Тункина 2002: 579–582). К 1889 г. российская археологическая наука уже в основном избавилась от увлечения поисками сокровищ, ставя перед собой задачи, связанные с изучением историко-культурного развития древних и средневековых обществ.

Окончательный ответ на слезное прошение Р. И. Шевченко был дан А. А. Бобринским 15 октября 1894 г. В письме на имя командующему Главной императорской квартирой в Севастополе он заключил, что «просимое разрешение уже дано было Шевченки⁵ в 1889 г., но произведенные им тогда на казенный счет и под наблюдением проф. Кондакова раскопки на указанном им месте не дали никаких результатов, вследствие чего все дальнейшие его домогательства были отклонены и что в настоящее время, как и прежде, Императорская Археологическая Комиссия со своей стороны находит совершенно невозможным разрешить Шевченки испрашиваемые им раскопки» (Там же. Л. 139).

На этом «археологическая деятельность» отставного рядового, скорее всего, закончилась. Рассматривая все ее обстоятельства, остается признать, что в области археологии усердие похвально не всегда.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 52. О продолжении раскопок в Херсонесе. 218 л.

Ашик 1848 — Ашик А. Воспорское царство. Одесса: Типография Т. Неймана, 1848. Т. 2. 88 с.

Виноградов 2012 — Виноградов Ю. А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь; Керчь: Керченська міська друкарня, 2012. 368 с. (Боспорские исследования. Вып. 27).

Виноградов 2019 — Виноградов Ю. А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Мусин А. Е., Медведева М. В. (науч. ред.-сост.). Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. 2-е изд. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 354–536.

Виноградов 2024 — Виноградов Ю. А. Н. П. Кондаков и Императорская археологическая комиссия // Васильев С. А. (отв. ред.). Сохраняя российское и мировое культурное наследие. 165 лет Императорской археологической комиссии. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 15–25.

Гёрц 1898 — Гёрц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1898. 152 с. (Гёрц К. К. Собрание сочинений, изданное Императорской АН. Вып. 2).

Мальмберг 1892 — Мальмберг В. К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах // Древности Южной России. СПб.: Тип. Императорской АН, 1892. С. 1–31 (МАР. № 7).

ОАК 1889 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г. СПб.: Тип. Императорской АН, 1892. 127 с.

Романчук 2008 — Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2008. 720 с.

Романчук 2018 — Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Биография и некоторые аспекты деятельности // Майко В. В. (отв. ред.). Археология античного и средневекового города. Севастополь; Калининград: РОСТ–ДОАФК, 2018. С. 205–216.

⁵ Так в источнике. — Ю. В.

Стоянов 2019 — *Стоянов Р. В.* Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Мусин А. Е., Медведева М. В. (науч. ред.-сост.). Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. 2-е изд. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 743–782.

Тункина 2002 — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

**IS EAGERNESS ALWAYS COMMENDABLE?
(A SMALL SUBJECT FROM THE HISTORY OF THE STUDY
OF TAURIC CHERSONESOS)**

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *history of archaeology, Tauric Chersonesos, N. P. Kondakov, excavations by private persons*

The paper presents archive materials about an incident associated with the excavations at Tauric Chersonesos in 1889. It happened in that year that an ex-soldier named R. I. Shevchenko informed the authorities that he knew a place where an ancient hoard had been buried. N. P. Kondakov authorized the excavations, but they did not lead to the discovery of treasures. Thereafter, R. I. Shevchenko stubbornly insisted on the continuation of the excavations, but failed to obtain permission.

ЛИКВИДАЦИЯ СКЛАДА ДРЕВНОСТЕЙ: ПРИЧИНЫ, СОБЫТИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹

К. В. КОНОНЧУК, Д. С. ФИЛИМОНОВА²

Ключевые слова: *Склад древностей, РАИМК, ГАИМК, археологические коллекции, история археологии.*

Статья посвящена последнему периоду (1930–1931 гг.) истории Склада древностей. Анализ архивных документов позволил установить предпосылки ликвидации Склада древностей и реконструировать хронологию данного процесса. Установлено, что научно-вспомогательное учреждение, созданное в 1919 г. для систематизации археологических коллекций бывшей Археологической комиссии, к середине 1920-х гг. во многом справилось с этой задачей. С 1925 по 1927 г. сотрудники Склада древностей регистрировали в книге поступлений преимущественно коллекции, полученные в процессе текущих археологических работ. В это же время интенсифицировалось распределение по музеям ранее зарегистрированных артефактов, что приводило к неуклонному сокращению числа коллекций, хранящихся на Складе древностей. В 1930 г. заместитель председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисов, осуществлявший реорганизацию Академии, принял решение о ликвидации Склада древностей. Вместо него предполагалось создать структуру, занятую обработкой материалов, поступающих из экспедиций сотрудников ГАИМК. Ликвидацию Склада древностей проводила комиссия, возглавляемая В. В. Гольмстен. В результате работы комиссии с сентября 1930 по февраль 1931 г. значительная часть коллекций была передана в музеи Ленинграда. Отдельные коллекции, хранившиеся на Складе древностей, оставались в ГАИМК вплоть до середины 1930-х гг.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-107-115

В Российской Академии истории материальной культуры (далее — РАИМК) работало до семи научно-вспомогательных учреждений³. Некоторые из них до сих пор функционируют в ИИМК РАН, однако большинство со временем упразднили. К числу исчезнувших структур принадлежит и Склад древностей. События, связанные с его расформированием, произошли в короткий промежуток времени с зимы 1930 г. до весны 1931 г. В документах

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² К. В. Конончук, Д. С. Филимонова — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

³ В документах Академии можно встретить разные списки научно-вспомогательных учреждений. Так, в Уставе РАИМК 1919 г. к этой категории подразделений отнесены: Библиотека, Архив, Склад древностей, Склад изданий и Типография (Устав РАИМК 1919: 27–30). В отчете РАИМК за первое полугодие 1924/1925 гг. список научно-вспомогательных учреждений выглядит несколько иначе: Архив, Библиотека, Склад изданий, Склад древностей, Фотографический отдел и Канцелярия (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 771. Л. 72об.).

© Конончук К. В., Филимонова Д. С., 2024

Академии этот процесс обозначается словом «ликвидация». Этот термин точно передает суть произошедших событий, но не раскрывает их причин. Поэтому в начале статьи будут установлены проблемы функционирования подразделения и выявлены пути их решения, предлагавшиеся руководством Академии. В дальнейшем по архивным материалам авторы реконструируют хронологию ликвидации Склада древностей. Проведенный при этом критический обзор документации, сопровождающей данный процесс, поможет определить причины и краткосрочные последствия упразднения научно-вспомогательного подразделения.

Склад древностей создали в 1919 г. для учета, хранения и передачи в музеи археологических и художественных коллекций, поступивших в разряды РАИМК из Археологической комиссии. Со временем подразделение приняло материалы Русского археологического общества (далее — РАО), художественные коллекции Мраморного дворца и археологическое собрание А. А. Бобринского (Конончук, Филимонова 2023: 161). В первые годы существования Склад древностей пополнялся коллекциями бывшей Археологической комиссии. Подход к комплектованию изменился в 1925–1927 гг., когда подразделение начало принимать материалы текущих археологических работ. Наиболее многочисленными были коллекции, полученные в ходе Монголо-Тибетской экспедиции (Медведева и др. 2023: 27) и в результате работ брянского археолога-краеведа А. М. Романова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64. Л. 8об.). В конце 1920-х гг. количество материалов, регистрируемых в книге поступлений Склада древностей, сильно сократилось. При этом работа с коллекциями, сформированными в учреждениях Российской империи, стала занимать больше времени. С 1928 г. возобновилось описание предметов, вывезенных в 1922 г. из особняка А. А. Бобринского, а в 1929 г. на временное хранение (без регистрации в книге поступлений) в Склад древностей приняли коллекции, ранее принадлежавшие РАО, и материалы раскопок Д. В. Милеева у Десятинной церкви в Киеве (Там же: 1929 г. Д. 70. Л. 64об., 68).

В середине 1920-х гг. началось активное распределение накопленных в Складе древностей коллекций по музеям (Конончук, Филимонова 2023: рис. 2). Эта тенденция в совокупности с меняющимися принципами комплектования вынуждала руководство Академии задумываться об изменении формы работы Склада древностей. Именно об этом рассуждал С. А. Жебелёв в письме Н. Я. Марру от 8 июля 1925 г.: «В Академии теперь есть склад древностей, но роль его странная, вещи, находящиеся в нем, постепенно перевозятся в Эрмитаж или в Русский музей, где они, особенно в Эрмитаже, остаются под спудом, в ожидании, когда господа хранители соизволят их выставить. Если бы Академия завела свой музей (а не склад), то она перестала бы играть роль какой-то передающей инстанции...» (Ананьев, Бухарин 2020: 174).

Неопределенности положению Склада древностей добавляло отсутствие в Академии единой системы учета поступающих артефактов. Многочисленные разряды передавали в научно-вспомогательное учреждение коллекции Археологической комиссии после завершения их научной обработки. При этом предметы, собранные в ходе текущих археологических экспедиций ГАИМК, практически не попадали на Склад древностей. На неоднозначное восприятие подобной системы указывают строки из отчета подразделения: «Относительно общего вопроса о Складе Древностей желательно было бы, чтобы Производственное Собрание высказалось по вопросу о том, следует ли проводить все поступающие, хотя бы временно, в Академию коллекции через Склад Древностей для регистрации их. Такая постановка дела способствовала бы сосредоточению сведений о том, откуда поступили вещи и куда переданы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 70).

Таким образом, с середины 1920-х гг. количество коллекций на Складе древностей почти непрерывно сокращалось. Можно выделить три главные причины этого явления. Во-первых, существенная часть материалов Археологической комиссии была обработана, а новые поступления из этой категории принимались преимущественно на временное хранение. Во-вторых, ежегодно возрастало число коллекций из состава Склада древностей,

передаваемых в музей. В-третьих, предметы из текущих археологических исследований сотрудников ГАИМК практически не поступали на Склад древностей. Сочетание этих факторов неуклонно вело к ситуации, при которой Склад древностей мог просто опустеть.

Тем временем в работе Академии произошли серьезные изменения. В январе 1929 г. заместителем председателя ГАИМК был назначен Ф. В. Кипарисов, который начал процесс ее коренной реорганизации (Платонова 2010: 245–250). На заседании правления Академии 21 февраля 1930 г. Ф. В. Кипарисов доложил о желательности ликвидации Склада древностей и закрытии должности заведующего этим учреждением (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 9. Л. 16об.). В тот же день уволили исполняющую обязанности хранителя Е. П. Столицу⁴, а научно-техническая сотрудница А. О. Солнцева⁵ ушла в декретный отпуск до середины мая 1930 г. На ее место временно назначили С. А. Корсунскую, однако произошло это только в апреле 1930 г. (Там же: 1929 г. Д. 7. Л. 114; 1930 г. Д. 9. Л. 21об.). В условиях кадрового дефицита выдачу предметов со Склада древностей производил ученый секретарь ГАИМК И. И. Мещанинов (Там же: 1930 г. Д. 62. Л. 19, 24), который с осени 1928 г. занимал должность заведующего Складом древностей (Там же: 1929 г. Д. 70. Л. 64).

Подход руководства Академии к организации учетно-хранительской деятельности после упразднения Склада древностей отражен в проекте пятилетнего плана работы ГАИМК. В документе, составленном в марте 1930 г., упомянуто новое вспомогательное подразделение — «Склад материалов текущих полевых и экспедиционных работ», который должен был осуществлять учет и хранение коллекций, поступающих в разряды Академии перед их передачей в музей. Ключевое отличие новой структуры от Склада древностей заключалось в том, что в нее поступали артефакты, обнаруженные в экспедициях Академии (Там же: 1930 г. Д. 1. Л. 295).

В апреле 1930 г. к проверке ГАИМК приступила Комиссия по чистке при рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ). Проверяющие пришли к выводу, что структура Академии являлась «громоздкой», в связи с чем рекомендовали «объединить библиотеку и склад изданий, архив и фототеку и ликвидировать склад древностей» (Там же: 1930 г. Д. 4. Л. 92). Информация о недостатках, выявленных комиссией, содержится в «Докладе о результатах обследования и чистки ГАИМК». Авторы доклада отмечали «абсолютно неудовлетворительный контроль» за возвращением предметов, выданных во временное пользование, а также указывали на отсутствие «скрепленной Администрацией Академии» книги учета подобных материалов (Там же: Л. 209). Оценить правомерность данного замечания позволяет анализ документации Склада древностей. При временной выдаче артефактов в разряды Академии или в Институт археологической технологии составлялись расписки (Там же: 1929 г. Д. 70. Л. 69об.; Медведева и др. 2023: 39), а номера предметов перечислялись в годовом отчете Склада древностей (Там же: 1928 г. Д. 55. Л. 13об.). Показательным примером служит отправка уникальных тканей из коллекции П. К. Козлова в Москву для фотографирования и изучения. Передача производилась через академика С. Ф. Ольденбурга и сопровождалась составлением акта, а возвращение материалов на Склад древностей дополнительно подтверждалось распиской (Там же: 1930 г. Д. 62. Л. 27об., 28, 28об.).

Другое серьезное замечание, выдвинутое авторами доклада, касалось имущества Российского палестинского общества (далее — РПО), хранящегося на Складе древностей без

⁴ В документах Академии часто путали должности заведующего и хранителя Склада древностей (Медведева и др. 2023: 19; ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 470. Л. 20 и др.). Вероятно, подобное произошло и в данном случае. Согласно журналу заседаний правления ГАИМК была сокращена должность заведующего Складом древностей и уволена Е. П. Столица, которая временно ее занимала (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 9. Л. 16об.). Однако распоряжением № 51 от 9 января 1930 г. научно-технический сотрудник Е. П. Столица была назначена временно исполняющей обязанности хранителя Склада древностей (Там же: 1929 г. Д. 7. Л. 67).

⁵ А. О. Солнцева упоминается среди сотрудников Склада древностей с октября 1920 г., известно, что до 1929 г. она носила фамилию Григоль (Конончук, Филимонова 2023: 162).

инвентарных описей (Там же: 1930 г. Д. 4. Л. 209). Это научное общество занималось изучением истории Ближнего Востока и являлось преемником Православного палестинского общества, функционировавшего с 1882 г. В 1921 г. помещение РПО на Мытнинской улице национализировали (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 19. Д. 5. Л. 36, 36об.), а спустя два года временно приостановили и деятельность самого общества (Там же: Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 926. Л. 26, 28). Для сохранения уникальных материалов, накопленных РПО, Петроградское управление научных учреждений передало архив, библиотеку и музей общества во временное ведение РАИМК (Там же: Л. 38). Вывоз этого имущества происходил 26 октября 1923 г. В комиссию, принимавшую материалы, вошла сотрудница фотоотдела Т. М. Девель, замещавшая заведующего Складом древностей. При ее участии был составлен акт на 69 порядковых номеров, включавших более 300 предметов (Там же: Л. 57–58об.). Внешение данной коллекции в книгу поступлений Склада древностей могло не состояться из-за того, что в 1925 г. Главнаука вернула РПО хранящееся в Академии имущество. Однако из-за отсутствия у общества собственного помещения библиотека и музей так и остались в ГАИМК (Там же: Ф. Р-7384. Оп. 19. Д. 5. Л. 36).

Пятый пункт доклада содержит главный вывод членов комиссии: «Характер хранимого в складе материала, а также и система хранения указывают на то, что склад древностей является не временным учреждением, а учреждением более постоянного порядка, проявившего в данное время форму музея» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 4. Л. 209). Таким образом, комиссия по чистке подтвердила неопределенное положение Склада древностей в структуре ГАИМК. При этом замечания, касающиеся отсутствия некоторых форм учетной документации, выглядят натянутыми.

Решения, принятые по результатам обследования и чистки ГАИМК, отражены в проекте постановления Коллегии РКИ РСФСР. Согласно 11-му пункту этого документа, Склад древностей подлежал ликвидации, а материалы из его состава требовалось распределить, отдавая приоритет «местным музеям». Перед запуском процесса ликвидации выделялся двухнедельный период, необходимый для возвращения на Склад древностей всех предметов, находящихся во временном пользовании (Там же: 1930 г. Д. 4. Л. 213об.). Летом 1930 г. к работам по ликвидации подразделения приступить не успели: правление ГАИМК ожидало окончательных выводов комиссии Народного комиссариата РКИ, а большинство работников Академии находились в экспедициях (Там же: Д. 1. Л. 374, 433).

Во второй половине мая 1930 г. к работе в Складе древностей вернулась А. О. Солнцева, а замещавшую ее С. А. Корсунскую уволили с 1 июня 1930 г. (Там же: 1929 г. Д. 7. Л. 139). Делопроизводственная документация свидетельствует о том, что А. О. Солнцева исполняла обязанности научно-технического сотрудника вплоть до декабря 1930 г. (Там же: 1930 г. Д. 62. Л. 22, 30, 33–44). Последним актом ее работы в Складе древностей стал осмотр (в составе комиссии) тканей из коллекции П. К. Козлова, проведенный 2 декабря 1930 г. (Там же: Л. 23). За день до этого, 1 декабря 1930 г., вышло распоряжение об увольнении А. О. Солнцевой. В документе ей предписывалось «опечатать помещение склада древностей, печать и ключи сдать Ученому Секретарю» (Там же: Д. 11. Л. 85). На этом закончился трудовой путь сотрудника, проработавшего в Складе древностей более 10 лет.

Процесс расформирования Склада древностей запустили распоряжением по Академии № 183 от 11 сентября 1930 г. Согласно этому документу создавалась комиссия по составлению плана ликвидации Склада древностей и распределению по музеям хранящихся в нем материалов. Ее председателем была назначена В. В. Гольмстен (Там же: 1929 г. Д. 7. Л. 203). О ленинградском периоде жизни В. В. Гольмстен сохранилось мало данных, известно, что она перешла на работу в ГАИМК из Самарского университета в сентябре 1929 г. и сделала в Академии стремительную карьеру (Кузьминых и др. 2007: 36, 38, 39). Именно рукой В. В. Гольмстен 9 октября 1930 г. было написано «Постановление Комиссии по ликвидации Склада Древностей». Этот источник содержит подробное описание работы комиссии и с учетом его высокой информативности публикуется полностью.

«По распоряжению Председателя ГАИМК от 12/IX с. г. была организована Комиссия для разработки проекта ликвидации Склада Древностей в составе: И. А. Орбели, В. И. Равдоникаса, П. Н. Шульца и представителя Наркомпроса, под председательством В. В. Гольмстен.

Комиссия провела вышеуказанную работу в несколько ином составе: с одной стороны отсутствовал П. Н. Шульц, с другой — по предложению Уполнаркомпроса в Комиссию были кооптированы: от Гос. Эрмитажа Г. И. Боровка, позже замененный т. Лурье, а затем М. И. Максимова, от Этнографического отдела Русского Музея — М. П. Грязнов, от Художественного отдела того же музея — М. И. Артамонов; представителем Уполнаркомпроса был Ф. М. Морозов.

Комиссия для работ собиралась 18/IX, 21/IX, 23/IX, 26/IX, 28/IX, 29/IX и 8/X с. г.

Комиссия в своей работе придерживалась следующего порядка: в первую очередь рассмотрели коллекции, имеющиеся в Складе Древностей, и наметили их распределение по музеям, главным образом, Ленинграда. Во вторую очередь было поставлено выявление материалов, хранившихся в разрядах I отделения ГАИМК, и распределение по музеям тех из них, обработка которых закончена.

При распределении материалов главная масса их намечается к передаче в Гос. Эрмитаж как наиболее крупный археологический музей Ленинграда. В Русский Музей и МАЭ предполагается передать лишь тот материал, который связан с имеющимися в них этнографическими коллекциями, или же необходимый для проводящейся в них расстановки.

Комиссия считает совершенно необходимым передать значительную часть распределяемого материала в соответствующие местные музеи, но ввиду отсутствия в комиссии сведений о состоянии археологических отделов местных музеев Комиссия признает более целесообразным из ГАИМК направить материал в крупные музеи Ленинграда с условием, чтобы последние в порядке снабжения передали местным музеям часть коллекций.

В отношении некоторых коллекций члены Комиссии не могли прийти к соглашению, и обозначаются эти коллекции спорными с указанием на музеи, которые выражают желание их получить. Такими коллекциями являются: 1 — предметы из раскопок в Монголии №№ 13762–14571 и 15779–852 — Эрмитаж и Русский Музей, 2 — предметы из Шагирского торфяника (Шигирского. — К. К., Д. Ф.) №№ 9349–9433 и 14574–941 — Эрмитаж и Русский Музей. Вопрос об этих коллекциях Комиссия передает на решение Правления ГАИМК.

Коллекцию из раскопок Десятинной церкви, хранящуюся в Складе под №№ 6294–6382 и 6387, Комиссия считает необходимым передать в распоряжение Всеукраинского Археологического Комитета с тем, однако, чтобы небольшая часть ее (образцы фресок) по соглашению с Комитетом были бы переданы Русскому Музею. Комиссия просит Правление ГАИМК в том случае, если состоится передача указанного материала Всеукраинскому Комитету, поставить об этом в известность Гос. Эрмитаж, т. к. коллекция эта принадлежала бывш. Русскому Археологическому Обществу и в Складе Древностей находилась только на хранении.

Комиссией был произведен учет материалов в разрядах I отделения, причем выяснено, что материалы эти частично обработаны и могут быть сданы в тот или иной музей, или находятся в стадии обработки, которая должна быть закончена в разряде, или же принадлежат каким-либо учреждениям, куда и надлежит их передать. Комиссия считает, что все коллекции археологического характера, уже обработанные и не принадлежащие какому-либо другому учреждению, следует передать в Эрмитаж. По поводу коллекции из Судака (раскопки 1929 г.) предложить Эрмитажу снести с Историческим музеем в Москве, где находится другая часть коллекции, и совместно с ними решать вопрос о месте хранения материалов. Чертежи из разряда Ср<едней> Азии, которые не используются в текущей работе разряда, также передать в Эрмитаж.

Ольвийский материал из разряда Причерноморья на основании решения паритетной комиссии передать по окончании обработки в фонд. Копии фресок, кальки, эстампажи, а также крест Ямбургского собора из разряда Русских культур передать в Русский музей. В тот же музей, в Этнографический отдел, передать из разряда Этнографии бирку жеребья и материалы по изучению жилищ Верхне-Волжского района и оттуда же 2 иконы и 13 деревянных крестов» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 750. Л. 19–20об.).

К постановлению прилагается «Проект распределения материалов из Склада Древностей ГАИМК». Согласно этому документу, в Государственный Эрмитаж планировалось

передать 7664 единицы хранения (далее — ед. хр.), в Государственный Русский музей — 641 ед. хр., в Музей антропологии и этнографии Академии наук (далее — МАЭ АН) — 78 ед. хр., в Азиатский музей АН — 1 ед. хр., в Комиссию по истории знаний — 1 ед. хр., в Геологический музей АН — 10 ед. хр., в Зоологический музей АН — 11 ед. хр. (Там же: Л. 21–24). Таким образом, предусматривалась передача порядка 8406 ед. хр.⁶

Подготовка к ликвидации сопровождалась запросами о передаче или сохранении в Академии отдельных археологических коллекций. Первые обращения относятся к 19 сентября 1930 г. Одно из них поступило от Всеукраинского археологического комитета. В нем сохранился запрос на передачу материалов из раскопок Д. В. Милеева у Десятинной церкви (Там же: Л. 5). Второе обращение принадлежит А. А. Спицыну, который просил сохранить в ГАИМК вещи из раскопок в Вятской и Пермской губерниях для их скорейшей публикации (Смирнов 2021: 93, 94). Следующий запрос пришел только 17 декабря 1930 г. от научного сотрудника сектора архаических формаций А. В. Шмидта. Он просил оставить в Академии «с назначением жестких сроков для скорейшей обработки» коллекции из Шигирского и Аятского торфяников, а также материалы из средневековых могильников Урала. Исследователь отмечал, что только в ГАИМК возможно сохранить уникальные предметы из дерева, кости и бересты, входящие в эти коллекции (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 750. Л. 9, 9а). Последнее обращение относится к 28 декабря 1930 г. В этот день в Академию пришло письмо из Тихвинского музея, который запрашивал материалы, собранные в «Тихвинском Крае», и некую «коллекцию предметов по неолиту» (Там же: Л. 26). Ни один из перечисленных запросов в итоге не был удовлетворен.

Процесс распределения коллекций Склада древностей начался 31 декабря 1930 г. В этот день составлены два акта, по которым В. В. Гольмстен передала представителю Русского музея С. А. Теплоухову 511 ед. хр. из Монгольской коллекции П. К. Козлова и 439 ед. хр., найденных в Пермской губернии, включая уникальные предметы из Шигирского торфяника (Там же: Л. 30, 31). В первые дни нового 1931 г. В. В. Гольмстен готовила материалы для передачи в Гос. Эрмитаж (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 10. Л. 196), и уже 3 января 1931 г. она передала представителю этого музея Э. К. Кверфельду 6905 ед. хр. (Там же: Д. 750. Л. 32–35). Среди них были коллекции, сформированные в результате работ более 20 археологов, и множество предметов неизвестного происхождения. Наиболее крупные собрания связаны с именами А. А. Бобринского, Г. И. Боровки, Н. И. Веселовского, К. К. Мерса, В. В. Новокрещенных и А. А. Спицына (Там же: 1930 г. Д. 64).

Подготовка материалов для МАЭ АН проводилась В. В. Гольмстен 7, 8 и 11 января 1931 г. (Там же: 1931 г. Д. 10. Л. 196об.). Передача предметов состоялась 13 января 1931 г. В этот день Е. Г. Кагаров принял из Склада древностей 151 предмет (на 81 ед. хр.) из коллекций А. А. Бобринского, Н. И. Веселовского, А. А. Миллера и К. К. Романова (Там же: Д. 750. Л. 38–41). В ходе следующих передач в музей отправились материалы, которые не успели вывезти ранее. Так, 19 января 1931 г. представители Русского музея М. И. Артамонов и Н. В. Малицкий приняли из Склада древностей 116 ед. хр., а спустя три недели, 12 февраля 1931 г., Эрмитаж в лице Э. К. Кверфельда получил 43 ед. хр. из раскопок И. П. Кузнецова в Енисейской губернии (Там же: Л. 42, 42об., 44, 45, 45об.).

Запись в рабочем дневнике В. В. Гольмстен гласит, что 12 февраля 1931 г. произошла «...сдача Эрмитажу последней партии коллекций из Склада древностей» (Там же: 1931 г. Д. 10. Л. 200об.). В итоге за короткий период с 31 декабря 1930 г. по 12 февраля 1931 г.

---

⁶ В «Проекте распределения материалов из Склада Древностей ГАИМК» не приведены сведения об общем количестве единиц хранения. Имеется только список номеров по книге поступлений Склада древностей. Часть номеров в документе перечислена дважды, другие имеют буквенные индексы, а некоторые приписаны карандашом или перечеркнуты. Поэтому произведенный авторами статьи подсчет может содержать неточности.

из Склада древностей в музеи передали порядка 8000 ед. хр.⁷ Однако на этом распределение коллекций не завершилось. Часть материалов отправили в Эрмитаж весной и летом 1931 г., о чем свидетельствует обширная опись, составленная В. В. Гольмстен (Там же: 1931 г. Д. 763). Отдельные коллекции находились в ГАИМК до середины 1930-х гг. Например, некоторые предметы из собрания РАО были приняты Эрмитажем только в мае 1934 г. (Матехина 2019: 320), а передача коллекций Монголо-Тибетской экспедиции полностью завершилась только в 1935 г. (Медведева и др. 2023: 51).

В заключение стоит кратко описать порядок работы с археологическими коллекциями, установившийся в ГАИМК после ликвидации Склада древностей. В проекте структуры Академии, составленном в начале 1931 г., среди вспомогательных учреждений упоминается «Склад материалов текущих полевых и экспедиционных работ» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 1. Л. 4). Но другие документы не содержат сообщений о штате и порядке работы этого подразделения. Из текста распоряжения № 70 от 21 февраля 1931 г. известно, что при каждом секторе ГАИМК были созданы «кабинеты», в состав которых вошли по два научно-технических сотрудника. В их обязанности, помимо прочего, входили хранение и систематизация «... всего поступающего во временное пользование ГАИМК вещественного материала из раскопок, музеев и пр.» (Там же: 131об., 132). Упомянутые сведения позволяют сделать предварительный вывод об окончательной децентрализации учетно-хранительской работы в ГАИМК в начале 1930-х гг., но эта тема требует отдельного исследования.

Таким образом, Склад древностей, созданный для решения текущих задач по учету коллекций бывшей Археологической комиссии, к середине 1920-х гг. начал утрачивать свое первоначальное назначение. Проблему осознавали в руководстве ГАИМК и искали пути для ее решения. Можно условно выделить два подхода к преобразованию Склада древностей. В первом случае учреждение должно было окончательно принять форму, близкую музею. Этому могла способствовать налаженная в подразделении система учета коллекций, включавшая книгу поступлений, каталоги и т. п. Второй вариант предполагал задействование Склада древностей в обработке материалов текущих археологических работ Академии и других организаций. Начавшаяся в сентябре 1929 г. реорганизация ГАИМК форсировала процесс реформирования подразделения. Правление Академии и комиссия по чистке пришли к выводу о нецелесообразности сохранения вспомогательного учреждения, наделенного музейными функциями. Выбор был сделан в пользу сугубо камеральной обработки материалов экспедиций Академии с последующей передачей в музеи. Склад древностей для этого был не нужен, и его оперативно ликвидировали. В результате ГАИМК лишился единственного подразделения, осуществлявшего (хотя и в сильно ограниченной форме) централизованный учет и хранение археологических коллекций.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1.

1928 г. Д. 55. Склад Древностей. 18 л.

1929 г. Д. 7. Распоряжения по Академии (ГАИМК). 211 л.; Д. 70. Дело Склада Древностей. Переписка, акты и отчет. 89 л.

1930 г. Д. 1. О деятельности Академии. Ч. 1. Переписка. 517 л.; Д. 4. Материалы по чистке сотрудников ГАИМК (Стенографические отчеты общих собраний, протоколы и переписка). 326 л.;

⁷ Только в одном из упомянутых актов имеется указание на количество передаваемых единиц хранения. Остальные акты содержат списки номеров по книге поступлений Склада древностей. Поэтому при подсчете возникает ситуация, аналогичная той, что описана для «Проекта распределения материалов из Склада Древностей ГАИМК». Следовательно, произведенный авторами статьи подсчет может содержать неточности.

Д. 9. Журнал заседаний Правления ГАИМК. 30 л.; Д. 11. Распоряжения ГАИМК. 123 л.; Д. 62. Склад Древностей. Описи, акты, списки актов с 1921 по 1930 гг. 44 л.; Д. 64. Указатель к Книге Поступлений Склада Древностей. 9 л.

1931 г. Д. 1. Деятельность Академии. Переписка, отчеты за 1929–1930 гг. и производственные планы на 1931 г. Ч. 1. 280 л.; Д. 10. Отчеты секторов и сотрудников Академии за 1931 г. 213 л.; Д. 750. Комиссия о ликвидации Склада Древностей (передача по актам). 52 л.; Д. 763. Описи коллекций и отдельных предметов, переданных в Гос. Эрмитаж из Склада Древностей Академии. 254 л.

ЦГА СПб

Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 470. Академия истории материальной культуры. 86 л.; Д. 771. Академия истории материальной культуры (списки слушателей на 01.04.1925 года). 167 л.; Д. 926. Российское Палестинское общество. 70 л.

Ф. Р-7384. Оп. 19. Д. 5. Материалы Российского Палестинского общества, устав и отчеты о деятельности. 64 л.

Ананьев, Бухарин 2020 — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* К истории Музея Петербургской духовной академии в послереволюционный период. Письмо С. А. Жебелёва Н. Я. Марру // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 1. С. 171–178.

Конончук, Филимонова 2023 — *Конончук К. В., Филимонова Д. С.* Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919–1930 годы) // ЗИИМК. 2023. № 28. С. 160–169.

Кузьминых и др. 2007 — *Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А.* Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Матехина 2019 — *Матехина Т. С.* Новое обращение к теме «Н. К. Рерих и археология»: места хранения археологических находок Н. К. Рериха // Бондаренко А. А. (гл. ред.). Рериховское наследие: труды конференции. Т. XVIII: Девяностолетие окончания Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха и основания Гималайского исследовательского института «Урусвати»; Н. К. Рерих и Север; Судьбы на переломах истории и наследие Рерихов (Санкт-Петербург, 9–12 октября 2018 г.). СПб.: Санкт-Петербургский гос. музей истории семьи Рерихов, 2019. С. 311–332.

Медведева и др. 2023 — *Медведева М. В., Сутягина Н. А., Эрдэнэ-Очир Н., Кукина Д. А.* Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 420 с. (Архивное наследие ИИМК РАН. Т. 2).

Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Смирнов 2021 — *Смирнов Н. Ю.* Вещь в культуре: к интерпретации одной старой находки // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 92–107.

Устав РАИМК 1919 — Устав Российской Академии Истории Материальной Культуры. Пг.: Российская гос. академ. тип., 1919. 30 с.

LIQUIDATION OF THE REPOSITORY OF ANTIQUITIES: CAUSES, EVENTS AND EFFECTS

K. V. KONONCHUK, D. S. FILIMONOVA

Keywords: *Repository of Antiquities, Russian/State Academy for the History of Material Culture, archaeological collections, history of archaeology*

The paper is devoted to the last period (1930–1931) in the history of the Repository of Antiquities. The analysis of archive documents allows to reveal the background causes for the liquidation of the Repository of Antiquities and to reconstruct the chronology of this process. The data show that this auxiliary scientific institution established in 1919 with the purpose of systematization of archaeological collections of the former Archaeological Commission had mostly achieved this goal

by the mid-1920s. From 1925 to 1927 most entries in the Repository's accession register relate to materials obtained by the staff of Russian Academy for the History of Material Culture in the course of their current fieldwork. It was during this stage that the transferring of collections for permanent preservation to museums intensified, which led to the constant decrease in numbers of collections stored in the Repository. In 1930 the deputy chairman of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC) F. V. Kiparisov, who was carrying out the reorganization of the Academy, made a decision about liquidation of the Repository of Antiquities. The latter was planned to be replaced by a division devoted to the curation of materials obtained by the staff of SAHMC. The liquidation of the Repository of Antiquities was performed by a commission headed by V. V. Golmsten. From September of 1930 to February of 1931 a considerable part of the collections was transferred to Leningrad museums. However, some collections remained at SAHMC till the mid-1930s.

ОБЗОР ФОНДА АРХЕОЛОГА С. С. ЧЕРНИКОВА (К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)¹

М. В. МАНДРИК²

Ключевые слова: *НА ИИМК РАН, фонд 81, биография С. С. Черникова, археология Восточного Казахстана.*

Публикация посвящена обзору фонда 81 С. С. Черникова, который с 2024 г. стал доступен для работы в читальном зале научного архива ИИМК РАН. В биографической части обзора даны основные сведения о научной и личной жизни ученого. Описание материалов, отложившихся в архиве, характеризует состав документов в личном фонде С. С. Черникова.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-116-129

В 2024 г. в научном архиве ИИМК РАН введен в научный оборот новый фонд под номером 81 — «Черников Сергей Сергеевич (1909–1976), доктор исторических наук, старший научный сотрудник ГАИМК/ИИМК АН СССР / ЛОИА АН СССР». Фонд представляет значительный интерес для всех, кто изучает историю Казахстана, в нем содержится ряд до сих пор не опубликованных монографий ученого, которые могут значительно расширить знание археологии региона.

Биографическая справка

Сергей Сергеевич Черников — уроженец Белгорода, где появился на свет 26 июля 1909 г. в семье сына межевщика, капитана 6-го Финляндского стрелкового полка Сергея Федоровича Черникова (1870, Орел — 1911³, Белгород) (НА ИИМК РАН. РО.⁴ Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 104; Бедельбаева 2019: 48), и его жены Юлии (1880, Белгород — 1949, Ленинград), дочери учителя, которая пошла по стопам отца, Василия Чеботарева (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 104). Через два года после рождения сына С. Ф. Черников умер от воспаления мозга. Вдова с маленьким сыном почти сразу же, в 1911 г., переехала в Санкт-Петербург.

Уже в Ленинграде С. С. Черников окончил девять классов 101-й средней школы (Там же. Л. 28). С февраля 1926 г. успел поработать помощником оператора на Ленинградской кинофабрике (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 3об.), а в августе поступил в Ленинградский государственный университет на факультет языкознания и материальной культуры по отделению Древнего Востока. В 1930 г. его отчислили за «скрытое социальное происхождение»

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

³ В одном из «Личных листков по учету кадров» от 6 мая 1946 г. С. С. Черников указал 1910 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 41).

⁴ Все архивные материалы, рассматриваемые в статье, находятся в рукописном отделе НА ИИМК РАН, поэтому в ссылках указываются только номера фондов и описей.

© Мандрик М. В., 2024

(Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 9). Видимо, оставшись в это время без учебы, он решил устроиться на работу коллектором в Институт геологической карты⁵ (с июня 1930 г.) (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 3об.).

Однако молодому человеку повезло, вопрос об его отчислении из университета пересмотрели и довольно быстро восстановили в числе студентов «как неправильно исключенного» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 9). Что стало причиной смены приоритетов — неизвестно, но С. С. Черников решил не возвращаться на ямфак, а перевелся на 2-й курс музейно-краеведческого отделения в Ленинградский историко-лингвистический институт (с сентября 1930 г. (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 3об.)), где получил специальность музейного работника по истории доклассового общества. Уже во время учебы в институте С. С. Черников приобрел первый опыт полевых работ, приняв участие в археологических экспедициях в Биюк-Сюрени, Ольвии, Херсонесе и Старой Ладоге.

В январе 1932 г. С. С. Черников получил диплом (Ф. 35. Оп. 3. Д. 94. Л. 3), а с марта уже работал инспектором научных учреждений Западно-Сибирского края в Новосибирске (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 104об.), но в ноябре уволился по собственному желанию и вернулся в Ленинград (Там же. Л. 105), где сразу же в декабре⁶ устроился младшим научным сотрудником в Государственный Русский музей. Однако в музее он проработал только до мая 1933 г., попав под сокращение штатов (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 3об.). Новое место работы нашлось довольно быстро в уже хорошо знакомом ему Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте, который он по старой памяти продолжал в своих анкетах и автобиографиях называть Институтом геологической карты. С мая по 11 октября 1933 г. С. С. Черников сезонно работал здесь коллектором в составе одной из многочисленных партий Кольской комплексной экспедиции⁷. Затем, с 23 октября 1933 г. до мая 1935 г.,⁸ преподавал историю и обществоведение в 35-й средней школе Октябрьского района Ленинграда.

С 3 июня⁹ 1935 г. С. С. Черникова назначили начальником Археологического отряда при Калбо-Нарымском отделении Союзникельоворазведки (СНОР), в этой должности он числился до 26 октября и вернулся в Ленинград 12 ноября (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 1). Это назначение стало значимым в его карьере, так как он приехал в Восточный Казахстан не только впервые, но целенаправленно для камерального разбора «Калбинского материала». Директор Института исторической технологии (ИИТ) при ГАИМК А. А. Леонов и ученый секретарь М. В. Фармаковский 3 декабря 1935 г. обратились к председателю Академии Ф. В. Кипарисову со служебной запиской, в которой просили зачислить С. С. Черникова на должность временного младшего научного сотрудника в ИИТ. Их просьба была удовлетворена уже на следующий день (Там же. Л. 2, 3). Вскоре, 13 марта 1936 г., С. С. Черникова окончательно приняли в штат ИИТ, а 3 ноября 1937 г. он стал научно-техническим сотрудником ИИМК (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 4об.).

⁵ 2 января 1930 г. был ликвидирован Геологический комитет, это название осталось за научным сектором созданного Главного геологоразведочного управления. Однако просуществовал комитет недолго, 14 марта 1930 г. «в связи с изменением функций Геологического комитета» его переименовали в Институт геологической карты, который в апреле 1931 г. будет влит в образовавшийся Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт (Евдошенко 2012: 70).

⁶ В биографиях С. С. Черников указывал разные даты, например, ноябрь или декабрь 1932 г., 26 января 1933 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 53, 104об.; Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 3об.).

⁷ В составе Кольской комплексной экспедиции работало 13 институтов, 70 партий и 100 отрядов. Экспедиция сыграла важную роль в изучении природных богатств Заполярья (Дюжилов 2007: 116, 117).

⁸ По данным «Трудового списка» работал в школе до 25 января 1935 г. (Ф. 2. Оп. 5. Д. 334. Л. 4об.), по данным «Анкетного листа» — до мая 1935 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 53, 104об.).

⁹ ГАИМК обратилась в СНОР еще 10 мая, прося зачислить С. С. Черникова старшим коллектором в состав одной из их поисковых или разведочных партий, работающих на Калбинском хребте (Ф. 35. Оп. 1-1935. Д. 153. Л. 3).

В середине 1930-х гг. началось активное хозяйственное освоение Верхнего Прииртышья, в связи с чем в районе стали проводиться археологические работы. 19 ноября 1934 г. ГАИМК заключила договор со СНОР на составление обзора по истории использования олова в Казахстане и Минусинском районе Западно-Сибирского края (Ф. 35. Оп. 1-1935. Д. 153. Л. 1). Начавшаяся в 1935 г. работа должна была основываться на учете всех видов исторических источников, но из-за малочисленности древних письменных сведений по этому региону археологические материалы имели для исследования решающее значение. Казахская экспедиция ГАИМК была утверждена 9 июня 1935 г., в ее состав вошли А. А. Иессен (начальник) и С. С. Черников (Там же. Л. 7). В Восточном Казахстане С. С. Черникову было поручено найти и изучить следы древнего горного дела. Если судить по планам ГАИМК, то в 1935 г. академия рассчитывала «ограничиться в основном работой камерального типа, предусмотрев в смете только командировку в Казахстан для учета имеющегося в музеях материала»¹⁰ (Там же. Л. 2). На разведочные археологические работы деньги должна была выделить СНОР¹¹ (Там же. Л. 2об.).

С. С. Черников фактически единолично провел археологическую разведку в тяжелых горных условиях, руководствуясь только общими указаниями, полученными при отъезде. В течение трех с половиной месяцев вся полевая работа, в том числе первичная камеральная обработка собранного материала, была им выполнена самостоятельно. Итог деятельности подведен в полевом отчете. Исполненная С. С. Черниковым работа получила высокую оценку руководителя экспедиции А. А. Иессена (Ф. 81. Оп. 1. Д. 145. Л. 4). Стоит отметить, что молодой археолог так увлекся работой, что перевыполнил первоначальный план, составленный ГАИМК, и увеличил срок работы экспедиции на две недели (вместо 1 октября она завершилась 15-го (Там же. Л. 6, 17)). Н. В. Алексеенко, историк и друг С. С. Черникова, написал, что он проводил разведку верхом на лошади, зачастую подкармливаясь в казахских аулах, «в одном лице он олицетворял археологическую экспедицию» (Алексеенко 2011). Этот район был мало изучен в археологическом отношении, хотя в историографии известны отдельные упоминания археологических памятников данной местности в работах Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Паласса, А. И. Левшина, Э. И. Эйхвальда, Г. Е. Щуровского, И. А. К. Сиверса, В. В. Радлова и др., но описания были довольно краткими и поверхностными. Правда, С. С. Черников уловил в этих упоминаниях главное — регион богат археологическими памятниками.

Ввиду успешного проведения полевых изысканий было решено и далее продолжить изучение этой местности. Работа возобновилась в 1937 г. под руководством С. С. Черникова, в отряде которого на этот раз было уже четыре человека: научный сотрудник ГАИМК А. Г. Тимофеев, научно-технический сотрудник А. К. Юноша-Шанявский и двое рабочих. С 3 июля по 8 октября «было пройдено 1517 км маршрутной археологической съемки с нанесением на карту встречающихся памятников и обследовано 13 точек древних выработок. Кроме того, у аула Кула-Журга были проведены раскопки 4-х курганов» (Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 339а. Л. 1). За два года работы молодому исследователю удалось провести маршрутную археологическую разведку протяженностью около 3000 км, что дало ему богатый материал для составления археологической карты (Ф. 35. Оп. 3. Д. 94. Л. 13).

¹⁰ Предполагалось «путем систематизации древнего металлического инвентаря по хронологическим и локальным группам и с помощью выполнения сериальных анализов планомерно отобранных изделий получить картину использования олова в прошлые исторические эпохи» (Ф. 35. Оп. 1-1935. Д. 153. Л. 2).

¹¹ По постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «Об охране археологических памятников» от 10 февраля 1934 г. расходы по обследованию относятся на счет организации, использующей или повреждающей соответствующие памятники в процессе своей работы. Кроме того, ГАИМК находилась не в лучшем финансовом положении, судя по документам, для экспедиции пришлось даже просить на прокат палатку в Ленинградском гидрогеологогеодезическом тресте (Ф. 35. Оп. 1-1935. Д. 153. Л. 4).

За два сезона было закончено общее археологическое обследование района, но без проведения раскопок, что было невозможно при такой численности отряда. Подобную работу впервые производили в СССР: «Никакого опыта, на который можно было бы опираться, никакой методики исследования древних выработок не было ни в нашей литературе, ни в литературе зарубежной. Пришлось создавать методику на ходу, в поле, что, естественно, сильно затрудняло работу. Также затрудняли работу и сами объекты исследования» (Там же. Л. 12). С. С. Черников зарегистрировал 47 точек древних выработок (из них 37 были ориентированы на добычу олова, остальные — золота и меди), свыше 1000 курганов разных типов, 19 пунктов с наскальными изображениями и т. п. (Там же. Л. 31).

Сохранилось письмо А. А. Иессена от 3 сентября 1937 г. о посещении им отряда С. С. Черникова: «Вчера мы подробно обсудили всю выполненную и предстоящую работу <...> Сейчас отряд закончил всю работу по Калбе и провел одну поездку на правый берег Иртыша в район ближайших месторождений олова Нарымского хребта <...> С. С. Черников кончит работы за Иртышом около 22/IX, затем мы предполагаем на 10 дней задержать отряд около Батов в Кула-Журге для раскопки курганного могильника. В этой работе хочет принять небольшое участие Семипалатинский музей; я считаю такую кооперацию вполне возможной при условии оплаты ими соответствующей части рабочих и других расходов на месте наличными, а также при условии передачи всего добытого материала на камеральную обработку в Ленинград (с доп. ассигнованием с их стороны и последующей передачей материала им). Если музей на такую форму кооперации согласится, я с ними в Семипалатинске договарюсь о сроке. Раскопки эти были предусмотрены планом, и о них я еще весной договорился с управляющим Калбаолова, который не возражал. Ввиду более позднего начала всей работы раскопки пришлось переставить на самый конец... В общем, работы этого года пока принципиально нового материала почти не дали. Зато заканчивается маршрутное обследование всего Калба-Нарымского района, чем завершается разведка 1935 года. В части памятников древнего горного дела работу можно будет считать законченной (если не считать раскопок древних выработок, что нового почти ничего не даст, а стоить будет очень дорого). Общеархеологическая разведка будет выполнена с меньшей полнотой, так как ряд участков, заведомо не имеющих памятников древнего горного дела, остается неосмотренным. К сожалению, никаких новых указаний на наличие в обследованном районе мест плавки металла пока не обнаружено. Надо думать, что плавильни находились в районах добычи меди, а не олова, и что последнее в виде руды туда доставлялось. В пределах зоны, интересующей Калбаолово, имеется только одно медное месторождение, которое С. С. Черникову еще предстоит осмотреть; быть может, там будут обнаружены следы плавки. Остальные вероятные районы плавки находятся вне района наших работ, в рудном Алтае. Вот примерное положение здесь. Работой отряда и документацией работы и т. д. я вполне доволен. Публика работает дружно и напряженно. Погода в общем была хорошая, так что заданный маршрут в целом выполнен в несколько сокращенный срок (пройдено 700 км)» (Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 79. Л. 12–14).

А. А. Иессен не совсем верно оценил результаты работы: осенние раскопки дали интересные результаты. В ходе работ было найдено много памятников, главным образом «курганов, древних выработок, остатков двух Джунгарских монастырей, следы поселений, большое количество находок археологических предметов, употреблявшихся... при разработке золотых россыпей... древние выработки на олово, которые являются единственным памятником подобного типа на территории СССР и единственным точно датированным памятником» в пределах Европы и Советского Союза (Ф. 35. Оп. 3. Д. 94. Л. 14). В отчете С. С. Черников писал, что хоть работы 1937 г. и «не внесли никаких принципиальных изменений в основные выводы, приведенные в отчете за 1935 г.», но «дали богатый дополнительный материал, дающий возможность более ясно представить себе горное дело древности» (Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 339а. Л. 2).

На основании собранного материала во время полевых сезонов 1935 и 1937 гг. С. С. Черников написал работу «Древние выработки Калбинского и Нарымского хребта», за которую

в июне 1938 г. получил 3-ю премию на Всесоюзном конкурсе молодых научных работников (Ф. 2. Оп. 5. Д. 382. Л. 27, 196). Впоследствии также вышел ряд его научных статей по теме горного дела (Черников 1939; 1941; 1948; 1948а). В отчете А. А. Иессена за 1937 г. есть один примечательный пункт: «дан отзыв о статье С. С. Черникова „Калба, Степняк, Кара-Тау“» (Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 143. Л. 1). К сожалению, из отчета неясно, положительным или отрицательным был отзыв, и неизвестно, что стало с этой статьей, которая под таким названием не числится в списках работ С. С. Черникова и не отложилась в его личном фонде.

Экспедиции конца 1930-х гг. стали для начинающего археолога основополагающими, и он прочно связал свою научную деятельность с территорией Восточного Казахстана, а главным предметом его научной работы на долгие годы стала история горного дела и древней металлургии. В 1938 г. С. С. Черникову удалось поработать еще и в районе Степняка, богатом золотом и медью.

Осенью 1937 г. он смог устроиться лектором по истории СССР в Ленинградский лекторий горкома ВКП(б), проработав там до июня 1941 г. (Там же. Оп. 5. Д. 382. Л. 105). Осенью 1940 г. С. С. Черников предпринял попытку поступить в аспирантуру Института управления кадров, но, получив неудовлетворительную оценку за экзамен по иностранному языку, не прошел конкурс (Там же. Оп. 5. Д. 382. Л. 31)¹². Повторную попытку поступления пришлось отложить из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Казалось, все только начинало складываться: в апреле 1941 г. он перевелся в сектор эпохи бронзы и раннего железа ИИМК (где и проработал до самой смерти), а уже 3 июля 1941 г. вступает добровольцем в ряды Ленинградской армии народного ополчения (Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 3; Оп. 5. Д. 382. Л. 120). Он был участником боев на Ленинградском фронте, где в сентябре 1941 г. получил, по его словам, «легкое ранение» (Там же. Оп. 5. Д. 382. Л. 42об., 105об.), затем воевал на 1-м и 2-м Белорусских фронтах. В армии прошел путь от командира химического взвода до начальника химической службы Артиллерийской дивизии резерва главного командования (Там же. Л. 105, 105об.), окончив войну в звании капитана и демобилизовавшись в декабре 1945 г. (Там же. Л. 105об.). За проявленный в годы войны героизм был удостоен семи наград, в том числе орденов Красной Звезды (май и декабрь 1944) и Отечественной войны II степени (февраль 1945) и медалей «За оборону Ленинграда» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (сентябрь 1945), «За освобождение Варшавы» (1945), «За взятие Берлина» (1945) (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 42об.).

20 января 1946 г. С. С. Черников вернулся на работу в ЛО ИИМК АН СССР в должности младшего научного сотрудника. Начался новый этап в его профессиональной деятельности¹³. С. С. Черников продолжил научное изучение горного дела, и уже 12 февраля 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая» (Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 6). Диссертация состояла из пяти глав: 1. Обзор источников по древней металлургии Западного Алтая¹⁴, 2. Древние выработки на олово, золото и

¹² Только 15 ноября 1946 г. Черникову удалось перейти Рубикон и сдать на «отлично» экзамен по немецкому языку (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 49). В анкете при поступлении на службу в ИИМК ученый указывал, что знает немецкий и французский языки (Там же. Л. 6).

¹³ Видимо, во время войны изменилось и семейное положение археолога, так как в анкете от 18 апреля 1947 г. он указал, что женат и имеет дочь Юлию (род. в 1944 г.). Жена — Татьяна Ивановна Хорошевская, урожденная Сучкина, от первого брака имела дочь Клару Николаевну Хорошевскую (род. в 1930 г.) (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 53об., 105об.). Стоит отметить, что в личном деле С. С. Черникова встречается разночтение в написании фамилии жены и падчерицы: в машинописных вариантах 1947 и 1951 гг. они Хорошевские, а в рукописном варианте 1952 г. — Хорошайловы (Там же. Л. 104). В 1948 г. у четы Черниковых родился сын Сергей (Там же. Л. 105об.).

¹⁴ С. С. Черников первым написал «очерк по истории археологического изучения Верхнего Иртыша и истории изучения древнего горного дела в этом районе. Широко используя все доступные литературные и музейные материалы, он впервые дал полный свод всех ранее накопленных сведений по археологии Верхнего Иртыша» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 35, 36).

медь¹⁵, 3. Техника горного дела¹⁶, 4. Техника и организация древней металлургии¹⁷, 5. Датировка памятников древней металлургии¹⁸; имелось два приложения: «Список памятников к археологической карте» и «Определения и анализы». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук М. П. Грязнов и кандидат исторических наук А. А. Иессен (при этом он был неофициальным руководителем диссертации) (Там же. Л. 26). Работа основывалась на данных двух экспедиций на Калбинский и Нарымский хребты, вопросы древнего горного дела и металлургии освещались «не только с чисто технической стороны, но и в связи с общим процессом развития хозяйственного и социального строя древних племен Западного Алтая» (Там же. Л. 5). Сбор материалов для диссертации был осложнен спецификой темы, так как «древние выработки невозможно было понять без учета тех геологических условий месторождений, в которых они пройдены, очень трудно картировать, особенно подземные выработки, что часто не безопасно¹⁹. Возникает целый ряд специфических вопросов, с которыми не приходится сталкиваться археологам, работающим по раскопке курганов или поселений» (Там же. Л. 12). Оппоненты признавали, что кроме чисто исторических дисциплин С. С. Черников обнаружил достаточные познания в области геологии, минералогии, современного горного дела и металлургии (Там же. Л. 35). Среди замечаний оппонентов были претензии к картам, на что археологу пришлось сознаться, что карты были утеряны за годы войны: «Я имел негативы. Чтоб исправить карты, надо заново чертить, что было невозможно» (Там же. Л. 22).

Несмотря на ряд спорных вопросов, диссертация получила единогласное одобрение (Там же. Л. 27). Завершилось заседание ученого совета трогательной речью профессора М. И. Артамонова, обращенной к С. С. Черникову: «Мы Вас все хорошо знаем. Вы принадлежите к тому поколению наших товарищей, которым мы особенно дорожим, которым особенно гордимся и от которого, к сожалению, у нас осталось так мало. Может быть, поэтому наши чувства к Вам особенно горячи, особенно сильны, потому что на Вас мы, оставшиеся здесь сотрудники института, перенесли ту любовь, которую питали к тем нашим товарищам, к тем Вашим однолеткам, которые за время войны, за время блокады в таком большом количестве выбыли из наших рядов» (Там же. Л. 28). В честь успешной защиты С. С. Черникову подарили радиоприемник (Там же). Утвердят диссертацию в Москве только 29 марта 1949 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 73).

В первые послевоенные годы активно развивалась научная инфраструктура, в 1946 г. была образована Академия наук Казахской ССР, разворачивались широкомасштабные археологические исследования. Усилиями А. Х. Маргулана был образован сектор археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова (Бедельбаева 2019: 48). С 1 декабря 1947 г. С. С. Черников был назначен на должность заведующего сектором археологии по совместительству на полставки (Бейсенов и др. 2017: 34) и проработал в этой должности до февраля 1950 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 105об.).

¹⁵ Стоит отметить, что почти все рассматриваемые С. С. Черниковым в главе рудники были им изучены лично, а три из них впервые открыты (Там же. Л. 36).

¹⁶ «Убедительно и верно показывает, что древние рудокопы, технически слабо вооруженные, работали только в пределах рудного дела, не производя подсобных работ по проходке шахт...» (Там же).

¹⁷ «...убедительно показывает, что плавка руды производилась не на месте ее добычи, а на поселениях в районе постоянного местожительства рудокопов...» (Там же. Л. 36–37).

¹⁸ «...правильно определяет время древних горных работ эпохой бронзы, начиная с андроновского этапа и кончая ранним железом...» (Там же. Л. 37).

¹⁹ С. С. Черников как-то решил сравнить выработку (штольню) и пещеру, особенно его интересовал доступ воздуха. В пещере на р. Бухтарме он чуть не потерял сознание из-за нехватки кислорода, спустившись всего лишь на 15 м, а в штольню он смог спуститься на 70 м, чем и оппонировал впоследствии М. П. Грязнову, который считал, что два входа в штольню не доставляют в нее достаточно свежего воздуха (Ф. 35. Оп. 3. Д. 94. Л. 23).

В 1946 г. образовалась Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ), которая разделилась, в свою очередь, на четыре экспедиции: ЦКАЭ (рук. А. Х. Маргулан), Южно-Казахстанскую археологическую экспедицию (рук. А. Н. Бернштам), Восточно-Казахстанскую археологическую экспедицию (ВКЭ) (рук. С. С. Черников²⁰) и Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию (рук. С. П. Толстов) (Бейсенов и др. 2017: 43)²¹. Руководителем ВКЭ С. С. Черников оставался до конца своей жизни. Его экспедиция впервые в истории археологического изучения этого региона проводила интенсивные раскопки крупных памятников, в отличие от довоенного периода, когда в основном происходили разведки. Экспедиция начала работу с исследования зоны затопления Бухтарминской и Шульбинской ГЭС. В послевоенные годы в Казахстане работало много экспедиций на новостройках и целинных землях, которые в буквальном смысле поднимали археологическую целину (Акишев 1967: 78). В 1949 г. ВКЭ провела рекогносцировочное обследование в горах Чингиз-Тау, где было «зафиксировано 113 курганных групп, большинство из которых относятся к эпохе ранних кочевников» (Самратова, Ахметова 2017: 95). Благодаря многолетним полевым изысканиям С. С. Черникова (а также А. Г. Максимовой) были открыты и изучены сотни объектов различных исторических эпох, среди них такие памятники первостепенного научного значения, как верхнепалеолитическая стоянка «Пещера», неолитическое поселение Усть-Нарым, андроновские поселения Малокрасноярка, Канай, Трушниково, широко известный Чиликтинский курган (Кадырбаев 1976).

На основании полученных в экспедиции материалов С. С. Черников издал²² монографию «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» (1960), впервые вводя в научный оборот обширные сведения, полученные в ходе длительных полевых работ (с небольшими перерывами с 1935 по 1956 г.). Выводы, изложенные в монографии, не были общепризнаны и вызвали ряд дискуссий, в частности, критическим отзывам подверглись выделенные исследователем хронологические этапы андроновской культуры на территории Восточного Казахстана (Грязнов 1960; Комарова 1962; Сорокин 1962). Несмотря на все полученные замечания, в докторской диссертации С. С. Черников продолжил отстаивать приверженность своей схеме периодизации²³. Уже к 1960 г. можно было сказать, что Восточный Казахстан «стал одним из наиболее полно исследованных районов Казахстана, причем ни в одном другом географическом районе Казахстана с таким широким хронологическим охватом археологические памятники не изучены» (Грязнов 1960: 5). И заслуга в этом принадлежит именно С. С. Черникову.

²⁰ По документам в личном деле начальником ВКЭ С. С. Черников стал 30 апреля 1948 г., в 1947 г. он ездил туда как обычный сотрудник (Там же. Л. 65, 67).

²¹ В 1955 г. была организована еще Западно-Казахстанская экспедиция под руководством В. С. Сорокина, которая изучала могильники эпохи поздней бронзы в Актюбинской области (Алёшин 2013: 139).

²² Работу над монографией автор завершил в начале 1959 г. (Черников 1960: 10).

²³ С. С. Черников весь материал из Восточного Казахстана относил к андроновской культуре, которую, в свою очередь, разделял на четыре этапа: Усть-Буконский (XVIII–XVI вв. до н. э.), Канайский (XVI–XIV вв. до н. э.), Мало-Красноярский (XIV–IX вв. до н. э.) и Трушинский (IX–VIII вв. до н. э.) (Черников 1960). Стоит отметить, что до сих пор не удается прийти к общепринятому мнению о периодизации эпохи бронзы Восточного Казахстана, еще остается много спорных моментов. Если С. С. Черников в своей периодизации обозначил XVIII–XVI вв. до н. э., отнес к эпохе бронзы такие памятники, как захоронение 9 могильника Канай, два сосуда могильника Усть-Буконь (Там же: 272), то А. Г. Максимова эпоху ранней бронзы определяет первой половиной XIV — XI в. до н. э., рассматривая при этом памятники могильника у аулов Канай и Жанажурт, у оз. Сарыколь, в урочище Малый Койтас, в местечке Караозек и близ пикета Каражал. Предприняв первую попытку систематизировать материалы региона и хронологически классифицировать памятники, она остановилась на делении их на два периода: ранний (федоровский) и поздний (синхронный карасукской культуре) (Максимова 1960: 87).

24 июня 1952 г. С. С. Черников прошел конкурс на старшего научного сотрудника ЛО ИИМК, а 15 июля возглавил Бухтарминскую археологическую экспедицию института в Восточном Казахстане, сформированную в связи со строительством Бухтарминской ГЭС (Там же. Л. 110, 111). С 1 июля по 1 октября 1953 г. и с 1 июля по 15 сентября 1954 г., с 1 июля по 15 сентября 1955 г., с 20 июня по 15 сентября 1956 г., с 1 июля по 1 сентября 1959 г.²⁴ он возглавлял ВКЭ (Там же. Л. 113, 119, 129, 134, 156). С 1 июня по 1 октября 1959 г. являлся начальником отряда в составе Иркутской археологической экспедиции ЛО ИИМК, проведя исследования в Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР (Там же. Л. 154).

Благодаря работе Восточно-Казахстанской экспедиции еще в 1950 г. в Усть-Нарыме во время разведочно-поисковых работ в зоне затопления Бухтарминской ГЭС было обнаружено поселение, на месте которого зафиксированы микролиты из камней черного цвета и множество других артефактов (Черников 1952: 84). В 1952 г. здесь был исследован «котлован шалашевидной конической формы (в реконструкции) жилища с каменным очагом в середине. В соответствующем культурном слое поселения зафиксированы кремневые пластины, обломки керамики, зернотерки, кости животных, рыб и др., которые дали основание датировать пласт культуры с жилищем раннеандроновского времени» (Самашев 2023: 736; см. также: Ф. 35. Оп. 1-1952. Д. 24. Л. 1). Дальнейшие раскопки привели к открытию неолитического пласта: находки 1953 г. в Малой Красноярке впервые дали серию кремневых орудий и керамику в культурном слое, датируемом поздним неолитом, непосредственно предшествующем андроновской культуре. В Усть-Нарыме были обнаружены находки, представляющие более раннюю неолитическую культуру, по мнению С. С. Черникова, «пока еще не ясную» (Ф. 35. Оп. 1-1953. Д. 46. Л. 22). В 1956 г. основные изыскания на поселении Усть-Нарым были завершены, принесены огромное количество материалов кремневой индустрии — около 16 тысяч орудий (Коробкова 1963: 215). С. С. Черников и Г. Ф. Коробкова выделили особую устьнаримскую позднеолитическую культуру, к которой отнесли и стоянки Центрального Казахстана, — охотничье-рыболовную, с зарождающимися элементами животноводства и земледелия (Ф. 81. Оп. 1. Д. 9. Л. 674). За годы раскопок этого памятника С. С. Черникову удалось собрать и исследовать до полумиллиона отдельных предметов. Тщательное изучение, «многослойность памятника и исключительное богатство собранных материалов... сделали Усть-Нарымскую стоянку одним из классических, эталонных памятников неолита Северо-Восточной Азии» (Ф. 81. Оп. 1. Д. 9. Л. 673).

Признанием заслуг С. С. Черникова в изучении истории региона стало участие в совещании по истории Казахской ССР в Алма-Ате 17–27 мая 1953 г. и по истории Средней Азии в Ташкенте 22 января — 15 февраля 1954 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 122, 116). В начале 1960-х гг. С. С. Черникова приглашали в Казахский государственный университет им. С. М. Кирова с лекциями «Археология Казахстана в свете основных проблем истории СССР», он помогал в разработке учебных программ и работе студенческого научного кружка (Там же. Л. 160).

Помимо основных научных занятий он активно занимался общественно-политической и преподавательской деятельностью. В члены ВКП(б) вступил на фронте: с июня 1943 г. — кандидат, с мая 1944 г. — член ВКП(б). 3 декабря 1950 г. избран депутатом Совета депутатов трудящихся Дзержинского района г. Ленинграда (Там же. Л. 120). В мае 1951 г. стал секретарем партийного бюро ЛО ИИМК (Там же. Л. 106) и в течение шести лет избирался членом партбюро, из которых три года занимал должность секретаря. Он был хорошим оратором, поэтому неоднократно выступал с политическими докладами в родном институте и читал в агитпункте лекции, пользующиеся популярностью.

20 марта 1970 г. на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР прошла утверждение докторская диссертация С. С. Черникова на тему «Восточный Казахстан

²⁴ С 15 июля по 15 сентября 1955 г. и с 1 июля по 15 сентября 1956 г. С. С. Черников также возглавлял и Западно-Казахстанский отряд, изучающий целинные земли Актюбинской и Западно-Казахстанской областей (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 130, 135).

в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований)» (656 с.) (Ф. 81. Оп. 1. Д. 9. Л. 687). Работу рекомендовали к защите, после чего 29 мая 1970 г. в Институте археологии АН СССР прошла ее защита (Там же. Л. 672), а 16 октября того же года Высшая аттестационная комиссия утвердила С. С. Черникова в ученой степени доктора исторических наук (Ф. 35. Оп. 5. Д. 382. Л. 174). В том же году в Институте археологии к печати была утверждена монография (основывающаяся в том числе и на данных диссертации) «Неолит Казахстана» (Там же. Л. 182), но она так и осталась в рукописном варианте, который будет передан в личный фонд археолога в НА ИИМК РАН. Ученый издал только автореферат диссертации.

Актуальность работы С. С. Черникова определялась во многом тем, что к 1960 г. уже вышел ряд монографий по эпохам бронзы и ранних кочевников, а неолит оставался освещен только в отдельных статьях, без общей систематизации находок. Диссертация состояла из двух частей: «Неолит» и «Эпоха бронзы». В первую часть вошли предисловие, четыре главы (1. Общая характеристика неолитических памятников, 2. Поселение Усть-Нарым, 3. Находки на поселении Усть-Нарым и его датировка, 4. Вопросы территориального и хронологического членения), приложения (список неолитических памятников Казахстана (реестр), указатель литературы к 1-й части) (Ф. 81. Оп. 1. Д. 9. Л. 2). Основной задачей первой части С. С. Черников считал публикацию «соответствующих материалов Восточного Казахстана... и первичный учет всех известных неолитических памятников на территории Республики, некоторая их систематизация». В составленный им реестр неолитических памятников ученый внес 395 поселений, шесть погребений и 59 местонахождений случайных находок каменных орудий (Там же. Л. 670, 673). «Они подвергнуты... систематизации, подразделены на типологические и локальные группы²⁵, подвергнуты сравнительному анализу и в общих чертах датированы», что является «огромной научной заслугой С. С. Черникова в изучении неолита Северо-Западной Азии», «до его работ неолит Казахстана практически известен почти не был» (Там же. Л. 673).

Вторая часть диссертации состояла из предисловия, шести глав (1. Памятники андроновской культуры, 2. Группа поселений (описание раскопок), 3. Особенности андроновской культуры в Восточном Казахстане, 4. Хронология андроновских памятников в Восточном Казахстане, 5. Происхождение и контуры исторического развития племен андроновской культуры, 6. Некоторые вопросы древнего горного дела и металлургии) и приложений (Список памятников андроновской культуры, Определение материалов и анализы, Бронзовые орудия андроновской культуры, Опыт подсчета количества олова, добытого на калбинских и нарымских месторождениях, Дополнения к библиографии андроновской культуры (за 1959–1969 гг.)).

Во второй части ученый также привлекал результаты своих полевых исследований, в ходе которых ему удалось собрать большой новый материал по горному делу и металлургии эпохи бронзы, изучить древние оловянные рудники и выявить крупный металлургический центр в верховьях Иртыша, на склонах Калбинского и Нарымского хребтов. Официальный оппонент О. Н. Бадер отмечал в своем отзыве на диссертацию, что С. С. Черников исследовал «четыре андроновских поселения и много погребений, обобщил огромный материал, создал свою, пусть спорную, четырехэтапную периодизацию андроновской культуры на базе исследованных им памятников... и сделал едва ли не первую попытку рассмотрения всей андроновской культуры в целом как широчайшего исторического явления, послужившего в дальнейшем источником для развития кочевого скотоводства на пространствах от Китая до Передней Азии и Восточной Европы. Его концепция андроновской культуры нашла наглядное отражение в очень интересных картах расселения андроновских племен по этапам. Большим шагом вперед являются также намеченные локальные

²⁵ Археолог кроме устьнарымской культуры выделил еще семь локальных групп неолитических памятников (Ф. 81. Оп. 1. Д. 9. Л. 674).

варианты андроновской культуры, выделенные С. С. Черниковым для каждого этапа» (Там же. Л. 680).

Конечно, не все положения ученого были приняты его коллегами. Например, указывалось, что если автор претендовал на освещение андроновской проблемы в целом, то ее надо было рассматривать не только на территории Восточного Казахстана, но и, к примеру, в Южном Зауралье; ненадежно обоснованным в изложении С. С. Черникова выглядел усть-буконьский этап, как и вся хронологическая шкала этапов андроновской культуры (в основном потому, что построена только на восточноандроновском материале); оставался открытым вопрос о соотношении андроновской культуры с лесными культурами и др. (Там же. Л. 681, 682). Однако разногласия по определенным моментам диссертации не помешали оппонентам высоко оценить исследование ученого в изучении андроновской проблемы и признать, что «имя С. С. Черникова должно быть поставлено в один ряд с именами С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова, С. В. Киселева и К. В. Сальникова» (Там же. Л. 680).

41 год, с перерывом на войну, ученый проработал в ГАИМК/ИИМК/ЛО ИИМК/ЛОИА, был участником 15 археологических экспедиций, восемь из которых он возглавлял (Ф. 35. Оп. 1. Д. 382. Л. 105об.), стал автором около 70 научных работ, в том числе двух опубликованных монографий. 5 мая 1976 г. С. С. Черников вышел на пенсию, а в октябре ученого не стало.

Обзор документов фонда

Личный фонд С. С. Черникова под номером 81 хранится в рукописном отделе научного архива Института истории материальной культуры РАН. Документы в архив были переданы сотрудниками сектора Средней Азии и Кавказа в 1980-х гг.

В результате научно-технической обработки сформировано 197 единиц хранения за 1934–1976 гг., объединенных в одну опись. Опись состоит из четырех разделов.

В первый раздел — «Научные труды» — вошло 116 дел за 1930-е — не позднее 1976 гг. Они разделены на пять подразделов в зависимости от типа публикации: «Монографии и диссертации», «Статьи, доклады, тезисы», «Отзывы и рецензии», «Материалы к научным трудам», «Иллюстрации к трудам».

В подразделе 1.1 «Монографии и диссертации» — 11 дел за 1938–1975 гг. (№ 1–11). Особую ценность представляют фундаментальные работы С. С. Черникова, которые не были опубликованы при его жизни: «Неолит Казахстана» (Д. 6–8) (представлена в разных вариантах) и «Ранние кочевники Восточного Казахстана» (Д. 10). Монография «Ранние кочевники Восточного Казахстана» стала последним большим научным трудом, над которым С. С. Черников работал до конца жизни. В раздел вошли обе диссертации ученого: кандидатская «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая» (Д. 2) и докторская — «Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы» (Д. 9), к ним прилагаются тексты вступительного слова С. С. Черникова на защитах.

В подраздел 1.2 «Статьи, доклады и тезисы» вошло 19 дел за 1939 — не позднее 1976 г. (№ 12–30). Некоторые из находящихся в фонде статей и тезисов остались только в черновом варианте и не были опубликованы. Основная часть неизданных статей касается темы кочевников Восточного Казахстана (например, из Д. 17: «К вопросу о сложении патриархально-феодального строя у кочевников» и «Хронология памятников ранних кочевников Восточного Казахстана»). Интерес представляют и материалы Д. 12: статья «Древнее горное дело в районе г. Степняк (по материалам обследования 1938 г.)» была опубликована, но в фонде к ней присоединен значительный иллюстративный материал (268 рис. и 41 фотография), описи находок из музеев и др. В Д. 15 вошла подборка тезисов докладов о работе ВКЭ за 1949–1971 гг., она составляет 120 листов, часть тезисов была опубликована, но с изменениями, часть — не опубликована.

Подраздел 1.3 «Отзывы и рецензии» составляют 37 дел за 1939–1975 гг. (№ 31–67). По количеству дел это самый крупный подраздел «Научных трудов», что говорит

об активной деятельности С. С. Черникова в области рецензирования и написания критических статей. С. С. Черников писал отзывы на работы таких ученых, как Б. А. Акерман, К. А. Акишев, А. Н. Бернштам, А. А. Гаврилова, И. А. Гимпельсон, А. Д. Грач, М. П. Грязнов, Ю. А. Заднепровский, А. А. Иерусалимская, И. И. Капылов, М. Н. Клапчук, М. Н. Комарова, Г. Ф. Коробкова, А. А. Крылова, Е. Е. Кузьмина, Л. П. Левитский, Г. А. Максименков, В. И. Матющенко, А. М. Оразбаев, В. Н. Пилипко, Г. И. Пацевич, Е. Б. Пругер, В. И. Спришевский, Ю. И. Трифонов, С. И. Руденко, М. Д. Хлобыстина, Л. А. Чалая, В. Ф. Шахматов, Т. Ш. Ширинов, У. Э. Эрдниев. Сохранились отзывы на различные сборники статей (Д. 64, 67) и учебник «История Казахской ССР» (Д. 63).

В подраздел 1.4 «Материалы к научным трудам» вошло 13 дел (1930 — не позднее 1976 г.) (№ 68–80), среди них конспекты лекций по курсу археологии преподавателей ленинградских вузов С. Н. Замятина, А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Б. Б. Пиотровского, М. И. Артамонова (по курсу «Скифы») (Д. 69), выписки о металлургии и горном деле (Д. 70), переводы монографий и статей иностранных ученых (Д. 75) и многое другое.

В подраздел 1.5 «Иллюстрации к трудам» вошло 36 дел за 1930-е — не позднее 1976 г. (№ 81–116). Значительную часть иллюстраций составляют рисунки и фотографии находок из разных областей Казахстана, хранящихся в музеях. Особо ценными являются те, которые относятся к деятельности Восточно-Казахстанской экспедиции: рисунки и фотографии раскопов, планов, разрезов и находок работ экспедиции в 1948, 1953, 1954, 1956 гг. (памятники Пчела, Кула-Журга, Баты, Славянка, Тускаин, Бухтарма, Кызыл-Ту, Юпитер (Д. 94) и др.). Сохранились 39 протирок наскальных изображений в Восточном Тарбагатае (Д. 83), карты распространения археологических памятников на территории Туркменской ССР, Узбекской ССР, Кара-Калпакской АССР, Таджикской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР (Д. 86) и «Русской колонизации Рудного Алтая в XVIII–XIX вв.» (Д. 87). За астерисками (***) помещены два дела неустановленных лиц с иллюстрациями, относящимися к археологии Казахстана.

Во второй раздел «Документы к биографии» вошло 17 дел за 1936 — не позднее 1976 г. Он состоит из трех подразделов: «Личные документы», «Документы о С. С. Черникове» и «Фотографии».

В подраздел 2.1 «Личные документы» вошло пять дел за 1945–1974 гг. (№ 117–121). Среди документов сохранился подлинник благодарности за овладение столицей Германии Берлином (Д. 117); сообщение Пленума ВАК об утверждении С. С. Черникова в степени доктора исторических наук 16 октября 1970 г. (Д. 119); письмо секретарю Ленинградского областного комитета партии об улучшении жилищных условий семьи Черниковых (Д. 121).

В подразделе 2.2 «Документы о С. С. Черникове» отложилось девять дел за 1936 — не позднее 1976 г. (№ 122–130). Среди них отзыв А. А. Иессена о научно-экспедиционной работе С. С. Черникова по изучению древнего горного дела Калба-Нарымского района в 1935–1937 гг. (Д. 123), рецензии М. П. Грязнова и А. А. Иессена на кандидатскую диссертацию «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая» (Д. 124), рецензия В. С. Сорокина на монографию «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» и варианты ответов С. С. Черникова на них (Д. 128). Историографами будут востребованы материалы Д. 129, в которое вошли отзывы о докторской диссертации «Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы» А. П. Окладникова, Д. А. Крайнова, А. И. Тереножкина, сектора археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша, кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, М. К. Кадырбаева и А. Г. Максимовой и ряда неустановленных лиц.

В подразделе 2.3 «Фотографии» отложились всего три дела за 1945–1960-е гг. (№ 131–133): единственная в фонде фотография С. С. Черникова с сослуживцами-фронтовиками (Д. 131), негативы и фото с одного из них неустановленной знакомой археолога (Д. 132, 133)²⁶.

²⁶ Несколько фотопортретов С. С. Черникова хранятся в фотоотделе научного архива ИИМК РАН (коллекции: 615-102. Альбом. I 20871; 1108-76. Альбом. I 28883; 1108-158. Альбом O. 2511/3; 1108-31. Нег. I 28848; 2312/27. Альбом O. 3030.27; 1373-33. Альбом I 65750; и др.).

В третий раздел «Документы по деятельности» за 1935–1975 гг. вошло 40 дел. Он состоит из трех подразделов: «Документы по научно-организационной деятельности», «Переписка по деятельности» и «Экспедиционная деятельность».

В подразделе 3.1 «Документы по научно-организационной деятельности» за 1939–1975 гг. — девять дел (№ 134–142). Стоит отметить документы, связанные с деятельностью С. С. Черникова в ИИМК (ЛОИА) АН СССР (Д. 134). Ученый долгие годы проработал в институте и активно участвовал в его научной и общественной жизни. В подразделе сразу в двух делах представлены документы о работе археолога в ЛОИА: Д. 134, где собраны общие документы по работе в институте (например, проект-предложение С. С. Черникова «Об изменении организационной структуры ЛОИА АН СССР»), и Д. 135, освещающее работу археолога в секторе Средней Азии и Кавказа. В отдельное дело 137 помещены документы о работе ученого в Академии наук Казахской ССР. В Д. 142 отложились документы о деятельности Научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана при Институте археологии: постановление о создании Научного совета, протокол заседания от 25 октября 1972 г. о плане работ совета, «Некоторые соображения о работе Научного Совета», высказанные С. С. Черниковым.

В подразделе 3.2 «Переписка по деятельности» находится 21 дело (№ 143–163) за 1936–1970 гг. В основном это обращения с просьбой об археологической атрибуции материала или написании рецензии, письма с информацией об обнаружении археологических памятников. Среди корреспондентов С. С. Черникова значатся К. А. Акишев, А. С. Аманжолов, Г. Я. Бражников, Н. Н. Гурина, Г. Ф. Дахшлейгер, А. А. Иессен, Т. Ишмухамбетов, О. А. Кривцова-Гракова, А. Г. Максимова, А. Н. Марьяшев, А. Г. Медоев, С. А. Несмеянов, А. Н. Нусупбеков, В. П. Сагаян, Ю. Л. Семенов, П. Н. [Третьяков], К. Ушаков, А. Харчевников, В. Н. Холодов, В. В. Чердынцев и др.

Подраздел 3.3 «Экспедиционная деятельность» за 1935–1972 гг. составляют 10 дел (№ 164–173). В него входят: документы о работе в Восточно-Казахстанской экспедиции на Бухтарминской и Шульбинской ГЭС (Д. 166 — генеральные договоры, планы работ и предварительные отчеты, докладные записки о памятниках древности, находящихся в зоне затопления, сметы, переписка и др.), документы о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в Чиликтинской долине (Д. 171), черновые рукописи полевых отчетов (Д. 173), а также разнообразные рабочие записки, сметы, планы исследования и многое другое. Этот комплекс значительно дополняет документы, вошедшие в состав фонда 35 и посвященные деятельности ВКЭ.

В заключительный раздел «Труды других лиц» вошли 24 дела за 1930-е — не позднее 1976 г. (№ 174–197). Документы в этом разделе представлены в основном тезисами и статьями. Дела систематизированы по алфавиту фамилий авторов работ, среди них А. И. Белоклоцкий, В. В. Бобров, [М. А. Бубнова], Г. Н. Валиханов, С. Н. Васильева, В. Ф. Гайдукевич, В. В. Гинзбург, Н. Н. Гурина, Х. Дуке, В. Г. Егоров, Ю. А. Заднепровский, А. А. Каприелов, Е. Ю. Кричевский, А. М. Кулемзин, А. Малдыбаев, В. М. Моржанов, В. П. Нехорошев, А. П. Окладников, Г. В. Подгаецкий, А. Н. Румянцев, М. Русаков, Э. Р. Рыгдылон (в том числе его неопубликованные статьи), В. А. Сафронов, Ю. Л. Селиверстов, П. Сорокин, И. С. Чумаков, А. И. Цурюпа, Jakob Hummel (Яков И. Гуммель). В Д. 193 отложились материалы о краеведе г. Семипалатинска А. Н. Белослюдове: статья о памятниках Северо-Восточного Казахстана, исследованных А. Н. Белослюдовым, газетные вырезки, выписки о памятниках старины Семипалатинской обл., рисунки археологических находок.

Личная переписка с родственниками и коллегами в фонде не представлена.

Литература о С. С. Черникове

Алексеевко Н. В. Наш Сергей Сергеевич Черников // Жиенбекова Ж. М., Захарова Т. Б. (сост.). Краеведы Восточного Казахстана: Пособие. Усть-Каменогорск: Издательский отдел Центральной городской библиотеки, 2011. С. 80–83.

Бедельбаева М. В. Рыцарь без страха и упрека (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова) // Археология Казахстана. 2019. № 3. С. 46–61.

Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.

Кадырбаев М. К. Сергей Сергеевич Черников: [1909–1976. Некролог] // Известия АН Казахской ССР. 1976. № 6. С. 88–89.

Скоробогатов Д. И. Однополчане (военные мемуары). М.: Воениздат, 1976. С. 104.

Сорокин В. С. Рец.: С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // СЭ. 1962. № 1. С. 124–130.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО

Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 79: Экспедиции новостроечные. Алтайская 1936 г., Казахстанская 1937 г. 7 янв. — 3 сент. 1937. 14 л.; Д. 143: Отчеты о работе сотрудников ИАТ. 27 марта — 1 августа 1937 г. 77 л.; Д. 339а: Отчет о работе Калба-Нарымского археологического отряда в 1937 г. 50 л.

Ф. 35. Оп. 1-1935. Д. 153: Об археологических работах по изучению древней добычи олова Казахстанской экспедицией в районах Калбинского и Нарымского хребтов. 17 января — 26 декабря 1935 г. 30 л.

Оп. 1-1952. Д. 24: Бухтарминская экспедиция (Восточно-Казахтанская). Краткий отчет о работе экспедиции в 1952 г. 3 л.

Оп. 1-1953. Д. 46: Восточно-Казахстанская экспедиция 1953 г. Отчет об обследовании и раскопках поселений у аула Канай, Мало-Красноярка, у д. Пещера, Усть-Нарым и курганов на правом берегу Иртыша, у пос. Кызыл-Ту, д. Славянка. 1953. 27 л.

Оп. 3. Д. 94: Личное диссертационное дело Черникова Сергея Сергеевича. 11 января 1947 — 12 февраля 1947. 59 л.

Оп. 5. Д. 382: Личное дело Черникова Сергея Сергеевича. 16 ноября 1935 — 5 мая 1976. 220 л.; Д. 334: Трудовой список С. С. Черникова. 1935–1937. 5 л.

Ф. 81. Оп. 1. Д. 9: Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Ч. 1, 2. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. 1970. 689 л.; Д. 145: Письмо к. и. н. А. А. Иессена по делам экспедиции 1937 г. 17 сент. 1937 г. 3 л.

Акишев 1967 — Акишев К. А. Археология в Казахстане за советский период // СА. 1967. № 4. С. 62–78.

Алексеенко 2011 — Алексеенко Н. В. Наш Сергей Сергеевич Черников // Жиенбекова Ж. М., Захарова Т. Б. (сост.). Краеведы Восточного Казахстана: Пособие. Усть-Каменогорск: Издательский отдел Центральной городской библиотеки, 2011. С. 80–83.

Алёшкин 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.-сост.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Бедельбаева 2019 — Бедельбаева М. В. Рыцарь без страха и упрека (к 110-летию со дня рождения С. С. Черникова) // Археология Казахстана. 2019. № 3. С. 46–61.

Бейсенов и др. 2017 — Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Бейсенов А. З., Ломан В. Г. (отв. ред.). Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сб. науч. ст. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11–64.

Грязнов 1960 — Грязнов М. П. Предисловие // С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–6 (МИА. № 88).

Дюжилов 2007 — Дюжилов С. А. Кольская комплексная экспедиция // Федоров П. В. (отв. ред.). IV Ушаковские чтения (Мурманск, 1–3 марта 2007 г.): Сб. науч. ст. / Мурманск: МГТУ, 2007. С. 115–119.

Евдошенко 2012 — Евдошенко Ю. В. Ликвидация Геолкома. К 130-летию первого геологического учреждения России // Горные ведомости. 2012. № 10. С. 60–72.

- Кадырбаев 1976 — *Кадырбаев М. К.* Сергей Сергеевич Черников: [1909–1976. Некролог] // Известия АН Казахской ССР. 1976. № 6. С. 88–89.
- Комарова 1962 — *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник. 1962. № 5. С. 50–75.
- Коробкова 1963 — *Коробкова Г. Ф.* Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Руденко С. И. (отв. ред.). Новые методы в археологических исследованиях: Сб. ст. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 215–233.
- Максимова 1960 — *Максимова А. Г.* Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1960. Т. 7. С. 86–160.
- Самашев 2023 — *Самашев З. С.* Вкладышевый кинжал эпохи неолита из поселения Усть-Нарым на р. Иртыш // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 6. С. 735–748.
- Самратова, Ахметова 2017 — *Самратова Д. Б., Ахметова Г. М.* Вопросы изучения археологических памятников Восточного Казахстана // Казанский вестник молодых ученых. 2017. Т. 1, № 1. С. 94–99.
- Скоробогатов 1976 — *Скоробогатов Д. И.* Однополчане (военные мемуары). М.: Воениздат, 1976. С. 104.
- Сорокин 1962 — *Сорокин В. С.* Рец.: С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // СЭ. 1962. № 1. С. 124–130.
- Черников 1939 — *Черников С. С.* Древняя добыча металлов в верховьях Иртыша // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 22–23.
- Черников 1941 — *Черников С. С.* Восточно-Казахстанская область. Калбинский и Нарымский хребты. 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 292–296.
- Черников 1948 — *Черников С. С.* Древнее горное дело в районе г. Степняк (по материалам обследования 1938 г.) // Известия АН Казахской ССР. 1948. Серия «Археология». Вып. 1, № 46. С. 13–32.
- Черников 1948а — *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая (тезисы канд. дис.) // КСИИМК. 1948. Вып. 23. С. 96–100.
- Черников 1952 — *Черников С. С.* Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. 1952. № 48. С. 81–92.
- Черников 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА. № 88).

OVERVIEW OF THE FOND OF S. S. CHERNIKOV (ON THE OCCASION OF THE 115TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

М. В. МАНДРИК

Keywords: *Scholarly Archive of IHMC RAS, fond No. 81, S. S. Chernikov's biography, archaeology of Eastern Kazakhstan*

The paper presents an overview of S. S. Chernikov fond (fond No. 81), which has become accessible for the visitors of the Scholarly Archive of IHMC RAS since 2024. The biographic part of the paper provides information about the scholar's life and research.

РЕЦЕНЗИИ

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Рецензия на книгу: Отцы-основатели РАИМК:

их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский.

СПб.: ИИМК РАН, 2022. 872 с.: ил. ISBN 978-5-6047952-0-0

Л. А. СЫЧЕНКОВА¹

Ключевые слова: история культуры, история отечественной археологии, ретроспективный подход, материальная культура, РАИМК, биографии ученых, историография.

В рецензии анализируется коллективная монография «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку» (2022). Рассматривается авторский подход к переосмыслению биографий российских ученых в ведущем научном центре Петрограда–Ленинграда. Ретроспективный подход позволил авторам представить более объективные портреты героев сборника, реконструировав их жизненный путь и вклад в науку. Важной составляющей концепции очерков является уважительная и деликатная интонация описания творческих биографий, что помогает преодолеть накопившиеся в историографии за десятилетия наслоения легенд, вымыслов, необоснованных обвинений. Собранные в одной книге творческие портреты 48 блестящих советских историков культуры, археологов, искусствоведов, музеологов позволяют по-новому оценить уникальный опыт ведущего центра гуманитарного знания в контексте сложного социокультурного пространства 1920–1930-х гг.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-130-140

Тяжеленный фолиант любовно изданной книги нестандартного формата, прекрасно иллюстрированной, с удобными для чтения постраничными сносками располагает к подробному академическому разговору. Слова Н. Я. Марра из эпитафии на постаменте его надгробного обелиска «Коллектив живой воскрешает мертвых» (с. 98) могли бы стать эпиграфом к этой книге. Миссия авторов — сохранить достойную память об ученых, внесших значительный вклад в изучение истории культуры. Нравственно-этическое значение книги в наши дни не меньшее, чем несомненное эвристическое.

Сложность осмысления содержания книги связана не столько с объемом и количеством биографий (48(!) персоналий представлено в книге), но прежде всего с тем, что мир каждого из ее героев — целая планета. «Деятельность ученого настолько колоссальна и всеобща, что мы не знаем, как подступиться...», — признается один из авторов (с. 142). Еще больший трепет испытываешь, когда приступаешь к осмыслению результата колоссального труда историков науки, представивших свою интерпретацию биографий классиков отечественного гуманитарного знания в пространстве уникального академического центра — Российской академии истории материальной культуры (РАИМК).

---

¹ Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета; Казань, Республика Татарстан, РФ.

© Сыченкова Л. А., 2024

В последние десятилетия появилось несколько изданий, посвященных российским центрам гуманитарного знания, возникшим в конце XIX — первой четверти XX в.: Русскому археологическому институту в Константинополе (РАИК) (Басаргина 1999), Российскому институту истории искусств (РИИИ/ГИИИ в Петрограде) (Российский институт... 2003; Конец институций... 2014; Кумпан 2011). Особое внимание в историографии уделяется экспериментальным формам научных организаций 1920–1930-х гг. (Зиндер, Строева 1999), таким как Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Государственная академия художественных наук (ГАХН) в Москве (Кузьминых, Белозёрова 2018). И вот, наконец, в этом ряду появилось собрание биографий ученых, принявших участие в создании РАИМК. Собранные вместе, их историографические портреты позволяют избавиться существующие представления от многолетних наслоений легенд и вымыслов.

Личное отношение к РАИМК и ее истории складывалось у меня с конца 1970-х гг. Фамили И. И. Толстого, С. А. Жебелёва, Б. В. Фармаковского, Б. А. Тураева упоминались в историографических обзорах лекций профессора Казанского университета антиковеда Аркадия Семеновича Шофмана (1913–1993). Это были его учителя. В 1988 г. он рассказывал мне о И. И. Толстом, Н. Я. Марре, О. М. Фрейденберг.

В 1933–1938 гг. А. С. Шофман учился на классическом отделении филологического факультета ЛГУ. Перед войной он недолго преподавал на историческом факультете ЛГУ и в Первом Ленинградском педагогическом институте иностранных языков. Для меня было открытием то, что А. С. Шофман многих из упомянутых мною фигур, казавшихся представителями давно ушедшей эпохи, знал лично, они были для него живыми людьми. Остался в памяти рассказ о том, как они студентами начала 1930-х гг. слушали лекции Н. Я. Марра, который излагал им свою сложную яфетическую теорию. Н. Я. Марр рассказывал о своей концепции развития языков с присущим ему темпераментом, увлекаясь, утирая вспотевший лоб тряпкой, которой только что мыл доску. Следы мела оставались на лице и одежде, но, казалось, такие мелочи для него ничего не значили. Содержания лекций студенты не понимали, поэтому потом к ним приходил доцент, ученик Н. Я. Марра, который разъяснял услышанное более доходчиво, а за ним еще и аспирант доводил объяснение до уровня возможного восприятия материала студентами. В результате они что-то усваивали.

А. С. Шофман рассказывал и о том, как стоял в почетном карауле у гроба Н. Я. Марра 24 декабря 1934 г. В статье Н. И. Платоновой помещено свидетельство этого события — фотография, на которой запечатлена часть траурной церемонии прощания с Н. Я. Марром (с. 98). Воспоминания А. С. Шофмана — реальная «связь времен», передача традиций, они существенно дополнили сведения, полученные из архивных документов. Мое представление о РАИМК уточнялось в процессе работы с документами из фонда Ф. И. Шмита (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 55) в архиве института в середине 1980-х гг. Позже, по заданию профессора А. С. Шофмана, который собирался писать воспоминания о своих учителях (Шофман 2009), я познакомилась с фондами С. А. Жебелёва, В. И. Ковалёва и Б. А. Тураева.

Несмотря на то, что РАИМК возникла в результате поэтапного реформирования Российской государственной археологической комиссии (РГАК), она постепенно превратилась в ведущий научный центр гуманитарного знания. Предмет истории культуры, закрепленный в самом названии РАИМК, шире, чем предмет археологии или искусствознания: она занимается изучением всех аспектов материальной культуры: историей архитектуры, сфрагистикой, геральдикой, генеалогией, реставрацией. Были в Академии направления, связанные с широким пониманием истории культуры: история искусства, история религии и фольклор, музеология и т. д.

Название Академии возникло неслучайно, оно опиралось на марксистскую концепцию культуры, согласно которой понятие «культура» было разделено на «материальную» и «духовную». В последние десятилетия в среде музеологов и зарубежных гуманитариев стало не принято употреблять оба эти понятия, в особенности «духовная культура». С подачи

ЮНЕСКО с конца 1990-х гг. в западном гуманитарном знании — истории, «культуральной истории» — понятие «духовная культура» предпочитают заменять понятием «нематериальное культурное наследие» (Конвенция ЮНЕСКО 2003). Истоки неприятия дефиниции «духовная культура» еще в 1924 г. с иронией описал А. В. Луначарский: «Слово „духовный“ — довольно противное слово, потому что имеет метафизический привкус и напоминает духовенство, но мы знаем, что Маркс употреблял его тоже — „гейстлихе культур“ (geistliche Kultur), и трудно сейчас придумать другое выражение» (Луначарский 1964: 11, 12).

В современной западной историографии (Бёрк 2015) к гегелевскому понятию «духовная культура», равно как и к понятию «материальная культура», воспринятому К. Марксом и Ф. Энгельсом, сложилось категорическое неприятие. По содержанию понятие «нематериальное культурное наследие» только частично совпадает с понятием «духовная культура». Надо сказать, что современные российские культурологи, впервые услышав понятие «нематериальное культурное наследие», испытали шок. Но прошло время, и термин прочно закрепился в отечественной лексике.

Концепция издания

К написанию очерков о 48 ученых РАИМК в рамках гранта РФФИ (проект 18-09-40116) был привлечен солидный коллектив научных работников — 15 авторов. Среди них шесть докторов наук — цвет сегодняшней исторической элиты Санкт-Петербурга: Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, Н. И. Платонова, И. Л. Тихонов, И. В. Тункина, И. Ю. Шауб. К сожалению, авторы не указаны в оглавлении вместе с названиями очерков. Выявление авторов статей позволяет установить, что «рекордсменом» среди них является научный редактор и составитель издания, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории античной культуры ИИМК РАН Владимир Анатольевич Горончаровский. Его перу принадлежат 12 статей, три из них — в соавторстве. Авторы семи статей — М. Поникаровская и И. В. Тункина, восьми — М. Ю. Вахтина (одна в соавторстве). М. В. Медведева подготовила шесть статей. У остальных авторов (Н. С. Бекетовой, Д. А. Кукиной, Е. В. Лепехиной, Н. А. Павличенко, Е. А. Стоянова, В. П. Никонорова, В. А. Алёкшина) — по одной или две статьи.

Красивое название книги — «отцы-основатели» — не совсем точно отражает ее содержание, поскольку не всех героев очерков можно так назвать. Биографии некоторых персонажей только по касательной соприкасались с работой Академии (И. Э. Грабаря, М. А. Эфроса, Н. А. Энман и др.). Принцип отбора имен для сборника биографий — это всегда трудный выбор. В наше время в историографии обозначилась тенденция — вспоминать всех, даже тех, которые, возможно, были забыты неслучайно.

Биографии ученых в сборнике даны на фоне жизни самой Академии, как на запечатлевшей участников Избирательного собрания РАИМК коллективной фотографии, комментарии к которой стали темой вступительной статьи редактора В. А. Горончаровского. Внутренняя жизнь институтов 1920–1930-х гг. с перманентной реорганизацией отделов, разрядов, секций, внутренней борьбой направлений и личных амбиций ученых служит фоном для биографических портретов ученых, причастных к созданию РАИМК, как Мраморный дворец на обложке книги.

Композиция сборника

Книга состоит из четырех глав и приложения, авторы сборника расположили биографии по времени вступления ученых в состав РАИМК: глава 1 «Члены Российской государственной археологической комиссии, избранные по отделениям в состав РАИМК 15 июля 1919 г.»; глава 2 «Участники Избирательного собрания 5–7 августа 1919 г., ставшие действительными членами РАИМК»; глава 3 «Избранные заочно действительные члены РАИМК»; глава 4 «Участники Избирательного собрания, не вошедшие в первый состав действительных членов РАИМК»; приложение «Старейшие сотрудники РАИМК».

Хронологический подход к последовательности статей о персоналиях позволил авторам всех «уравнять». Хотя был возможен иерархический принцип расположения персоналий: в начале списка — фигуры «первого плана», потом «второго плана», и так далее. Но ранжирование персоналий предполагает выработку точного критерия различения ученых по степени большей или меньшей значимости. Это задача трудноосуществима на практике. Значительность отдельных персонажей в данной книге можно определить по содержанию и объему статей.

Не все очерки отличаются новизной представленного материала. О многих персонажах уже написаны монографии. Таковы фундаментальные исследования о С. Ф. Ольденбурге (Каганович 2006), Н. П. Сычеве (Кызласова 2006), С. Г. Елисееве (Марахонова 2016), И. А. Орбели (Юзбашян 1964), Б. В. Фармаковском (Фармаковская 1988). Библиография жизнеописания Н. Я. Марра содержит несколько монографий и десятки статей (Алпатов 1991). Очерки в книге опираются на большой массив архивных источников, частично впервые вводимых в научный оборот, и на уже существующую историографию. Авторы предваряют их кратким историографическим обзором литературы и ссылаются на предшественников в изучении рассматриваемых персоналий. Очерки различаются по уровню осмысления биографии и значения научного творчества героев. Отдельные статьи, синтезирующие результаты многолетних исследований, создают законченный историографический портрет ученых. Таким глубоким содержанием отличаются статьи о А. А. Васильеве, В. В. Бартольде, Б. А. Тураеве, Б. В. Фармаковском, Н. Я. Марре, А. А. Миллере, В. В. Латышеве, Н. П. Лихачеве, Ф. И. Шмите.

Долгое время о некоторых ученых (В. К. Мальмберге, Д. В. Айналове, Ф. И. Шмите) не вспоминали в историографии, но с конца 1970-х гг. началось их «открытие». Маятник оценок их творчества раскачивался от разоблачений до полной научной реабилитации. Прошли годы, и неактуальными стали обвинения многих в вульгарном социологизме, идеализме и методологической эклектике времен, когда переосмысление наследия ученых РАИМК проходило в контексте традиционных парадигм историографии советского времени. К изучению наследия некоторых героев сборника истории науки приступили только после 2000-х и даже 2010-х гг. Среди них Н. К. Никольский, А. С. Раевский, П. К. Симони, С. Н. Троицкий. К настоящему времени сложилось целое историографическое направление в осмыслении этапов становления отечественного гуманитарного знания 1920–1930-х гг.

Особую ценность представляют те публикации, в которых архивные документы дополнены личными воспоминаниями. Так, И. Л. Тихонов удачно вкрапляет в очерк об А. А. Спицыне воспоминания о своем общении с дочерью ученого (с. 189–216). Такие встречи соединяют ученых разных поколений. В связи с этим особое значение приобретает публикация уникальных фотографий. В книге воспроизводятся многие ранее неизвестные фотографии и художественные иллюстрации из научного архива ИИМК РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Фотографии не только украшают книгу, но и делают ее эстетически привлекательной и визуально информативной. Например, фото «К. К. Романов с сотрудницей в помещении Разряда древнерусской архитектуры. 1920-е гг.» (с. 176) дает представление об обстановке в отделе и приоткрывает малоисследованную тему участия женщин в работе РАИМК. В книге в качестве героя очерка представлена только одна женщина — археолог и художница Наталья Александровна Энман (с. 843–866). Редкость появления женщин в раннем составе Академии была связана с ограничениями в получении ими высшего образования. Между тем только в разряде средневековых культур и Передней Азии под руководством Ф. И. Шмита в 1919 г. работала целая группа женщин: археолог Н. В. Измайлова, окончившая Сорбоннский университет; палеограф, известный советский медиевист Е. Ч. Скржинская; византинист Е. Э. Липшиц; археолог М. И. Румянцева-Халусевич; археолог, исследователь древнерусской культуры М. А. Тиханова-Клименко, оставившая воспоминания о РАИМК (Смирнов 2013).

Интересны фотографии из археологических поездок В. К. Мальмберга в статье В. А. Горончаровского. К сожалению, не все фотографии атрибутированы, нет указаний на точное место хранения (с. 365, 366, 368, 371, 372). Это несколько снижает их научную ценность.

Композиция статей

Биографии ученых читать интересно, поскольку они изложены каждая по-своему. Общим является то, что авторы затрагивают не только тот период жизни своих героев, который связан с работой в РАИМК. В очерках нет категоричных оценок поступков и осуждения героев. Возможность дистанцироваться от событий тех лет позволяет авторам применить ретроспективный подход к биографиям героев: «...когда очистились перспективы, выровнялись шероховатости, а дни стали временем, и обобщение могло родиться само собой, механическое и бесстрастное» (Веселовский 1939: 433). Хотя без эмоций некоторые трагические моменты в жизни героев, вплетенные в сложный контекст социополитических событий, воспринимать очень трудно.

Немного грустно от того, что некоторые биографические очерки заканчиваются моментом ухода их героев из жизни. Так, М. В. Поникаровская завершает очерк об И. Э. Грабаре словами: «16 мая 1960 г. в возрасте 89 лет он скончался в Москве...» (с. 339). Мне кажется, что пафос некрологов здесь не совсем уместен. Понятно, что все герои очерков ушли в мир иной, и по-разному — кто-то в почете, кто-то от голода и болезней, кто-то трагически. Более значима для научной биографии оценка вклада ученого в науку, будь то оригинальная методология, новое направление, открытие, созданная научная традиция, преемственность, реализованная в учениках и последователях, даже заблуждения и ошибки. Завершенные таким образом статьи предлагают «продлить жизнь ученых в науке» изданием их рукописных материалов. Заслуживают всяческой поддержки предложение И. В. Тункиной о «скорейшем вводе в научный оборот неизданных трудов истинного „титана“ отечественной науки» В. В. Латышева (с. 57); подведение итогов исследований о Н. Я. Марре в очерке Н. И. Платоновой: «Традиции, заложенные им до 1917 года, живы в науке до сих пор» (с. 56). Автор очерка о А. А. Миллере В. А. Алёкшин подчеркивает, что главный вклад в науку этого ученого — воспитание целой плеяды крупнейших отечественных археологов (с. 125), и предлагает издать составленный А. А. Миллером свод греческих христианских надписей Северного Причерноморья. Во многих статьях намечены перспективы исследования архивных фондов для последующих изысканий (например, относительно К. К. Романова, с. 188). Значимость наследия Н. П. Сычева в области изучения и сохранения древних памятников еще только предстоит осознать будущим поколениям специалистов (с. 241). Заслуга Б. В. Фармаковского, по мнению Ю. А. Виноградова, состоит в том, что он сумел создать школу полевой археологии в России и внес значительный вклад в изучение античных памятников. Красиво и оптимистично звучит завершение очерка о нем словами: «Все мы вышли из его Ольвийской экспедиции!» (с. 271). М. В. Медведева считает, что архивные материалы А. П. Удаленкова и Н. В. Бакланова еще ждут своих исследователей (с. 253, 297). Труды В. В. Бартольда — это научная классика, признают В. П. Никоноров и В. А. Горончаровский (с. 310). Последний высоко оценивает вклад В. В. Богданова в российское славяноведение, языкознание, историческую географию, развитие этнографических музеев (с. 318). Основы научного японоведения во Франции заложил С. Г. Елисеев, считает М. Ю. Вахтина (с. 358). Многие тексты архива И. А. Орбели «не изданы до сих пор, ждут своих исследователей и скорейшего введения в научный оборот», отмечает И. В. Тункина (с. 396).

Заслуга многих ученых не только в их научных открытиях, но и в том, что они способствовали созданию научной базы для последующих поколений. Так, по мнению И. Л. Тихонова, А. А. Спицин «создал необходимый фонд для будущих исследователей» (с. 126). На основе личной коллекции монет, письменных источников и документов Н. П. Лихачева в 1925 г. был создан Палеографический музей, в середине 1930-х гг. преобразованный

в Музей книги и письма. К сожалению, лихачевская коллекция не сохранилась в целостном виде и в результате дальнейшего реформирования была распределена между несколькими музеями и институтами, констатирует М. В. Поникаровская (с. 591–593).

Очень сложная задача стояла перед Н. И. Платоновой при подготовке очерка о Н. Я. Марре. Н. Я. Марр — центральная фигура в истории РАИМК, он — подлинный ее отец-основатель, но как личность и ученый — человек неоднозначный, память о нем овеяна мифами и легендами. Переосмысление личности Н. Я. Марра и его вклада в науку до сих пор не завершено (Платонова 1998). Н. И. Платоновой удалось буквально пройти по лезвию бритвы и создать цельный образ, избежав апологетики и чрезмерной критики. Для реконструкции биографии такого неоднозначно воспринимаемого ученого, с его многочисленными достоинствами и серьезными недостатками, надо обладать и известной долей деликатности, и уважением, чтобы объективно определить его место и роль в истории российской науки. Автор не скрывает, что болезнь оставила отпечаток на поступках и научных изысканиях Н. Я. Марра в конце жизни. Н. И. Платонова не соглашается с чрезмерно критическими оценками В. А. Арциховского (Арциховский 1953). Взаимоотношения Н. Я. Марра с партийным руководством страны и города, с А. В. Луначарским, А. С. Бубновым — особая тема (Сидорчук 2016). Больно читать о раскопках Н. Я. Марра в Ани, об уничтоженных трудах экспедиции, разрушенном музее, о борьбе ученых с мракобесием, узостью мышления. Но дискуссия о Н. Я. Марре и его наследии не закончена, и читателю предлагается самостоятельно определить свое отношение к этой личности на основании описанных фактов. Важное признание автора очерка: Н. Я. Марр был не только археологом, а историком культуры (с. 89).

Историографический образ РАИМК как советской научной корпорации

РАИМК — уникальное учреждение по направлениям научно-исследовательской работы. Главное в Академии — это люди, и образ РАИМК складывался из судеб людей. Авторы сборника не стремились представить Академию чем-то вроде башни из слоновой кости, островом спасения, свободным от потрясений и репрессий. Академия пережила несколько кризисов внутреннего управления, связанных с назначением на руководящие должности коммунистов. Никто не выбрал персонажами своих исследований такие фигуры, как коммунист Ф. В. Кипарисов, который некоторое время был даже председателем Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)², или С. Н. Быковский, который занимал пост заместитель председателя и был известен как инициатор чисток и травли ученых в ГАИМК. Они не вошли в сборник не только потому, что были сомнительными учеными, а, главным образом, потому, что формально они не были избраны в нее, как другие члены Академии, а были назначены сверху партийным руководством для идеологического контроля.

РАИМК появилась в условиях, когда старые академические нормы и правила жизни были разрушены, а новые еще не выработаны. Академия была все-таки советским научным учреждением, корпоративную этику которого формировали правила времени. РАИМК не могла сложиться за десятилетие как сообщество единомышленников, но ментальность ее коллектива определяли высокая культура, образованность и профессионализм работавших в ней людей.

Н. Я. Марр — лидер и вдохновитель научного сообщества РАИМК/ГАИМК, хотя известно, что у истоков создания Академии стоял востоковед А. А. Васильев. Но именно Н. Я. Марр всех объединял, выполняя иногда роль буфера между властью и учеными. Марр спасал оставшуюся часть российских гуманитариев в условиях голода и политического террора. Для многих РАИМК была последним местом трудоустройства, поскольку их уже нигде не принимали на работу. Может быть, спасение научного генофонда гуманитариев

² Изменение названия Академии произошло в 1926 г.

и было главной человеческой миссией Академии (Сидорчук 2016: 96). Н. Я. Марр, действительно, многих своих коллег избавил от неминуемой гибели, писал письма с просьбой об их освобождении в случае ареста и иногда ему удавалось добиться этого или на какое-то время отсрочить приговор. Дорого стоит признание Ф. И. Шмита: «Все-таки пока Марр есть, еще можно как-то тянуться к жизни» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1079. Л. 10).

Под одной крышей, будучи изгнанными из других учебных учреждений и научных центров, в РАИМК собрались археологи, византилисты, антиковеды, искусствоведы. У всех за плечами были разная научная подготовка, собственный опыт, методологические пристрастия, амбиции и устремления. Об отсутствии единства во взглядах и методологическом эклектизме сотрудников РАИМК свидетельствует знакомство с материалами дискуссий тех лет. В этом смысле весьма показательным было обсуждение концепции античного искусства Ф. И. Шмита на совместном заседании специалистов РАИМК, Эрмитажа и Государственного института истории искусств (ГИИИ), состоявшемся в 1925 г. В нем приняли участие Б. В. Богаевский, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелёв и О. Ф. Вальдгауэр. Материалы дискуссии наглядно демонстрируют, что все ученые использовали разный язык описания феномена античного искусства и отвергали любую возможность типологического осмысления художественных открытий античности (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30. Л. 12, 13).

Жизненные коллизии этих людей во многом определяло разное социальное происхождение: среди них были выходцы из дворян, научной интеллигенции, купцов, священников и разночинцев.

Практически все сотрудники к моменту поступления на службу в РАИМК имели блестящее университетское образование, почти все — ученые степени, а некоторые получили признание за свои открытия не только отечественной, но и мировой науки. В Академии творили люди широчайшей эрудиции и энциклопедических знаний. Но встречались и удивительные самородки, не получившие систематического образования, например художник-реставратор В. А. Щавинский, фотолетописец Академии И. Ф. Чистяков. В книге представлены биографии историков архитектуры, реставраторов и художников Н. Б. Бакланова, А. П. Удаленкова, Н. П. Сычева, К. К. Романова, А. Н. Бенуа. Синтез художественного и научного мышления давал поразительные результаты при интерпретации произведений искусства. Художественные навыки чрезвычайно ценились в среде историков культуры. В Академии работали специалисты, исследования которых способствовали развитию теории и практики музейного дела, генеалогии, сфрагистики, геральдики. Все вместе они формировали новый слой советской научной интеллигенции с особым стилем жизни и своим социальным статусом.

Большинство из представленных в книге героев осмысливали в своих исследованиях историю культуры в самом широком смысле слова. Такие ученые, как Н. Я. Марр, И. А. Орбели, В. В. Бартольд, Ф. И. Шмит, сочетали талант археологов и теоретиков, создавая фундаментальные произведения по истории культуры Древней Руси, Византии, античного и средневекового Крыма, Древнего Кавказа и Средней Азии, Китая, Монголии, Индии, Японии. Синтетический, системно-культурный подход к изучению историко-культурного наследия, предложенный Н. Я. Марром, определял научную методологию РАИМК/ГАИМК.

Сквозные темы

В биографические очерки вкрапывается несколько весьма существенных тем. Из них на первом месте *тема репрессий*, отражающая политический фон времени. Сколько бы мы ее ни осмысливали, знакомясь с биографиями ученых, эмоций избежать невозможно. В экстремальной ситуации исторического перелома люди оказались перед личным выбором: уехать или остаться, сотрудничая с новой властью, но продолжив свои исследования, не обращая внимания на политические изменения. Оставшиеся ради спасения себя и близких научились «контролировать тембр голоса» (Галчева, Голубович 2015: 17), как их современница, ленинградский медиевист О. А. Добиаш-Рождественская.

И здесь прослеживается *тема научного подвига*, беззаветного служения науке. Многие из оставшихся в советской России ученых лишились академического комфорта, испытали голод, материальную нужду, ухудшение жилищных условий, потерю социального статуса, но продолжили работать. «Русская наука держалась и будет держаться только людьми, которые не ищут в ней ничего, кроме науки, и прежде всего чуждыми всякого честолюбия и славолюбия», — замечал В. В. Богданов (Керимова 2011: 397–412).

Еще одна тема сборника — биографии ученых-эмигрантов. Невольно сравниваешь судьбы тех, кто покинул Россию, и оставшихся. Это грустная тема в истории отечественной науки. После десятилетий забвения с начала 1990-х гг. отношение к ученым-эмигрантам стало меняться: началась волна их восхваления. Стали проводить международные научные конференции, посвященные М. И. Ростовцеву, А. А. Васильеву, А. А. Миллеру (с. 12), Н. П. Кондакову и др. Было признано, что научные открытия русских эмигрантов обогатили мировую науку, стали очевидны упущенные возможности отечественной науки в результате идеологического террора. В историографии даже наметился некоторый перекокс: ученым, покинувшим Россию, доставалось больше почета, славы и уважения, чем оставшимся на родине.

В 1920–1930-е гг. ученые эмигрировали, спасаясь от террора. Жизнь их на Западе сложилась по-разному: немногие смогли хорошо освоиться в новой среде, получить признание, полностью реализоваться. Такова была судьба русских гуманитариев П. А. Сорокина, Н. П. Кондакова, А. А. Васильева. Следует признать, что в советской России, в условиях изоляции от мировой науки, они не смогли бы достичь таких успехов. Так, Б. В. Фармаковскому до революции удалось участвовать в трех международных конгрессах — в Афинах (1905), Каире (1909) и Лондоне (1913) (с. 267), а после 1917 г. он уже не выезжал за границу, так как участие советских ученых в зарубежных научных форумах и сообществах не приветствовалось властями.

Но вот, казалось бы, поучительный пример грустного конца жизни русского ученого-эмигранта: востоковед А. А. Васильев умер в «полном одиночестве» в США, в доме престарелых (с. 32). Могут возникнуть мысли о его горькой судьбе. Но! А. А. Васильев ушел из жизни в 82(!) года. Многие ли из гуманитариев, оставшихся на родине, достигли такого возраста? А главное, А. А. Васильев умер на другой день после возвращения с IX Международного Византийского конгресса в Фессалониках (апрель 1953), а это означает, что до последних дней он жил полной жизнью. А. А. Васильеву, как и его современнику М. И. Ростовцеву, в период эмиграции удалось очень многое сделать, в результате чего оба ученых приобрели славу неоспоримых классиков мировой науки. Невольно задумываешься о том, как сложилась бы их судьба в советской России...

Занимаясь Ф. И. Шмитом, часто позволяла себе думать об истории в сослагательном наклонении: была бы дольше, полнее, продуктивнее его жизнь, останься он в Германии в 1914 г., когда ему предлагали, или потом, после революции, в случае отъезда за границу (Сыченкова 2013). Ответа не нашлось, но не задумываться об этом невозможно (Сыченкова 2012). Характерным является пример С. С. Лукьянова, бежавшего во Францию в 1920 г., но вскоре высланного из нее в Россию и расстрелянного в 1938 г. (с. 66, 67). Так же сложилась судьба медиевиста Л. П. Карсавина, возвращенного из эмиграции в СССР и погибшего в 1953 г. в лагере. Очевиден вывод о невозможности полной творческой реализации ученых в условиях жесткого идеологического контроля.

Историографический подход

Авторы книги выбрали этически правильную интонацию в отношении своих героев. Нашим современникам не дано право осуждать ученых за их жизненный выбор, поскольку мы не жили в тех обстоятельствах. При этом надо помнить, что у каждого из них была своя правда, и правд бывает несколько. Обличая и разоблачая, надо помнить, что со временем люди не становятся лучше. Следует признать, что современное поколение ученых

нравственно не выше тех, кто жил в 1920–1930-е гг. Все пороки остались: зависть, плагиат, доноительство, ловкость в имитации научной деятельности.

Цель изданий, подобных «Отцам-основателям...», не в коллекционировании биографий, а в характеристике и определении значимости научных концепций ученых. Современным отечественным историкам науки важно знать, какую роль сыграли персонажи очерков в получении новых знаний, выходили ли они на передовые рубежи мировой науки или предопределяли ее отставание. К чести авторов и составителей данного сборника, в нем не представлены биографии имитаторов научных исследований. Конечно, были ученые, которые увлекались ложными гипотезами, но о них можно сказать так же, как в свое время немецкий историк Ф. Майнеке о французском философе и историке искусств И. Тэне: «...своими яркими заблуждениями они дали науке больше, чем другие — своими мелкими истинами» (Баткин 1990: 11).

Научно-информативная значимость издания была бы выше при наличии именного указателя и обобщающего библиографического списка исследований о представленных персоналиях в конце сборника. Но отсутствие такого справочного аппарата, видимо, связано с большим объемом книги.

И под конец хочется немного сказать о вкладе в развитие Академии представителей Казанского университета. Его выпускниками были два героя книги — В. К. Мальмберг и Н. П. Лихачев, оба — ученики филолога-классика, антиковеда и византиниста Д. Ф. Беляева (Медведев 2005: 282, 283). К сожалению, в статье В. А. Горончаровского не упоминаются другие наставники В. К. Мальмберга в Казани, кроме В. Э. Радлова: преподаватели гимназии и университета, члены семьи (Сыченкова 2022: 31–34). В Казанском университете начинал свою научную карьеру Д. В. Айналов. Именно в этом городе он написал докторскую диссертацию, получившую мировое признание.

Подводя итоги рецензии, следует отметить, что книга «Отцы-основатели...» производит самое благоприятное впечатление. Думается, что предложенные авторами оценки научной жизни и наследия героев очерков — не окончательные, а соответствуют современному этапу их историографической интерпретации. Содержание некоторых статей воспринимается не без внутренней полемики с их авторами. Книга будет жить своей жизнью, и восприятие заложенной в ней информации читателями будет иногда отличаться от замысла авторов. Главное, она заставляет размышлять о судьбах советских ученых в непростых обстоятельствах, о коллизиях, достижениях и упущенных возможностях отечественного гуманитарного знания.

Практически все представленные в книге персоналии предстают перед нами многогранными личностями с разносторонними интересами, оставившими глубокий след в различных областях гуманитарного знания и истории культуры. Их уникальный научный опыт по-прежнему востребован. Связь поколений и научных традиций, заложенных учеными РАИМК в 1920–1930-е гг., состоит в том, что многие открытия тех лет могут придать импульс современным междисциплинарным исследованиям. Надеюсь, что книгу ожидает высокий индекс цитирования, что повысит статус научного признания труда петербургских ученых.

Литература и источники

- Алпатов 1991 — Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Арциховский 1953 — Арциховский В. А. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Удальцов А. Д. (отв. ред.). Против вульгаризации марксизма в археологии: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 51–69.
- Басаргина 1999 — Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 245 с.
- Баткин 1990 — Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990. 415 с.

- Бёрк 2015 — *Бёрк П.* Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
- Веселовский 1939 — *Веселовский А. Н.* Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения // *Веселовский А. Н. Избранные статьи.* Л.: ГИХЛ, 1939. С. 398–463.
- Галчева, Голубович 2015 — *Галчева Т., Голубович И.* «Понемногу приспосаблиюсь к „независящим обстоятельствам“». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
- Зиндер, Строева 1999 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // *Язык и речевая деятельность.* Т. 2. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 1999. С. 206–211.
- Каганович 2006 — *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 248 с.
- Керимова 2011 — *Керимова М. М.* О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916) (по архивным материалам В. В. Богданова) // *Антропологический форум.* 2011. № 15. С. 397–412.
- Конец институций... 2014 — *Маликова М. Э.* (сост.). Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 490 с.
- Кузьминых, Белозёрова 2018 — *Кузьминых С. В., Белозёрова И. В.* Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // *Поволжская археология.* 2018. № 1 (23). С. 321–341.
- Кумпан 2011 — *Кумпан К. А.* Институт истории искусств на рубеже 1920-х — 1930-х гг. // *Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам.* 2011. URL: <https://pushkinskiydom.ru/instituty-kultury-leningrada-na-perelome-ot-1920-h-k-1930-m-godam-materialy-proekta/> (дата обращения 15.03.2024). С. 540–637.
- Кызласова 2006 — *Кызласова И. Л.* Николай Петрович Сычев (1883–1964). М.: Изд-во СканРус, 2006. 325 с.
- Луначарский 1964 — *Луначарский А. В.* Первая лекция // *Луначарский А. В. Собрание соч.* В 8 т. Т. 4: История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. М.: Художественная литература, 1964. С. 11–32.
- Марахонова 2016 — *Марахонова С. И.* Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016. 432 с.
- Медведев 2005 — *Медведев И. П.* «Меня манят архивы, пока я молод» (Малоизвестные факты из биографии Н. П. Лихачева) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб.: Наука, 2005. Вып. 29. С. 278–284.
- Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Платонова 1998 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // *АВ.* 1998. Вып. 5. С. 371–381.
- Российский институт... 2003 — *Российский институт истории искусств в мемуарах / под общ. ред. И. В. Сэпман.* СПб.; РИИИ, 2003. 304 с.
- Сидорчук 2016 — *Сидорчук И. В.* Деятельность Н. Я. Марра на посту Председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки.* 2016. № 4 (255). С. 96–107.
- Смирнов 2013 — *Смирнов Н. Ю.* Заметки М. А. Тихановой по истории РАИМК–ГАИМК в 1920–1930-е гг. // *АВ.* 2013. Вып. 19. С. 292–300.
- Сыченкова 2012 — *Сыченкова Л. А.* Историографический образ Федора Шмита // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия: гуманитарные науки.* 2012. Т. 154, кн. 3. С. 199–208.
- Сыченкова 2013 — *Сыченкова Л. А.* Федор Иванович Шмит: культурно-историческое прочтение биографии и его теория циклического развития искусства // *Шмит Ф. И. Избранное. Искусство: проблемы теории и истории.* СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 787–981.

- Сыченкова 2022 — *Сыченкова Л. А.* Классик российского антиковедения В. К. Мальмберг: казанский период в биографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 30–50.
- Фармаковская 1988 — *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка, 1988. 215 с.
- Шофман 2009 — *Шофман А. С.* Не угаснет огонь Прометея // Мир историка: историографический сборник. Омск: Изд-во Омского ГУ, 2009. Вып. 5 / отв. ред. В. П. Корзун. С. 370–417.
- Юзбашян 1964 — *Юзбашян К. Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961). М.: Наука, 1964. 159 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30. Журнал заседаний разряда греко-римского искусства и разряда археологии Скифии и Сарматии, Отдела древностей Государственного Эрмитажа и Отдела античного искусства ГИИИ. 25 л.
- СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1079. Шмит Ф. И. — Н. Я. Марру, от 21.10.1924 г. 10 л.

AT THE ORIGINS OF RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

Review of: **Отцы-основатели РАИМК:**

их жизненный путь и вклад в науку / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский.

СПб.: ИИМК РАН, 2022. 872 с.: ил. ISBN 978-5-6047952-0-0

L. A. SYCHENKOVA

Keywords: *history of culture, history of Russian archaeology, retrospective approach, material culture, РАНМС, biographies, historiography*

The review analyzes the collective monograph “Fathers of the РАНМС: Their Life Path and Contribution to Science” (2022). The retrospective approach taken by the authors allowed them to come up with more objective portraits of the scholars who worked in one of the first Soviet scientific centers of Petrograd-Leningrad. A salient characteristic of the essays composing the volume is a respectful and delicate intonation of biographic descriptions, which helps to overcome some long held myths, ungrounded accusations. The creative portraits of 48 brilliant Soviet historians of culture, archaeologists, art historians and museologists make it possible to reevaluate the unique experience of an leading center of humanitarian knowledge in the context of the complex socio-cultural milieu of the 1920s–1930s.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «М. В. ФАРМАКОВСКИЙ (1873–1946). АНТИЧНИК У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ»¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, Н. М. МИЛИХИНА²

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-141-147

Со 2 по 3 ноября 2023 г. в Институте истории материальной культуры РАН прошла научная конференция «М. В. Фармаковский (1873–1946). Античник у истоков отечественной археологической технологии». Она была приурочена к 150-летию со дня рождения ученого. Долгое время имя этого выдающегося деятеля отечественной науки и культуры находилось в тени великого брата — Бориса Владимировича Фармаковского. О жизненном пути Мстислава Владимировича вообще было известно не очень много (Иессен 1947; Корнилов 1947; Бобровская, Алёкшин 2013: 391, 392), лишь в сравнительно недавнее время ситуация стала меняться к лучшему (Андреева 2012; Выскочков и др. 2019; Виноградов 2021; Виноградов, Шауб 2022). Одним из проявлений возрастающего интереса к деятельности М. В. Фармаковского стала конференция, прошедшая в нашем Институте. В ней в основном приняли участие ученые из Санкт-Петербурга — ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, Русского музея, СПбГУ и др. (рис. 1, 1); заявленная тема нашла также отклик среди крымских исследователей и археологов Армении.

Особым событием в работе конференции стало присутствие на ней потомков М. В. Фармаковского, проживающих в Москве, — вдовы его правнука Маргариты Павловны Фармаковской, ее сына (праправнука ученого) Петра Владимировича с супругой Инной Владимировной и двух их дочерей — Кати и Ульяны. Маргарита Павловна обратилась к собравшимся с приветственным словом и рассказала о своей деятельности по сохранению и изучению наследия семьи Фармаковских (рис. 1, 2). Она продемонстрировала генеалогическое древо Фармаковских, в продолжении воссоздания которого сейчас участвуют праправнуки Мстислава Владимировича.

Научная программа конференции была открыта докладом Ю. А. Виноградова и И. Ю. Шауба (СПб., ИИМК РАН) «М. В. Фармаковский. Слово об ученом». В нем были обозначены основные вехи жизненного пути М. В. Фармаковского. Авторы акцентировали внимание на многообразии талантов и научных интересов исследователя. Получив классическое образование в Новороссийском университете и проявив большой интерес к античной археологии, он стал выдающимся специалистом в области археологической технологии и сохранении музейных коллекций, крупным музейным работником, а также замечательным художником, критиком и журналистом. Деятельность М. В. Фармаковского

---

¹ Конференция проведена в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

© Виноградов Ю. А., Милихина Н. М., 2024

во всех этих областях сделала его выдающейся фигурой в истории отечественной науки и культуры.

И. Л. Тихонов (СПб., СПбГУ) выступил с докладом «Институт исторической технологии ГАИМК в 1930-е гг.». На основании изучения большого архивного материала он осветил непростую ситуацию, в которой приходилось работать Институту исторической технологии в это время. Автор особо подчеркнул, что подобного научного учреждения ранее не было ни в нашей стране, ни за рубежом, нет его и сейчас. Созданная в ГАИМК в 1931 г. партийная организация постепенно взяла контроль над Академией и обратила пристальное внимание именно на Институт исторической технологии. Это привело к трудностям в работе, многочисленным кадровым перестановкам и т. п. Несмотря на это, Институт продолжал активнейшую научную деятельность, внедряя инновационные естественно-научные методы консервации и реставрации археологических объектов.

Большой интерес вызвал доклад *О. Л. Глушковой* (СПб., Русский музей) «Мстислав Фармаковский — художник». Исследовательница представила обзор художественного наследия М. В. Фармаковского, начиная с его первых работ, созданных во время обучения в Одесском художественном училище Общества изящных искусств. В докладе было продемонстрировано многообразие сюжетов, к которым обращался М. В. Фармаковский, — от графических иллюстраций в журнале «Сириус», шаржей и карикатур до больших живописных полотен на исторические и религиозные темы. Очень важными представляются приведенные исследовательницей сведения из переписки М. В. Фармаковского с друзьями и родственниками.

Н. А. Мозохина (СПб., Русский музей) представила вниманию собравшихся доклад «М. В. Фармаковский во Франции: 1906–1908 гг.». В нем она подробно охарактеризовала парижский период жизни М. В. Фармаковского. Тогда он не только изучал химию в Сорбонне, но и активно впитывал художественную атмосферу города, участвовал в многочисленных художественных выставках и конкурсах, заводил знакомства. К этому этапу относится и деятельность Мстислава Владимировича в журнале «Сириус», созданном им вместе с поэтом Н. С. Гумилёвым. Приобретенные в это время знания и умения нашли свое применение позже, когда М. В. Фармаковский трудился на должности главного хранителя Русского музея.

В докладе *Н. А. Сулягиной* (СПб., Гос. Эрмитаж) «М. В. Фармаковский и работа по реставрации ноин-улинской коллекции в Институте археологической технологии (1920–1930-е гг.)» рассмотрен неоценимый вклад ученого в организацию процесса реставрации предметов из раскопок Ноин-Улы (Монголия). М. В. Фармаковским и другими сотрудниками Института археологической технологии ГАИМК была обработана и отреставрирована значительная часть находок. Накопленный опыт позволил выработать методику работы с хрупкими археологическими материалами — лаками, красками и тканями, а также подготовить инструкции по реставрации, упаковке и хранению музейных экспонатов. Большое значение имеет проведенное тогда изучение этих материалов естественно-научными методами. Все это позволило сформировать базу для дальнейших комплексных научных исследований коллекции и повлияло на развитие методики полевой реставрации.

Очень ярко прозвучало сообщение *М. В. Медведевой* (СПб., ИИМК РАН) «Несколько сюжетов из художественного наследия М. В. Фармаковского в области археологии». По ее подсчетам, в различных археологических изданиях было воспроизведено более 1000 рисунков М. В. Фармаковского. Свое внимание исследовательница сосредоточила на его участии в подготовке работы Э. Р. Штерна «Доисторическая греческая культура на юге России». Для нее были изготовлены цветные иллюстрации очень высокого качества, которые сейчас хранятся в научном архиве ИИМК. Среди них имеются рисунки древнегреческой керамики из раскопок Березани и Ольвии, являющиеся бесценным материалом для дальнейшего археологического изучения.

Рис. 1. Участники конференции: 1 — в Дубовом зале Ново-Михайловского дворца (слева направо: М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Катя Фармаковская, И. В. Фармаковская, М. П. Фармаковская, П. В. Фармаковский (стоит сзади), Ульяна Фармаковская, Ю. А. Виноградов, Н. М. Милихина, Е. В. Четвёркина); 2 — М. П. и Е. П. Фармаковские делают сообщение о работе над генеалогическим деревом семьи Фармаковских; 3, 4 — на могиле Б. В. и М. В. Фармаковских: 3 — М. П. и П. В. Фармаковские возлагают цветы; 4 — слева направо: П. В. Фармаковский, Ю. А. Виноградов, Н. М. Милихина, Ульяна Фармаковская, М. П. Фармаковская, Катя Фармаковская, Ю. И. Ильина

Fig. 1. Conference participants: 1 — in the Oak Hall of Novo-Mikhailovsky Palace (from left to right: M. Yu. Vakhtina, V. A. Goroncharovsky, Katya Farmakovskaya, I. V. Farmakovskaya, M. P. Farmakovskaya, P. V. Farmakovsky (standing behind), Ulyana Farmakovskaya, Yu. A. Vinogradov, N. M. Milikhina, E. V. Chetverkina); 2 — M. P. and E. P. Farmakovsky giving a talk about their work on the genealogical tree of the Farmakovsky family; 3, 4 — at the grave of B. V. and M. V. Farmakovsky: 3 — M. P. and P. V. Farmakovsky lay flowers; 4 — from left to right: P. V. Farmakovsky, Yu. A. Vinogradov, N. M. Milikhina, Ulyana Farmakovskaya, M. P. Farmakovskaya, Katya Farmakovskaya, Yu. I. Ilyina

Доклад Ю. А. Виноградова и О. В. Григорьевой (СПб., ИИМК РАН) «Письма М. В. Фармаковского брату» был посвящен архивным материалам, обнаруженным в последнее время в фондах РГИА. Там среди документов, связанных с деятельностью Б. В. Фармаковского, хранятся письма и открытки от его младшего брата за период 1896–1917 гг. В докладе был представлен общий обзор писем из Одессы, Берлина, Парижа и Петербурга. Они рассказывают о поездках Мстислава Владимировича, некоторых обстоятельствах его жизни и военной службы. Изложенные в письмах мысли и оценки российской действительности тех лет позволяют понять доверительные отношения, сложившиеся между братьями.

Об одном аспекте деятельности Б. В. Фармаковского в области формирования провинциальных музеев было рассказано в сообщении А. В. Зенкова (СПб., СПбГУ) и В. В. Яковлевой (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет) «Б. В. Фармаковский у истоков формирования коллекции Музея древностей

Пермского университета». В нем представлены архивные материалы, содержащие сведения об участии Б. В. Фармаковского в развитии Музея древностей Пермского университета, созданного в 1916 г. Приведенные авторами фрагменты из писем Бориса Владимировича директору музея Б. Л. Богаевскому свидетельствуют, что он не только жертвовал музею свои сочинения и некоторые принадлежащие ему древние артефакты, но и содействовал в приобретении для музея коллекции Эльтермана.

Целая серия докладов была посвящена вопросам археологической технологии, которым столь большое внимание уделял М. В. Фармаковский. В. А. Горончаровский, Е. Ю. Медникова и А. А. Семенцов (СПб., ИИМК РАН) выступили с сообщением «Полиполяризационный метод исследования состава „лака“ античной керамики». Они представили промежуточные итоги серии экспериментов по воссозданию технологии изготовления чернотлакового и краснотлакового покрытий античной керамики. Полиполяризационный метод позволил выявить в составе такого покрытия органические волокна, которые могут свидетельствовать об использовании при создании «лака» толченых раковин мидий и гребешков.

В докладе Е. В. Четвёркиной (СПб., ИИМК РАН) «И. П. Красников и изучение античной керамики в Институте археологической технологии ГАИМК» было рассказано о жизни и научной деятельности сотрудника Института археологической технологии И. П. Красникова. Ученый принимал участие в реставрации и изучении античных материалов, в частности исследовал состав черного лака, но примеси толченых раковин он там не обнаружил.

А. Е. Петракова и О. М. Шувалова (СПб., Гос. Эрмитаж) выступили с докладом «Исследование и реставрация гидрии-кальпиды с изображением Ники с треножником». Этот сосуд был приобретен для Императорского Эрмитажа у керченского мещанина Е. Р. Запорожского в 1890 г.; он принадлежит Мастеру Евхариду и датируется первой четвертью V в. до н. э. В ходе реставрации, проведенной в последние годы, удалось выявить следы ремонта вазы в античное время, а также исправить и демонтировать фрагменты других сосудов, которые были ошибочно вставлены во время реставрационных работ второй половины XIX в.

Аналогичный сюжет был рассмотрен в докладе Ю. И. Ильиной и Б. А. Кутергиной (СПб., Гос. Эрмитаж) «Уникальный модиолус из Ольвии: его происхождение и реставрация». Этот сосуд, изготовленный в I в. н. э., представляет собой большую чашу прозрачного стекла с вертикальной петлевидной ручкой. Модиолус происходит из раскопок в Ольвии Б. В. Фармаковского, он пополнил коллекцию Эрмитажа в 1909 г. В результате реставрации сосуда был произведен его полный демонтаж и расчистка фрагментов от старого клея. Затем была осуществлена склейка модиолуса с применением более современных материалов, а также восполнение утрат.

Заседание следующего дня, 3 ноября, было начато докладом Ю. А. Виноградова (СПб., ИИМК РАН) «Сакральное небо боспорских расписных склепов». В нем автор обратился к росписям боспорских склепов, многие из которых были скопированы М. В. Фармаковским. По его мысли, свод гробниц создает образ сакрального неба той блаженной страны, в которую, по представлениям боспорской аристократии, они попадали после окончания земной жизни.

Затем Ю. И. Ильина и Т. В. Шлыкова (СПб., Гос. Эрмитаж) выступили с сообщением «Эллинистический кубок из Ольвии: реставрация и исследование». Они представили результаты комплексного изучения рельефного кубка, обнаруженного в Ольвии во время раскопок 1908 г. В ходе расчистки удалось выявить ранее незаметные элементы декора сосуда — фигуры птиц и ящериц, а также рельефную греческую надпись Χάρις.

Доклад А. П. Бехтер (СПб., Санкт-Петербургский институт истории РАН) и Ю. И. Ильиной (СПб., Гос. Эрмитаж) «Архаический абэцэдариий из Ольвии (раскопки Е. И. Леви, А. Н. Карасёва)» был посвящен чрезвычайно любопытной археологической находке — керамическому фрагменту с прочерченными на нем буквами древнегреческого алфавита (так называемый абэцэдариий). Такие находки предоставляют важную информацию о распространении грамотности в Ольвии.

А. М. Бутягин (СПб., Гос. Эрмитаж) выступил с сообщением «Технологии производства ткацких пирамидальных грузил в Северном Причерноморье». В нем он рассказал о своих экспериментах в области изготовления этих столь многочисленных на античных поселениях предметов. Его опыты показали, что наиболее вероятным методом изготовления пирамидальных грузил являлась их формовка в деревянной колоде или бруске.

Итогом большой исследовательской работы стал доклад С. В. Ушакова (ИА Крыма РАН, Филиал МГУ в Севастополе) и Е. В. Струковой (Севастополь, ГМЗ «Херсонес Таврический») «Предметы античного времени из металла из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса (1974–2017). Характер находок, проблемы изучения, консервации, реставрации и сохранения». Крымские археологи представили результаты изучения комплекса предметов из металла, обнаруженных за длительный период раскопок Северо-Восточного района Херсонеса. Ими охарактеризованы все категории таких находок, приведено их процентное соотношение. Наиболее многочисленными предметами такого рода являются гвозди, наконечники стрел, перстни и рыболовные крючки. Отдельно были охарактеризованы такие редкие находки, как бронзовые фигурные бляшки. Исследователи уделили внимание методам музейной реставрации металлических предметов.

В докладе А. Г. Букиной, И. А. Григорьевой и К. С. Чугуновой (СПб., Гос. Эрмитаж) «О золочении на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н. э.» были описаны особенности технологии золочения элементов росписи краснофигурных ваз из коллекции Гос. Эрмитажа. Анализы микрошлифов золотых деталей позволили установить, что золочение выполнялось листком толщиной около 1 мкм, который накладывался поверх тонкого органического слоя.

А. Е. Петракова (СПб., Гос. Эрмитаж) продолжила тему, связанную с изучением античных vaz. В докладе «Полихромия на афинских краснофигурных вазах IV в. до н. э. с изображением амазонок» она представила большую серию сосудов такого рода. Их отличительная особенность — наличие яркой полихромии. Особое внимание было уделено анализу химического состава пигментов, используемых в подобном типе росписей.

Совсем другой, несколько неожиданный сюжет был раскрыт в сообщении А. К. Каспарова, Е. С. Кондрашовой (СПб., ИИМК РАН), В. П. Толстикова (Москва, ГМИИ) и А. М. Бутягина (СПб., Гос. Эрмитаж) «Львы в античном Крыму. Первые находки». В нем было рассказано об уникальных находках костей львов, сделанных во время раскопок Пантикапея (2023) и Мирмекия (2022). Авторы полагают, что животные не были завезены на Боспор, а обитали непосредственно на территории Крыма.

Н. М. Милихина (СПб., ИИМК РАН) выступила с сообщением «Цветная штукатурка из Мирмекия: технология производства». В нем она подвела промежуточные итоги изучения фрагментов расписной штукатурки римского времени из раскопок Мирмекия последних лет. Исследовательница обозначила основные методы нанесения штукатурки на стены, приемы ее последующей росписи и т. д. Работа с коллекцией находок, хранящихся в ИИМК РАН, позволила ей соотнести отдельные фрагменты штукатурки с данными отчетов В. Ф. Гайдукевича.

Значительно более широкой теме был посвящен доклад М. Т. Кашубы (СПб., ИИМК РАН), М. А. Кульковой (СПб., РГПУ им. Герцена), А. М. Кулькова (СПб., СПбГУ) и Ю. В. Кожуховской (Симферополь, Крымский федеральный университет) «Традиции и технологические аспекты знаковых аксессуаров одежды у населения позднего бронзового века Северного Причерноморья». Его авторы показали основные территориальные зоны и обозначили хронологические рамки распространения различных типов бронзовых фибул. Ими была выдвинута гипотеза, что распространенные в эпоху позднего бронзового века булавки с закрученной головкой являлись частью составных односпиральных фибул, спинкой которых являлись несохранившиеся ремешки из кожи или сухожилий.

В докладе пяти соавторов, В. А. Горнчаровского, И. А. Гараева, А. К. Каспарова, С. В. Кашаева, О. В. Лоховой (СПб., ИИМК РАН), «Реконструкция пищевых моделей населения

южной части Таманского полуострова в античный период (по материалам некрополей Артющенко 2 и Волна 1)» были продемонстрированы некоторые возможности современной археологической науки. Изотопный анализ человеческих костных остатков позволяет определить в них состав углерода и азота, что очень важно для изучения пищевой модели, практиковавшейся древним населением. Такие анализы были проведены на материалах двух античных некрополей Таманского полуострова. Было выполнено также сравнение этих показателей для ранних (V — первой половины IV в. до н. э.) и поздних (IV–I вв. до н. э.) погребений.

Т. В. Рябкова (СПб., Гос. Эрмитаж) и М. Ю. Вахтина (СПб., ИИМК РАН) сделали сообщение «Гемма с изображением Артемиды из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье 1914 г.». В нем они всесторонне рассмотрели это любопытное произведение античного прикладного искусства, происходящее из варварского контекста.

В. П. Никонов (СПб., ИИМК РАН) выступил с докладом «К интерпретации резных изображений на некоторых костяных пластинках иранского происхождения, найденных Б. В. Фармаковским в Ольвии в 1906 г.». Всесторонне рассмотрев четыре пластины из этого набора, автор убедительно показал, что они изображают представителей царского двора. По его заключению, их можно датировать в пределах III в. н. э., что подтверждает первоначальную атрибуцию Б. В. Фармаковского.

В докладе А. Е. Терещенко (СПб., Русский музей) «Об идентификации одного типа нашивных бляшек из скифских курганов» рассмотрены золотые бляшки, которые многими исследователями определялись как «голова Афины в львином шлеме». Однако, по мнению автора, эти бляшки объединяют голову молодого божества или героя, почти всегда в бараньегорогом шлеме, и морду оскалившегося льва. Вероятность того, что здесь представлена Афина, весьма мала, поскольку изображения богини в столь специфическом шлеме до сих пор не было обнаружены.

Сообщение Е. Г. Шалахова (ГБУК РМЭ «Замок Шереметева») «История античной Синдидики в связи со случайной находкой скифского псаля в окрестностях Анапы» было сделано дистанционно. В нем автор попытался охарактеризовать находку этого показательного артефакта в контексте культурно-исторического развития Северо-Западного Предкавказья.

Б. В. Варданян и Л. А. Мкртчян (Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения) выступили с докладом «Археологические исследования в античном комплексе Лернакерте (Армения)». Информация о новых археологических открытиях, представленная армянскими коллегами, вызвала большой интерес у собравшихся в зале заседаний.

Научная программа конференции была завершена сообщением Е. Г. Застрожной (СПб., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) «Об одном портрете кисти М. В. Фармаковского, хранящемся в Петербургском филиале Архива РАН». Вниманию аудитории был впервые представлен обнаруженный в фондах «Портрет неизвестной дамы в атласном платье», написанный М. В. Фармаковским в 1906 г. Исследовательница предполагает, что на портрете изображена мать ученого, однако подлинно установить это пока не удалось. Во всяком случае, М. П. Фармаковская высказала сомнения по поводу такой интерпретации.

Сообщение Е. Г. Застрожной по-своему совершило возвращение к темам, прозвучавшим в начале работы конференции. Завершив этот круг, участники научного собрания перешли в отдел истории античной культуры ИИМК, где за дружеским чаепитием продолжили обсуждение затронутых ранее сюжетов. Всеми было признано, что конференция прошла на очень высоком уровне и сделанные на ней доклады заслуживают публикации в периодических изданиях ИИМК.

На следующий день, 4 ноября, несмотря на дождливую погоду, все приехавшие в Петербург Фармаковские, а также некоторые из участников конференции отправились на Шуваловское кладбище, где, как известно, покоятся Б. В. и М. В. Фармаковские (рис. 1, 3, 4). Там они поклонились могиле великих ученых и убрали с нее опавшие осенние листья.

Литература

- Андреева 2012 — *Андреева И. В.* «Всё зрительно безграмотное должно быть неумолимо изгоняемо с выставки» (М. В. Фармаковский об эргономике экспозиции) // Гороховские чтения: Материалы третьей региональной музейной конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2012. С. 350–357.
- Бобровская, Алёшкин 2013 — *Бобровская Е. В., Алёшкин В. А.* Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ДЛИА АН СССР/ИИМК РАН // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.
- Виноградов 2021 — *Виноградов Ю. А.* Фармаковский Мстислав Владимирович // Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века. Т. II / Гаврилов А. К. (отв. ред.). СПб.: Bibliotheka classica Petropolitana, 2021. С. 752–758.
- Виноградов, Шауб 2022 — *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // Горончаровский В. А. (науч. ред.-сост.). Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 709–725.
- Высочков и др. 2019 — *Высочков Л. В., Сокурова О. Б., Шелаева А. А.* «Звёздный» журнал Николая Гумилёва и Мстислава Фармаковского // Вестник Томского ГУ. 2019. № 449. С. 16–22.
- Иессен 1947 — *Иессен А. А.* Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 165–167.
- Корнилов 1947 — *Корнилов П. М. В.* Фармаковский // Сообщения Государственного Русского музея. 1947. № 2. С. 48–49.

AD MEMORIAM

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИГОРЯ ГЕОРГИЕВИЧА ШУРГАЯ¹

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ²

Ключевые слова: *Игорь Георгиевич Шургая, античная археология Северного Причерноморья и Средиземноморья, полевые исследования на Боспоре.*

И. Г. Шургая (1934–1982) был признанным специалистом в области изучения античных памятников эллинистического и римского времени. Он принимал активное участие в проводившихся на территории Керченского полуострова раскопках таких боспорских городов, как Мирмекий и Илурад. В течение ряда лет исследователь успешно возглавлял работу Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Многие его научные статьи давно стали классикой отечественной археологии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2024-30-31-148-152

Выдающийся ученый Игорь Георгиевич Шургая родился 1 мая 1934 г. в Ленинграде в русско-грузинской семье, что вполне объясняло присущий ему кавказский темперамент. Детство будущего археолога прошло в самом центре города, в доме 19 по 2-й линии Васильевского острова. Здесь ребенком Игорь Шургая пережил все ужасы блокады. Всем известен блокадный дневник Тани Савичевой, а ведь писался он всего в 200 м от дома семьи Шургая, на той же 2-й линии В. О. Тогда же, осенью блокадного 1941 г., он начал учиться в расположенной недалеко от дома школе № 24 Василеостровского района (Средний пр. В. О., 20). Грустным был первый школьный день: ни цветов, ни приветствий. И это было отнюдь не 1 сентября. Тогда, учитывая ситуацию (немцы накануне захватили станцию Мга в 50 км от Ленинграда), занятия во всех школах отменили и начались они только 3 ноября. Конечно, ходить в школу, которая, кстати, без перерыва проработала всю войну, было небезопасно, и один раз маленького Игоря даже ранил случайный осколок. Впрочем, кварталу, где находился его дом, повезло: в него не попал ни один снаряд и не упала ни одна бомба.

Уже в то тяжелое время началось увлечение Игоря Шургая античной историей и археологией. Возможно, этому способствовало его знакомство с одноклассником, в будущем известным востоковедом Анатолием Павловичем Терентьевым-Катанским (1934–1998), жившим по соседству на 1-й линии В. О. Много лет спустя тот вспоминал, какое большое влияние на него оказал страшной зимой 1942 г. рассказ отца, лежавшего в изнеможении на кровати, о платоновской Атлантиде, ее столице, построенной из белого, красного и черного камня, о храме Посейдона и бронзовых колесницах... «Это определило впоследствии мой выбор профессии. Желание найти древнейшую на земле цивилизацию привело меня в востоковедение» (Терентьев-Катанский 2001: 158). Другого семилетнего мальчика такая мечта, судя по всему, привела в археологию. С 18 лет, после поступления на исторический факультет Ленинградского университета, созданный в год его рождения, античность стала

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Россия.

© Горончаровский В. А., 2024

делом всей жизни Игоря Шургая. Свой первый полевой сезон 1953 г. новоиспеченный студент провел на раскопках Мирмекии в составе Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, которая, помимо этого, вела работы в Тиритаке и Илурате. Руководил экспедицией Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966), ставший научным руководителем И. Г. Шургая, в дальнейшем посвятившего себя изучению Боспора и так называемых малых боспорских городов (Горончаровский 2004). Но круг научных интересов молодого исследователя не ограничился только этим. Надо полагать, определенное влияние здесь оказало общение с членами польской экспедиции в Мирмекии, которую возглавил в 1956 г. профессор Казимеж Михаловский (1901–1981), создавший в том же году Отделение средиземноморской археологии Польской академии наук. Возможно, именно он, будучи приглашенным профессором Александрийского университета в Египте, способствовал зарождению у И. Г. Шургая увлечения античным периодом в истории Северной Африки и идеи будущей кандидатской диссертации.

Между тем обучение в университете завершилось в 1957 г., когда страна после XX съезда КПСС вступила в период политической оттепели. Надо сказать, что И. Г. Шургая, безусловно, принадлежал к новому поколению советских людей и в дальнейшем проявлял себя далеко не столь жестким, как сформировавшийся совсем в другие годы его учитель. Он был человеком очень чутким по отношению к другим людям, болезненно воспринимавшим любую несправедливость.

В. Ф. Гайдукевичу были нужны скромные, ни на что не претендующие помощники, и в феврале 1958 г. И. Г. Шургая приняли в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА) на должность научно-технического сотрудника, то есть лаборанта, с окладом 740 руб. В этом качестве он продолжал участвовать в раскопках Мирмекии, а в 1962 г. стал аспирантом группы античной археологии института. Тема будущей диссертации определилась далеко не сразу. Сначала она называлась «Экономика городов Северной Африки в римскую эпоху». Затем, после публикации до сих пор сохраняющих свое значение статей о позднеэллинистической рельефной керамике (Шургая 1962; 1963; 19656), тема изменилась на «Внешнеэкономические связи Боспора эпохи эллинизма». В 1965 г., когда И. Г. Шургая перевели на должность младшего научного сотрудника, она трансформировалась еще раз — «Александрия Египетская — ремесленный и торговый центр в III–I вв. до н. э.». В итоге 8 февраля 1967 г. успешно прошла защита кандидатской диссертации с другим названием — «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV — I в. до н. э.)». Удивительно, но в том же 1967 г. в результате туристической поездки, организованной по линии Академии наук, у Шургая появилась возможность своими глазами увидеть Александрию и памятники Древнего Египта, а также античное наследие Ливии и Туниса. Надо сказать, что проблемы изучения эллинистической Александрии всегда оставались в поле его зрения. Отдельные связанные с ними крупные статьи стали классикой отечественной античной археологии (Шургая 1965а; 1971; 1972; 1974; 1977). К сожалению, его почти завершенная книга «Александрия Египетская. Очерки истории культуры столицы Птолемеев эпохи эллинизма» так и осталась неопубликованной.

Всего за четыре месяца до защиты кандидатской диссертации Игорь Георгиевич лишился поддержки В. Ф. Гайдукевича, скончавшегося в октябре 1966 г. в Керчи. Именно в том году он в первый раз провел полевой сезон в Илурате, боспорском городе-крепости близ деревни Ивановка, в 17 км от Керчи. В 1968 г. И. Г. Шургая вернулся туда, сделав целью работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции осуществление одной из задач, поставленных в свое время его учителем: дальнейшее расширение площади юго-западного участка раскопок вдоль Большой продольной улицы Илурата, чтобы в перспективе раскрыть центральную часть древнего города (Шургая 1970).

Исследование строительных комплексов на юго-западном участке было продолжено и в 1970 г., хотя работу осложнила ситуация с эпидемией холеры в Керчи в самый разгар

полевого сезона³. Официальной информации и рекомендаций как всегда не было, да и соблюсти все санитарные предосторожности в походных условиях было достаточно сложно. Спасала только некоторая удаленность от Керчи, где разворачивались основные события, связанные с болезнью. Шестидневной обсервации пришлось дожидаться долго, и только после этого стало возможным покинуть Керчь и отправиться домой. Эти события так впечатлили Игоря Георгиевича, что даже два года спустя он требовал, чтобы все овощи и фрукты в экспедиции предварительно мыли слабым раствором марганцовки.

Группу античной археологии ЛОИА тогда возглавлял Павел Николаевич Шульц (1900–1983), посвятивший свою жизнь изучению культуры поздних скифов в Крыму и их столицы Неаполя Скифского. Со временем он стал часто и продолжительно болеть, поэтому в 1971 г. ставший к тому времени старшим научным сотрудником И. Г. Шургая был назначен заведующим вместо него.

Теперь можно перейти к личным воспоминаниям. Первая встреча с Игорем Георгиевичем для меня и моего однокурсника Юрия Алексеевича Виноградова произошла в 1972 г., когда для нас заканчивался первый курс на кафедре археологии истфака Ленинградского государственного университета и предстояла первая в жизни полевая практика. Когда мы узнали, что на лето можно устроиться в Илуратский отряд Боспорской экспедиции, который будет работать в Восточном Крыму, то отправились на Дворцовую наб., 18, знакомиться с его начальником, И. Г. Шургая. Несмотря на свой еще не очень солидный возраст, всего 38 лет, Игорь Георгиевич выглядел и держался как мэтр. Сразу обращали на себя внимание подвижное лицо с тонкой полоской ухоженных усов, эмоциональная речь и усиленная жестикуляция — свидетельства довольно импульсивного характера. Из предварительной беседы можно было понять, что Илурат — это замечательное живописное место со степной растительностью, где, конечно, жарко, зато абсолютно нет комаров, «потому что их ветер уносит». Потом пришлось убедиться в обратном, хотя насчет сильного ветра это была абсолютная правда.

В тот год мы приехали в Илурат на открытом грузовике под вечер. Шел дождь, пришлось по колено в воде переносить вещи и оборудование через разлившийся по дну глубокой балки ручей и затем ставить лагерь на вершине холма около юго-западных ворот крепости. Уже на следующий день перед нами в первый раз предстала уникальная по сохранности боспорская крепость, выстроенная когда-то по последнему слову античной фортификации на скалистом плато, откуда открывался прекрасный вид на окрестности и синюю линию моря на горизонте.

В том полевом сезоне И. Г. Шургая решил отказаться от постепенного продвижения к центру города и заложил там новый раскоп для проверки своей идеи о том, что на пересечении двух главных улиц должна находиться большая площадь, возможно, со статуями и надписями. Из-за огромных завалов камней работа здесь продвигалась медленно и порой напоминала каменоломни, где основным орудием труда была кирка.

В палатке начальник экспедиции не жил, а снимал комнату в Ивановке, в доме, который облюбовал еще В. Ф. Гайдукевич. Этот дом располагался на восточном краю деревни, всего в каком-то километре от экспедиционного лагеря. На раскопе Игорь Георгиевич появлялся обычно не ранее 9 часов утра в черных очках, белом костюме и белой пилотке на голове. Общение с ним в течение рабочего дня очень любили студентки Академии художеств, проходившие археологическую практику на раскопках Илурата, так как под интересную беседу можно было немного передохнуть и на некоторое время забыть о надоевшей лопате. А поговорить было о чем. И. Г. Шургая был настоящим ленинградским интеллигентом, непревзойденным рассказчиком, легко затрагивавшим любые темы — от истории Древней Греции и Боспорского царства до подробностей жизни великих полководцев и ученых или поэзии Серебряного века.

Хотя большой городской площади в центре Илурата не оказалось, это был просто перекресток двух главных улиц, результаты все равно впечатляли. Здесь удалось обнаружить

³ Красочное описание этой ситуации см.: Кубланов 2014: 189–206.

остатки тротуаров на улице и небольшое домашнее святилище с алтарем и набором лепных статуэток, связанных с культом плодородия (Шургая 1975; 1986).

После этого полевого сезона, когда Игорь Георгиевич стал моим научным руководителем, я часто приходил в его уютный домашний кабинет, где из окна открывался прекрасный вид на крыши петербургских домов и купола Академии художеств. Вспоминается фраза, которую не раз можно было от него услышать: «Вот часто говорят, что археолог — это не кабинетный ученый... да самый кабинетный!». Над его рабочим столом висела в рамке акварель работы уже упоминавшегося А. П. Терентьева-Катанского, обладавшего незаурядным талантом рисовальщика. Больше всего ему удавались забавные портреты-шаржи своих коллег. На акварели Анатолий Павлович со свойственным ему юмором скопировал средневековую миниатюру, изобразив своего друга в виде германского императора Оттона II со всеми атрибутами власти, пришедшими в Западную Европу из Византии.

Рядом на стене находился гравированный портрет другого императора, Наполеона I. Все это, конечно, отражало разнообразные увлечения хозяина кабинета. Нужно было быть большим поклонником великого корсиканца, чтобы выложить за редкое издание мемуаров его секретаря Луи Бурьенна 200 руб., сумму, равную тогда месячной зарплате младшего научного сотрудника с кандидатской степенью. Как большой раритет в его столе хранился офицерский крест кавалера ордена Почетного легиона времени наполеоновских войн. С такой же страстью Игорь Георгиевич относился к архитектуре и истории Петербурга. Прогулки с ним по улицам и набережным города порой превращались в настоящие лекции. Он мог рассказывать буквально о каждом доме, называть события, с ним связанные, перечислять владельцев. Не знаю, кто бы мог с ним в этом сравниться.

На одной стене кабинета висело написанное еще в XVIII в. тондо — копия «Мадонны делла Седиа» Рафаэля, другая была целиком заставлена книгами, в том числе привезенными в свое время из Северной Африки. Свои познания в отношении античного периода в истории этого региона он передавал студентам, читая на историческом факультете родного университета курсы «Северная Африка в античную эпоху» и «Античная археология Северной Африки».

В отношении Илурата после 1972 г. наступил перерыв на четыре года, связанный с различного рода неприятностями. Учитывая некоторые проблемы, по большей части формального характера, связанные с выполнением плановой темы, руководство института решило «разгрузить его от обязанностей заведующего Группой», «дистанционное управление» которой стала осуществлять из Москвы И. Т. Кругликова. Все вернулось на круги своя только в декабре 1980 г., когда Игорь Георгиевич даже получил премию в размере 120 руб. за руководство группой античной археологии на общественных началах.

Начиная с 1976 г. И. Г. Шургая, очень ценивший городской комфорт, тем не менее год за годом отправлялся на раскопки Илурата, который искренне любил. С этим периодом его жизни связаны многие важные открытия, полученные в ходе изучения планировочной структуры Илурата. Особо следует отметить такие находки, как клад из 66 боспорских статов 242/243–267/268 гг., позволивший уточнить дату гибели города (Фролова, Шургая 1982), и обломок штукатурки с прочерченным на нем изображением тяжеловооруженного всадника — катафрактария (Шургая 1983). Очень ценные материалы дал последний в жизни И. Г. Шургая полевой сезон 1981 г., когда были обнаружены винодельня с хорошо сохранившимися давальными площадками и двумя цистернами для винного сула, считавшаяся утраченной северо-восточная оборонительная стена и потайной колодец, благодаря подземному ходу снабжавший крепость водой в случае осады.

Закончить полевой отчет с описанием этих открытий Игорь Георгиевич уже не успел. Он скоропостижно скончался 6 февраля 1982 г. в результате гипертонического криза. Это было более чем неожиданно. Еще накануне, в пятницу, когда мы вместе ушли с работы, все было в порядке. А в понедельник утром в канцелярии сказали, что Игорь Георгиевич умер. Через несколько дней он был похоронен на 12-м Сосновом участке Северного кладбища города, где спустя десять лет упокоилась его мать, Клавдия Петровна.

Игорь Георгиевич Шургая ушел из жизни в 47 лет, но все же этот эмоциональный, жизнерадостный человек, влюбленный в свое дело, успел сделать достаточно много, чтобы навсегда войти в историю археологических исследований античного Боспора.

Литература

- Горончаровский 2004 — *Горончаровский В. А.* И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора // Дворниченко А. Ю. (ред.). Мавродинские чтения 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 239–240.
- Кубланов 2014 — *Кубланов М. М.* Апокрифы. Потаенные дневники советского служащего. Записи о событиях 1936–1975 гг. СПб.: Деметра, 2014. 624 с.
- Терентьев-Катанский 2001 — *Терентьев-Катанский А. П.* Зашла моя звезда. СПб.: Изд-во КН, 2001. 272 с.
- Фролова, Шургая 1982 — *Фролова Н. А., Шургая И. Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1. С. 91–97.
- Шургая 1962 — *Шургая И. Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 108–120.
- Шургая 1963 — *Шургая И. Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 107–111.
- Шургая 1965а — *Шургая И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4. С. 126–140.
- Шургая 1965б — *Шургая И. Г.* О пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 41–44.
- Шургая 1970 — *Шургая И. Г.* Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг. // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 61–68.
- Шургая 1971 — *Шургая И. Г.* Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья // СА. 1971. № 3. С. 189–202.
- Шургая 1972 — *Шургая И. Г.* О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. № 3. С. 17–29.
- Шургая 1974 — *Шургая И. Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 51–59.
- Шургая 1975 — *Шургая И. Г.* Центральный район Илурата // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 102–108.
- Шургая 1977 — *Шургая И. Г.* О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье // Кобылина М. М. (отв. ред.). История и культура античного мира: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 206–209.
- Шургая 1983 — *Шургая И. Г.* Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 96–100.
- Шургая 1986 — *Шургая И. Г.* Аграрная магия в Илурате // Кошеленко Г. А. (отв. ред.). Проблемы античной культуры: Сб. ст. М.: Наука, 1986. С. 217–222.

TO THE 90TH BIRTH ANNIVERSARY OF IGOR GEORGIEVICH SHURGAYA

V. A. GORONCHAROVSKY

Keywords: *Igor Georgievich Shurgaya, classic archaeology of the North Black Sea region and Mediterranean, field works on Bosporus*

I. G. Shurgaya (1934–1982) was a renowned specialist (1934–1982) in the study of classical sites of the Hellenic and Roman periods. He took an active part in the excavations of the Bosporan cities of Myrmekion and Ilurat on the Kerch peninsula (fig. 1). During a number of years, the researcher successfully headed the work of the Bosporan Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology. Many of his papers have long become classic of Russian archaeology.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия
АЭ СЛМЗ — Археологическая экспедиция Староладожского музея-заповедника
БПЛА — беспилотный летательный аппарат
ВДИ — Вестник древней истории
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВНО — Варшавское научное общество
ВСХИ — Воронежский сельскохозяйственный институт
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАМ — Государственный археологический музей. Варшава
ГИАМЗ — Государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ГК — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации
ГРМ — Государственный Русский музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
Ед. хр. — единица хранения
ЗГ — Земляное городище
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
Российской академии наук (Кунсткамера)
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК — Материалы по истории и археологии Кубани. Краснодар
НА — научный архив
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология
НОА — научно-отраслевой архив
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ — Одесский археологический музей
ПАН — Польская академия наук
ПИФИ — Петербургский историко-филологический институт
РА — Российская археология
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РО — рукописный отдел
РПО — Российское палестинское общество
РЭБ — радиоэлектронная борьба
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САЭ — Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН
Сб. ст. — сборник статей
СЛМ — Староладожский музей-заповедник
СНОР — Союзникельоловоразведка
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СЭ — Советская этнография
ТБ — Тайничная башня
Тр. — труды
ФНИ ГАН — Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
ФО — фотографический отдел
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
SA IMHC — Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 30–31**

Главный редактор: В. А. Лапшин
Корректоры: Л. Н. Образцова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, литер А, каб. 311
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 30.11.2024. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,3. Тираж 300 экз. Заказ 1201.
Дата выхода из печати 15.12.2024

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
Тел. +7 (981) 699-6595
E-mail: 9450922@gmail.com

Цена свободная

